

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ТОМЪ XLVII.

1894 г.

ДЕКАВРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1894.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

СТР.

I. ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО (<i>Продолженіе</i>)	333—348
II. ПРЕЖНІЕ ИЗЫСКАТЕЛИ МАЛУРУССКОЙ СТАРИНЫ. Ал. Лазаревскаго.	349—387
III. ДѢТСКІЙ ЭДЖЪ ДО ВКУШЕНІЯ ПЛОДА ОТЪ ДРЕВА ПОЗНАНІЯ ДОБРА И ЗЛА. (Изъ дѣтскаго міра деревенскаго мальчика). М. Щ. (<i>Продолженіе</i>)	388—401
IV. КЪ ИСТОРИИ МАЛУРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФІИ И МАЛУРУССКАГО ОБЩЕСТВЕННАГО СТРОЯ. (<i>Продолженіе</i>) Николая Василенка.	402—424
V. КЪ ИСТОРИИ ЮЖНО-РУССКИХЪ АПОКРИФИЧЕСКИХЪ СКАЗАНІЙ. Мирона.	425—444
VI. ПОСОЛЬСТВО ЯКОВА СМЯРОВСКАГО КЪ БОГДАНУ ХМЕЛЬНИЦКОМУ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ЗАМОСТЬЯ ВЪ 1648 ГОДУ. (По рукописнымъ источникамъ). (<i>Переводъ съ польскаго</i>) .	445—460
VII. ЮБИЛЕЙНОЕ ЧЕСТВОВАНІЕ ПАМЯТИ ГРИГОРІЯ САВВИЧА СКОВОРОДЫ ВЪ ХАРЬКОВѢ.	461—474
VIII. ОМЕЛЯНЪ ОГОНОВСКІЙ. (Некрологъ).	475—479
IX. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Риторика двадцатыхъ годовъ въ Волынской семинаріи. Ө. Кудринскаго. б) Деревенская оргія. В. М. в) Къ воспоминаніямъ Іосифа Самчевскаго. Феодера Уманца. г) Какъ баба закрала. В. Ястребова. д) Нѣсколько заговоровъ. Сообщ. Сав. Линденбергъ. е) Разказъ о вовкулакахъ. Сообщ. Ив. Бѣньковскій.	480—497
X. БИБЛИОГРАФІЯ. а) Разборъ этнографическихъ трудовъ Е. Р. Романова, составленный проф. Харьковскаго университета Н. Ө. Сумцовымъ. В. Я. б) Извѣстія Имп. Общ. Любит. естествознанія, антропологии и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Томъ LXXXIII. Труды Географическаго Отдѣленія. Выпускъ I. А. Н. Красновъ. Травяныя степи сѣвернаго полушарія. В. Я. в) Baron. de Bay. 1) Rapport sur le congrès international d'Anthropologie de Moscou. P. 1893 2) Souvenir du congrès international d'Anthropologie de Moscou. P. 1893. 3) Le bijou-terie des goths en Russie. P. 1892. 4) Rapport sur les découvertes faites par M. Savenkov dans la Sibirie orientale. P. 1894. Ө. В. г) Paul Sébillot. Les travaux publics et les mines dans les traditions es les superstition de tous les pays. Ө. В. д) Историческая и статистическая записка о дворянскомъ сословіи и дворянскихъ имуществахъ Черниговской губерніи. Составлена Черниговскимъ Губернскимъ Предводителемъ дворянства А. М. Марковичемъ въ 1838 г. Издана Черниговскимъ Губернскимъ Предводителемъ дворянства Графомъ Гр. А. Милорадовичемъ А. Л. е) Гончарный промыселъ въ Полтавской губерніи. Изслѣдованіе И. А. Зарѣцкаго. Изданіе Полтавскаго Губернскаго Земства. ж) Село Зуевцы, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Историко-этнографическій очеркъ Т. М. Устиженка. (приложеніе къ отчету Миргородской Уѣздной Земской Управы за 1893 г.) з)	

Новый отечественный курортъ. (По р. Дибстру. — Историческое «Побережье» Подолія. — Мѣстечко Каменко). и) Родословная Князей Святополкъ на Четвертѣ Четвертинскихъ i) Старинные документы на владѣніе землями г. Кіева, доставленные кіевскимъ городскимъ землебротъ И. Д. Таировымъ и напечатанные по резолюціи, положенной 20 іюля 1894 г. кіевскимъ городскимъ головою д. с. с. С. М. Сольскимъ. **В. Щербини** к) Обзорѣніе журналовъ за 1894 г.

498—115

XI. ПРИЛОЖЕНИЕ: Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (17—32).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1—42

О Т Ъ Р Е Д А К Ц І И.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозныя, правовыя и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

1894 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.

1894.

Дозволено цензурою. Кієвъ, 3 Декабря 1894 года.

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО¹⁾.

Учительскій персоналъ.

Между моими винницкими сослуживцами оказались нѣкоторые изъ университетскихъ товарищей:

Учитель русской словесности *И. Я. Шульгинъ*, латинскаго языка *фонъ-Мерсъ*, исторіи—*Модзелевскій* и математики—*Т. И. Пристюкъ*.

Почтенный Иванъ Яковлевичъ и на службу перенесъ свои студентскія привычки—жить по-дружески съ достойными дружбы и преслѣдовать сарказмами пошляковъ и бездѣльниковъ, да зачитываться за полночь въ постели. Бывало всѣ студенты уснутъ, а Шульгинъ бодрствуетъ: сальная свѣча нагорѣла и запыла, на табуретѣ раскрытая книга, а онъ лежитъ, уткнувшись носомъ въ подушку. Думая, что онъ уже спитъ, я бывало подкрадусь къ нему, чтобы погасить свѣчу, но едва протяну руку съ щипцами, а онъ хватъ по рукѣ и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, снова уткнется носомъ въ подушку. Въ Винницѣ съ нимъ случилось то, чего я всегда боялся въ Институтѣ, сторожа его по ночамъ. Однажды философъ мой заснулъ, свѣча догорѣла, затлѣлась подушка, одѣяло, и, когда его самого порядочно припекло, онъ проснулся и едва не задохся отъ дыма. Но и послѣ такого случая, онъ все-таки не отсталъ отъ своей привычки читать въ постели, придумавъ лишь въ предупрежденіе пожара весьма не хитрый способъ,—ставя свѣчу въ мѣдный тазъ съ водой.

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г., № 11.

Натурально, что, зачитываясь за полночь, онъ частенько опаздывалъ на первый урокъ, за что неоднократно получалъ замѣчанія отъ директора. Опаздываніе и небытность на урокахъ въ Винницкой гимназіи было явленіемъ весьма обыкновеннымъ. Обычай манкировать своими обязанностями до того вкоренился между служащими, что его могъ бы искоренить развѣ самый строгій начальникъ, въ родѣ Зимовского, а не такой, который самъ подавалъ примѣръ нерадѣнія къ своимъ обязанностямъ, не зачитываясь въ постели, подобно Шульгину, а заигрываясь за зеленымъ столомъ до бѣла дня съ гусарами и высыпаясь до одиннадцати часовъ. Особеннымъ упорствомъ по части манкировокъ отличался одинъ изъ выбывшихъ до моего вступленія въ службу учителей—*Гиждеу*, молдаванинъ или цыганъ по происхожденію, извѣстный между прочимъ тѣмъ, что, будучи еще студентомъ, обокралъ университетскую бібліотеку въ Харьковѣ, унося съ собою за подкладкой шинели весьма рѣдкія книги, пользуясь которыми, написалъ два сочиненія на заданныя двумя факультетами темы и получилъ двѣ золотыя медали. Этотъ-то субъектъ, вовсе не будучи боленъ, не бывалъ въ гимназіи по недѣлямъ.

Разъ, говорили мнѣ, директоръ послалъ за нимъ сторожа.

— Идита въ гивназію, дялехтуръ гнѣвается,—обратился къ нему инвалидъ.

— Сейчасъ, любезный, сейчасъ, дай только одѣнусь.

Идетъ Гиждеу въ сопровожденіи сторожа на службу; но подойдя къ гимназическимъ воротамъ—шлепъ въ грязь.

— Ну, голубчикъ, доложи г. директору, что я въ такомъ запачканномъ видѣ не могу показаться ученикамъ.

Повернулся—и пошелъ на квартиру.

Что же послѣ этого значило опозданіе на нѣсколько минутъ нашего словесника? Получая, по донесеніямъ инспектора, частыя нахлобучки, проказникъ нашъ задумалъ отомстить Мазепичу, опоивъ и окормивъ его до безобразія.

Это ему удалось, и на другой день Мазепичъ не явился на службу. По словамъ жены „онъ чуть не пропалъ ночью“. Шульгинъ былъ въ восторгѣ, но восторгъ его продолжался не долго:

на третій день чудовище выльзло изъ своей берлоги—и все опять пошло по старому.

Учитель математики *А. Н. Дельсалъ*, душа-человѣкъ и большой любитель упражненій за зеленымъ столомъ, задумалъ однажды угостить каждаго изъ своихъ гостей его національнымъ блюдомъ: малоросса—варениками, литвина—колдунами, поляка—бигосомъ. Каждый изъ гостей, разумѣется, ограничился предназначеннымъ ему кушаньемъ, а Миничъ нашъ еще до ужина заявилъ, что онъ—космополитъ, и, не желая оскорбить ни одну національность, прежде всего уписалъ тарелку бигосу, потомъ принялся за колдуны, а варениками закусылъ.

Но циркулировавшихъ по городу на счетъ инспектора анекдотовъ не перечтемъ. Бывало, если дома передъ обѣдомъ не случилось соленой закуски, а зайти за-просто было не къ кому, то Миничъ поступалъ такимъ манеромъ: выпьетъ дома рюмку водки, возьметъ въ карманъ булку и пойдетъ по лавкамъ пробовать икру, балыкъ, маслины и проч., да и позавтракаетъ даромъ.

Классика *фонъ-Мерса* я засталъ въ университетѣ на четвертомъ курсѣ. Это былъ въ то время юноша весьма приличный и, какъ нѣмецъ, аккуратный до щепетильности. Попечитель фонъ-Брадке постоянно приглашалъ его на свои журфиксы, какъ ловкаго танцора. Но что съ нимъ сдѣлалось впоследствии... уму не постижимо.

Прійдя къ нему вечеромъ, я нашелъ въ гостинной историка *Модзелевскаго* съ молоденькой и изящной хозяйкой за чтеніемъ романа Жоржъ Занда, и на вопросъ мой: „а гдѣ же Отгонъ Карловичъ?“ мнѣ указали отдаленную комнату, гдѣ обрѣлъ я фона, при нагорѣвшемъ огаркѣ за работой: онъ что-то преусердно теръ въ макотрѣ.

— Здравствуйте, О. К.—чѣ, что вы подѣлываете?

— Лошадь заболѣла глазами, такъ я готовлю для нея лѣкарство, отвѣчалъ онъ, не переставая тереть.

„Виджу, другъ любезный, подумалъ я, что ты самъ ослѣпъ и не видишь, что у тебя дѣлается подъ носомъ“.

Грау Мерсъ—очень интересная блондинка, хотя происхожденія и нѣмецкаго (отець ея былъ пасторомъ), но по своему темпераменту и по воспитанію представляла чистѣйшій типъ живой и пламенной польки.

Естественно, что такой флегматикъ и скаредъ, какимъ сдѣлался Оттонъ, ей не могъ нравиться. Ему предпочла она Модзелевскаго, который успѣлъ отбить жену у своего университетскаго товарища, сдѣлавъ ихъ обоихъ несчастными. Разойдясь на всегда съ женой, нашъ классикъ превратился въ совершеннаго Плюшкина, какимъ я его нашель въ 1862 году въ Бѣлоцерковской гимназіи.

Второй учитель латинскаго языка Г. Я. Маковскій, воспитанникъ Кіевской духовной академіи (1839 г.), былъ большою оригиналь, какими въ старину слыли почти всѣ преподаватели древнихъ языковъ. У него былъ задушевный пріятель—такой же добродушный человекъ, какимъ онъ былъ самъ, всендѣ Осташевскій, законоучитель гимназіи.

Законоучитель православнаго исповѣданія протоіерей *Адьясевичъ*, помимо преподаванія своего предмета, вмѣнилъ себѣ въ обязанность наблюдать за нравственностью не однихъ учениковъ, но и наставниковъ. Во время говѣнья онъ подалъ директору „рапортъ“, уличая учителя Волковскаго въ кощунствѣ: что онъ „своими непотребными анекдотами якобы развращаетъ воспитателей юнаго поколѣнія“. Когда директоръ призвалъ балагура и показалъ ему „рапортъ“ протоіерея, тотъ нисколько не смутился, а пригрозилъ доносителю подобнымъ же доносомъ преосвященному. Чувствуя себя безгрѣшнымъ, протопопъ взялъ свой „рапортъ“ обратно, и зажили они съ Волковскимъ по-пріятельски.

Старшій учитель русскаго и славянскаго языка *К. А. Персидскій*—типъ стариннаго педагога временъ фонъ-Визина. Изъ родины своей, славнаго града Нѣжина, за вырожденіемъ нѣжинскихъ грековъ, онъ вывезъ утраченный ими секретъ приготовленія греческихъ колбасъ, которыя пріобрѣли повсюдную извѣстность по Украинѣ чуть ли не со времени появленія въ пе-

чати Энеиды Котляревскаго: тамъ разгнѣванный громовержець Зевсъ, порицая адюльтеры богинь, выражается такъ:

Ой вы на смертныхъ дуже ласы,
Якъ Грекъ на Нѣжински колбасы.

Странно, однакожь, что старикъ Персидскій, кровный малороссъ, промѣнялъ эту дрянъ на малороссійскія колбасы. Другое, вывезенное имъ изъ Нѣжина уже чисто національное кушанье—шарпанына, которой Константинъ Андреевичъ потчивалъ своихъ гостей, (приготавливается изъ тушеной тарани или чабака, съ прибавкой разныхъ пряностей) до того солоно, что, съѣвши его порядочную порцію, и ведромъ воды не утолишь пекельной жажды; но это, по мнѣнію К. А—ча, можетъ случиться только съ неопытными ѣдоками, неумѣющими обходиться съ этимъ превосходнымъ блюдомъ; по его совѣту, кушающей шарпаныну обязательно долженъ выпить по крайней мѣрѣ пять рюмокъ доброй водки, тогда и воды не потребуется, а еще практичнѣе осушить цѣлый графинчикъ—„и то не зашкодить“.

Преподаваніе Персидскимъ грамматики русской и славянской бѣднымъ ученикамъ его приходилось также солоно, какъ и шарпанына: онъ зналъ лишь одинъ не мудреный методъ „отъ сихъ поръ и до сихъ“; дѣти должны были зубрить разную дребедень, не пропуская ни іоты, затверживая не только всѣ исключенія изъ правилъ по грамматикѣ Греча, но и всѣ 24 „отмѣны“ изъ руководства Востокова, и заучивая наизусть весь словарь на букву ѣ.

Нѣмецъ *Юргенсонъ* былъ большой чудакъ и нелюдимъ. Его можно было видѣть только въ гимназій или случайно встрѣтить на прогулкѣ за городомъ. Въ квартирѣ онъ никого не принималъ и самъ ни у кого не бывалъ.

Встрѣтишь его иногда въ рощѣ или надъ рѣкой.

— Здравствуйте, геръ! Гуляете?

— О, да, я себе немножко кругомъ! и пойдетъ прочь.

Французъ *Грасъ* попалъ въ плѣнъ при отступленіи полчищъ Наполеона въ 12-мъ году и, живя съ того времени постоянно въ западныхъ губерніяхъ у польскихъ пановъ въ качествѣ гувернера, усвоилъ себѣ такое странное нарѣчіе, что

какъ заговорить, то и не разберешь, на какомъ діалектѣ онъ объясняется: тутъ были слова польскія, малорусскія, французскія и даже еврейскія, но только не русскія. Жена его, умная и благовоспитанная полька, напротивъ, обладала знаніемъ русскаго языка въ совершенствѣ и не мало помогала мужу въ исправленіи ученическихъ переводовъ. М-мъ Грасъ завела у себя что-то въ родѣ пансіона. Воспитанницы ея, дѣвы уже взрослыя, *choć zagaz do slubu* „—ничему у нея не учились, а жили собственно для того, чтобы ихъ считали подростками, не окончившими еще эдукацій, такъ что въ продолженіе 3-хъ—4-хъ лѣтъ имъ все шель интересный 16-й годъ. Впрочемъ я, быть можетъ, не совсѣмъ точно выразился, сказавши, что пансіонерки мадамъ Грасъ ничему у нея не научились: имъ преподавалась весьма важная для женщинъ наука—

. . . . наука страсти иъжной,
Которую воспѣлъ Назонъ.

Дѣвицы въ этой наукѣ дѣлали изумительные успѣхи. Понятно, что домъ француза былъ самымъ пріятнымъ: тамъ можно было и потанцовать, и поволочиться.

Съ воспоминаніемъ о Грасѣ связанъ одинъ эпизодъ, относящійся къ времени пребыванія въ Винницкой гимназіи извѣстнаго знатока малорусской старины, которому такъ много обязана исторія правобережной Украины,—*I. I. Ролле*. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ гимназіи немировской и былъ тамъ въ числѣ любимѣйшихъ моихъ учениковъ: я его отлично помню, какъ даровитаго мальчика, а подобныхъ воспитанниковъ директоръ Зимовскій терпѣть не могъ, и потому Ролле, дошедши до V класса, долженъ былъ перемѣститься въ Винницкую гимназію, но и здѣсь ему не посчастливилось.

Учитель Грасъ, войдя однажды въ классъ, увидѣлъ на доскѣ большими буквами написанную фразу: *Vive la liberté*. Не говоря ни слова, онъ повернулъ назадъ и доложилъ директору, что въ гимназіи готовится революція. Виновникомъ этой шалости оказался Ролле, но директоръ счелъ ее не шалостью, а политическимъ преступленіемъ и, заключивъ революціонера въ карцеръ, донесъ Бибикову, который, однакожъ, не

придалъ особеннаго значенія школьнической выходкѣ ученика и къ двухнедѣльному заключенію его въ карцерѣ велѣлъ прибавить еще двѣ недѣли. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Блаженной памяти учитель 2-й кievской гимназіи О. В. Березницкій придумалъ весьма остроумный способъ отличать чистокровнаго нѣмца отъ германизированнаго еврея; сомнительнаго субъекта онъ подвергалъ особенной экспертизѣ, заставляя его произнести слово „пухъ“, но какъ отличить настоящаго француза отъ выдающаго себя за такового жидка—подобный способъ не придуманъ; ибо тѣ гортанные звуки, и буква *p* въ особенности, которые въ нѣмцѣ изобличаютъ еврея, лжефранцузу иногда очень помогаютъ выдать себя за парижанина. Такимъ по крайней мѣрѣ французскій прононсъ казался нѣкоторымъ профанамъ въ устахъ моего сослуживца преподавателя франц. и нѣмец. языка въ низшихъ классахъ *А. П. Вернера*, который, однакожь, неувѣренный въ доброкачественности своей семитической фізіономіи, не рискнулъ выдать себя за француза, а назвалъ себя венгерцемъ, долго проживавшимъ въ Парижѣ, на самомъ же дѣлѣ онъ отъ роду не видалъ ни Парижа, ни Венгріи, а просто на просто былъ жидокъ родомъ изъ Меджибожа, усвоившій себѣ, благодаря своей способности и счастливой случайности, французскій языкъ. Происхожденіе свое онъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ, такъ что одинъ только директоръ зналъ доподлинно, чтѣ онъ такое, храня у себя его документы, за чтѣ г-жа директорша ежегодно получала довольно цѣнные подарки. Но предательскій типъ лица, а еще болѣе близость м. Меджибожа, гдѣ жила его сестра, выдали его секретъ. Для вящей мистификаціи этотъ французъ православнаго исповѣданія изъ кожи лѣзъ, чтобы выдать себя за иностранца. Вся его домашняя обстановка, до самыхъ мелочей, напоминала Европу—комфортъ первѣйшаго сорта. Даже лакей его Жеромъ, родомъ изъ с. Вороновицы, прикидывался непонимающимъ по русски, хотя по французски онъ зналъ *бонъ журъ и адье*. Временами, по настоянію нашихъ „ученыхъ дамъ“, Антонъ Павловичъ давалъ вечера съ музыкой и танцами, при чемъ угощеніе было всегда безукоризненное. Дамы плясали съ увлеченіемъ ин-

ститутокъ (настоящее бабье лѣто!), немилосердно истребляя горы конфетъ и мороженое, мужчины играли въ карты и пили вино, разсыпаясь въ похвалахъ хозяину, а переступивши порогъ его квартиры, смѣялись надъ нимъ и обзывали пархатымъ жидомъ, а онъ, въ простотѣ сердечной, воображалъ, что задалъ тону всѣмъ—пусть моль знаютъ, какъ у насъ за границей устраиваются вечера.

Упрочивъ такимъ образомъ свое общественное положеніе, нашъ французъ задумалъ жениться, обратившись за невѣстой къ обильному этимъ товаромъ питомнику—въ пансіонъ м-мъ Грасъ. Выборъ его палъ на одну не особенно красивую, но съ порядочнымъ обезпеченіемъ, сироту, находившуюся подъ опекой родного дяди. Дѣло скоро сладилось, невѣста получила весьма цѣнные подарки, и свадьба назначена черезъ мѣсяць. Но опекунъ желалъ покороче познакомиться съ женихомъ, вслѣдствіе чего А. П—чъ успѣшилъ сдѣлать ему визитъ на лихой тройкѣ съ бубенчиками; самъ же одѣлся совершеннѣйшимъ джентльменомъ и Жерома нарядилъ въ ливрею собственнаго изобрѣтенія. Но вся эта парадная выставка не ослѣпила умнаго старика: не давши окончательнаго согласія на бракъ, онъ отправилъ нарочнаго въ Кіевъ за справками, долженствовавшими документально разоблачить сомнительную личность будущаго родственника. По справкамъ оказалось, что въ 1830-мъ году въ Златоустовской церкви окрещенъ въ христіанскую вѣру камердинеръ коменданта Пенхержевскаго еврей Аврумъ, 20 лѣтъ отъ роду и нареченъ во св. крещеніи Антономъ. Не подозрѣвая того, какую подъ него мину подвелъ опекунъ, Вернеръ продолжалъ посѣщать невѣсту, дѣлая въ тоже время разныя закупки и принаравливая свое холостое хозяйство къ семейному.

Однажды вечеромъ, воротившись домой отъ Дельсаля, А. П—чъ нашелъ на письменномъ столѣ всѣ свои подарки, возвращенные при письмѣ невѣстой. Потерпѣвъ такое постыдное фiasco, нашъ французъ пересталъ маскироваться и показалъ себя винницкому обществу въ настоящемъ своемъ видѣ. Не пробуя вторично породниться съ христіанскимъ семействомъ, онъ женился въ Кишиневѣ на еврейкѣ и зажилъ съ ней по пред-

писаніямъ Талмуда: обзавелся бебехами и замѣнилъ *меню* французской кухни національными блюдами, бьющими въ носъ запахомъ чесноку и луку. Такимъ онъ показалъ себя, перемѣстившись въ немировскую гимназію.

Въ послѣднихъ числахъ ноября, „презрѣнной прозой говоря“, въ Винницкую гимназію назначенъ старшимъ учителемъ математики мой землякъ *Т. И. Пристюкъ*. Знакомство наше началось еще въ Новгородсѣверскомъ уѣздномъ училищѣ.

Отецъ его былъ крѣпостнымъ помѣщика Скоропадскаго. Находясь въ молодыхъ лѣтахъ при паничахъ, учившихся въ Новгородсѣверской гимназіи, онъ имѣлъ возможность научиться грамотѣ и развить свои способности. Вернувшись въ имѣніе, онъ получилъ должность управляющаго въ с. Михайловкѣ, Сосницкаго уѣзда. Находясь довольно долго въ этой должности, Иванъ Ивановичъ отличался примѣрною честностію и гуманнымъ обращеніемъ съ крестьянами. Пользуясь всеобщимъ уваженіемъ и любовію, достаточно обеспеченный матеріально, онъ не желалъ для себя лучшей доли, но не могъ желать такого же благополучія для своихъ дѣтей, которыхъ у него было трое—два сына и дочь. Заручившись благоволеніемъ помѣщика, И. И. исподоволь стремился къ завѣтной цѣли, освобожденію изъ крѣпостнаго состоянія. Но баринъ какъ будто не догадывался о его задушевномъ желаніи и въ доказательство своего расположенія къ взысканному милостію рабу, взялъ его сына Тимошу въ комнатные козачки. Тогда только огорченный отецъ сталъ дѣйствовать энергично и настойчиво, чтобы спасти дѣтей отъ грозящей имъ участи,—и они получили свободу.

Оставивъ Михайловку, И. И. поселился въ 40 верстахъ отъ Новгородсѣверска. Старшаго Тимофея опредѣлили въ уѣздное училище, а дочь отдалъ въ Гамалѣвскій монастырь на воспитаніе. Но, начавъ свое образованіе въ Новгородсѣверскѣ, Тимофеей окончилъ также и Черниговскую гимназію. Встрѣтились мы съ нимъ уже въ Кіевѣ, при поступленіи въ Университетъ. Не извѣдавъ, подобно мнѣ, никакихъ лишеній, поступивъ прямо на казенное содержаніе и сверхъ того, получивъ весьма выгодную кондицію у графини Мелыной, мой землякъ сталъ

относиться ко мнѣ съ какимъ-то обидно покровительственнымъ тономъ, и я съ нимъ долженъ былъ разойтись. Забывъ о панской передней, пріятель мой, вѣчно надушенный, въ перчаткахъ тѣлеснаго цвѣта, въ лакированныхъ ботинкахъ, выглядѣлъ безукоризненнымъ *somme il faut*, какимъ онъ и оставался на всю остальную жизнь. Недостойное поведеніе товарища, съ которымъ связывали мои дѣтскія воспоминанія и наши домашнія тайны, надолго оттолкнуло меня отъ него, такъ что въ продолженіе университетскаго курса мы съ нимъ были въ разладѣ; но когда судьба и начальство свели насъ на чужбинѣ—все было забыто.

Какъ математикъ, а слѣд. и болѣе меня практичный и расчетливый, онъ съ перваго шага на службѣ занялъ крѣпкую позицію въ отношеніи администраціи, поставивъ себя такъ, что его боялись и уважали не одни учащіеся, но и учащіе. Онъ прослылъ у насъ за человѣка, лично извѣстнаго Бибикову (черезъ граф. Мелину), а это значило много. Мы условились жить вмѣстѣ. Ему удалось отвоевать у директора цѣлыхъ три комнаты и даже ремонтировать ихъ на казенный счетъ; мы обзавелись мебелью и посудой, приискали лакея и зажили на половинныхъ издержкахъ, дѣлая по временамъ вылазки къ знакомымъ, а чаще всего въ пансіонъ Грасъ, но втянутыя въ такую жизнь я не могъ и чаще отставалъ отъ своего сожителя, предаваясь непокидавшей меня страсти къ стихотворству.

Однообразное теченіе класныхъ занятій по звонку по временамъ оживлялось болѣе или менѣе отдаленными прогулками по живописнымъ окрестностямъ Винницы, чтеніемъ „Библіотеки для чтенія“ и „Отечественныхъ Записокъ“, писаніемъ стиховъ и писемъ, съ неизбѣжными въ уѣздной глуши карточными вечерами. Въ памяти у меня остался одинъ изъ такихъ вечеровъ у директора.

Гости собрались, зеленые столы раскрыты; ждали только градоначальника Касперова. Но вотъ и онъ.

— Ээ, что же вы, г. блюститель порядка и благочинія, заставляете себя ждать и терять золотое время?—встрѣтили его дружнымъ хоромъ оживившіеся гости.

— Дѣла, государи мои, дѣла,дохнуть не даютъ, работаешь, какъ каторжникъ, а все не угодишь начальству. Вотъ и сегодня изъ-за этой глупой статистики—чтобъ ей пусто было!—получилъ отъ губернатора нахлобучку. „Вы, говорить, невѣрно показали количество скота въ городѣ“. Я, изволите видѣть, донесъ, что во вѣренномъ мнѣ городѣ два осла—вотъ и выговоръ; „не можетъ быть, пишетъ начальникъ губерніи, чтобы въ Винницѣ было только два осла“.

Острота городничаго вызвала цѣлый взрывъ хохота, долго несмолкавшаго. Одинъ лишь панъ Ключковскій не смѣялся, рассказавъ при этомъ случившійся съ нимъ недавно казусъ: осель, везшій воду, крикомъ своимъ испугалъ лошадей его, и панъ доброцѣй выпалъ изъ нейтычанки и больно ушибся—„*aż do tych czas kargi bola, a wszystko to powiem papam, przez osła przez te paskudne stwożenie*“.

— Вотъ подите жъ вы съ ними! поддакнулъ городничій, чрезъ такую негодную тварь получать отъ начальства неприятности и подвергаться опасности сломать шею.

Градоначальникъ былъ большой весельчакъ, любимецъ небольшого кружка уѣздныхъ чиновниковъ, совсѣмъ не то, что предмѣстникъ его—Мацневъ, суровый и молчаливый господинъ, котораго жида выжили передъ новымъ годомъ не за то, конечно, что онъ молчалъ... Касперовъ игралъ въ карты по большому кушу и вѣчно проигрывалъ. Продувши, по обыкновенію, и въ этотъ вечеръ около 20 рублей, онъ при расчетѣ сказалъ, что деньги завтрашній день принесетъ выигравшему стряпчему Шмуль, „такъ какъ платить мои карточные долги есть его прямая обязанность“, прибавилъ онъ.

Дѣло въ томъ, что г. городничій жилъ и кутилъ на счетъ евреевъ. Отъ кагала были избраны лица, которымъ вмѣнено въ обязанность вести расходы по содержанію городничаго: одинъ доставлялъ ему на кухню говядину, другой—хлѣбъ и булки, третій—водку и вино и т. д., наконецъ былъ между поставщиками двора городничаго и такой, которому поручено было платить карточные проигрыши.

Анекдотъ, циркулирующій въ Черниговской губерніи о трехъ заикахъ, посаженныхъ хозяиномъ за зеленый столъ, я слышалъ 25 л. тому назадъ въ Нѣжинѣ, гдѣ анекдотъ этотъ приуроченъ къ полиціймейстеру Касперову, который до 1845 года служилъ въ этомъ городѣ.

У юго-западныхъ евреевъ существуетъ какой-то праздникъ въ родѣ нашего Ивана Купала, когда они ночью раскладываютъ большой костеръ и прыгаютъ черезъ огонь. Пріятелю моему судѣ Покорскому пришлось нѣкоторое время жить въ одномъ дворѣ съ евреями. Улегшись, по своему обыкновенію, очень рано спать, пробужденный шумомъ и крикомъ жидовъ, онъ увидѣлъ въ окнѣ большое зарево. Дѣти страшно перепугались, думая, что въ дворѣ пожаръ; но подойдя къ окну, они увидѣли посреди двора ярко пылающій костеръ и толпу жидовъ всѣхъ возрастовъ и половъ, съ визгомъ и крикомъ прыгающихъ черезъ огонь, подбрасывая вверхъ какое-то чучело. На угрозы судьи— послать за полиціей, евреи отвѣчали дерзостью, продолжая свою забаву.

На другой день Покорскій пишетъ съ-горяча формальную бумагу городничему о безобразіяхъ евреевъ. Вдавшись въ подробности при описаніи жидовскаго купала, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ перепуганнаго семейства, онъ между прочимъ поставлялъ блюстителю благочинія на видъ, что между жидами „уповательно присутствовалъ самъ сатана, коего они подбрасывали вверхъ, творя бѣсовскія игрища“. Шутникъ городничій отвѣтилъ судѣ также формальною бумагой, извѣщая его, что полиція приметъ соотвѣтствующія мѣры для усмиренія на предбудущее время подобныхъ безпорядковъ; „что же касается сатаны, о нахожденіи коего, какъ В. В-діе сообщили мнѣ, между винницкими евреями, то мною неукоснительно сдѣлано распоряженіе о розыскѣ его по городу, и буде сатана окажется неимѣющимъ узаконеннаго вида на жительство, то съ нимъ, какъ съ бродягой, не премину поступить по всей строгости законовъ“.

Потерявъ, по доносу жидовъ, въ Винницѣ мѣсто, Касперовъ очутился въ Москвѣ въ должности смотрителя тюремнаго

замка и писалъ оттуда своему пріятелю Дельсалу: „спасибо винницеимъ іудеямъ, что меня вытѣснили, мнѣ здѣсь отлично: квартира казенная, столъ отъ эконома, прислуга ничего не стоитъ, ибо въ моемъ распоряженіи три палача—чудесные ребята! одинъ изъ нихъ—поварь, другой—вучерь, третій—лакей“.

Ознакомившись съ образомъ жизни, нравами и обычаями моихъ сослуживцевъ, я пришелъ къ убѣжденію, что люди эти не по мнѣ, что частые вечера съ картами, ужинами съ выпивкой и пошлыми разговорами, сплетнями и нелѣпыми притязаніями нашихъ „ученыхъ дамъ“, едва умѣвшихъ подписать свою фамилію,—все это служило не отдыхомъ послѣ учительской тяжелой работы, а еще большимъ утомленіемъ, съ головою болью въ придачу и съ потерей нѣсколькихъ рублей изъ моего несчастнаго жалованья. Недаромъ нашъ достойнѣйшій классикъ И. Я. Нейкирхъ, напутствуя насъ на службу, твердилъ намъ: „Игра въ карты—смерть науки“!—Душа искала пищи болѣе здоровой, жизни болѣе осмысленной, занятій болѣе сродныхъ человѣку мыслящему. Я скоро оставилъ всѣхъ и замкнулся въ своемъ внутреннемъ мірѣ; въ уединеніи сталъ искать того, чего мнѣ не могло дать пустое общество, съ его пустыми развлеченіями; въ области фантазіи обрѣлъ я чистѣйшій источникъ наслажденія, не находя его въ дѣйствительности. Между тѣмъ мои кіевскіе пріятели не переставали громить меня письмами, требуя писемъ и стихотворныхъ посланій— и я всѣ свои досуги посвятилъ дружеской перепискѣ и поэзіи.

„Два созвучія въ концѣ двухъ строчекъ умѣряютъ самыя жгучія страданія,—сказалъ гдѣ-то Тэнъ: невольная музыкальность, въ которую облачается мысль, скрываетъ безобразіе и выставляетъ на видъ красоту. Какъ бы ни преслѣдовали человека несчастія, но поэтическое вдохновеніе преобразуетъ ихъ: они облагораживаются, онъ полюбитъ ихъ и станетъ терпѣливо переносить“.

Но поэзія поэзій, а остаются долго въ кожѣ параллельнаго учителя—не хватить и ангельскаго терпѣнія.

— Отчего тебѣ такъ сильно захотѣлось быть діакономъ? Спросилъ одинъ благодушный владыка своего келейника, посвятивъ его во діакона.

— Помилуйте, В. В—во, всякій человѣкъ хочетъ быть діакономъ, отвѣчалъ келейникъ.

Если бы меня спросило начальство: отчего мнѣ захотѣлось сдѣлаться „старшимъ учителемъ“, я бы ему отвѣтилъ, что всякій человѣкъ хочетъ быть старшимъ, а какъ младшій учитель тоже человѣкъ, то и онъ желаетъ быть „старшимъ“.

Оставаясь параллельнымъ учителемъ и преподавая не самостоятельный предметъ, а клочки разныхъ предметовъ, я чувствовалъ себя приниженнымъ въ отношеніи другихъ преподавателей, нисколько не превосходившихъ меня образованіемъ, но въ роли „старшихъ“ задиравшихъ носы передъ „младшими“, третируя ихъ, какъ своихъ адъютантовъ. Самолюбіе мое было сильно задѣто такой зависимостью отъ разныхъ ничтожествъ.

Благодаря лекціямъ Н. Т. Костыря, я сознавалъ себя въ русской словесности сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, и погому дождавшись вакантнаго мѣста въ Немировской гимназіи по этому именно предмету, я съ помощію Костыря получилъ желаемое, безъ особенныхъ съ моей стороны хлопотъ.

Въ оное время, полстолѣтія назадъ, наши юные словесники, вызубривъ адресъ-календарь русскихъ писателей по Гречу и вооружась Мерзляковымъ да Шевыревымъ, считали свою подготовку къ преподаванію столь важнаго предмета оконченной.

Но „нѣтъ ничего легче, говорить ученый Шерръ, какъ преподавать словесность плохо и нѣтъ ничего труднѣе, какъ преподавать ее хорошо; для перваго нужна лишь кой-какая начитанность, для втораго же, кромѣ глубокаго знанія предмета и искренней къ нему любви, необходимо еще извѣстнаго рода изящное чутье, которое достигается весьма немногими, именующими себя педагогами“.

Правда, въ началѣ 40-хъ годовъ преподаватель словесности лишень былъ возможности пользоваться серьезными учебными пособиями, какъ по теоріи, такъ и по исторіи этой науки, и потому, по необходимости долженъ былъ во многихъ случаяхъ

фантазировать, отдѣлываясь общими мѣстами. Въ журналахъ же того времени, кромѣ статей Бѣлинскаго, рѣшительно нечѣмъ было позаимствоваться.

Какая огромная разница *тогда* и *теперь!*

1) По теоріи и исторіи р. словесности прежде, кромѣ Греча, Мерзлякова и Шевырева, не было ничего; теперь—почти ежегодно появляются руководства—умѣй только ими пользоваться.

2) Исторіи иностранныхъ литературъ въ переводѣ на русскій языкъ не было вовсе, а теперь—Шерръ, Гетнеръ, Тэнъ, Брандесъ и многіе другіе.

3) Книгъ для чтенія ученики наши не имѣли вовсе, христоматія была пока одна—Пѣнинскаго, а теперь—Ушинскій, Паульсонъ, Водовозовъ, Стоюнинъ, Поповъ, Кирпичниковъ и проч. Вольфъ издалъ болѣе 10,000 дѣтскихъ книгъ.

4) По литературѣ воспитанія не было почти никакихъ руководствъ; теперь—склады учебниковъ завалены ими.

Какъ бы тамъ ни было, а, при отсутствіи учебныхъ пособій на русскомъ языкѣ, мнѣ стоило, особенно въ первые 2—3 года непосильнаго труда—разрѣшить болѣе сотни вопросовъ, предложенныхъ начальствомъ обязательными программами по теоріи и исторіи литературы, какъ русской, такъ и всеобщей, какъ бы обязавъ преподавателей составлять для своихъ учениковъ собственное руководство.

Только по мѣрѣ появленія въ печати новыхъ источниковъ, преподаваніе этого высшаго по своему образовательному значенію предмета начало годъ отъ году приобрѣтать болѣе полноты и опредѣленности; но послѣдовавшее вначалѣ 70-хъ годовъ сокращеніе программъ по словесности и уменьшеніе учебныхъ часовъ лишило преподавателей возможности воспользоваться богатствомъ учебныхъ пособій.

Разставанье мое съ сослуживцами было не изъ чувствительныхъ. Инспекторъ, при прощаніи всунулъ мнѣ въ руку счетъ якобы должныхъ ему денегъ по преферансу, о которомъ

я рѣшительно не помнилъ, и три рубля за треногую кровать, вадявшуюся у него на чердакѣ и предложенную мнѣ на прокатъ до пріобрѣтенія четвероногой. Возмущенные такою наглостію Мазепича педагоги стоворились дать ему урокъ. Въ надеждѣ даровой выпивки, онъ пошелъ вмѣстѣ съ другими провожать меня за рѣву. Пользуясь отличнымъ апрѣльскимъ днемъ, мы прошли двѣ версты незамѣтно, потѣшаемые анекдотами Волковскаго. Миничъ засапался, какъ откормленный кабанъ, и нѣсколько разъ отказывался продолжать путь, а все таки не отсталъ отъ насъ, ожидая выпивки. Наконецъ, прошедши еще версту, растянулся на травѣ и объявилъ, что не сдѣлаетъ далѣе ни шагу. Возница мой, по данному знаку остановился. Распростившись со всѣми дружески, я влѣзъ въ буду и уѣхалъ съ миромъ, къ великому огорченію толстяка, которому пришлось, при усилившейся жарѣ, сдѣлать три версты обратно, совершенно даромъ, подъ перекрестнымъ огнемъ насмѣшекъ своихъ лукавыхъ спутниковъ, такъ зло надъ нимъ подшутившихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРЕЖНИЕ ИЗЫСКАТЕЛИ МАЛУРУССКОЙ СТАРИНЫ.

Въ предисловіи къ своей лѣтописи Величко такъ объясняетъ поводъ къ ея написанію: читая разныя историческія сочиненія, онъ находилъ въ нихъ „объясненіе славы только иностранныхъ народовъ; разыскивая же свѣдѣнія о прошломъ своей родины, онъ увидѣлъ, что „рыцарскія отваги и богатырскія дѣянія сармато-козацкихъ предковъ“ остаются безъ описанія и объясненія, „будучи покрыты плащомъ лѣности своихъ историковъ“. Если и можно найти кое-какія интересныя свѣдѣнія о „нашихъ козацко-русскихъ предкахъ“, продолжаетъ Величко, то таковыя находятся не у „нашихъ лѣнливыхъ“, а у „иностранныхъ исторіографовъ“. Бѣдность своего лѣтописанія навела было Величко на мысль—самому описать „славныя и великія дѣла героев своей родины“, но не „дерзнулъ“ скромный книжникъ на такой трудъ по недостатку матеріала, по отсутствію „козацкихъ лѣтописцевъ“. Когда же пришлось Величку пройти въ 1705 году, съ козацкими войсками, черезъ „тогочиную малороссійскую Украину“ и когда онъ увидѣлъ разоренный видъ послѣдней, то, живо заинтересовавшись картинами запустѣнія, сталъ спрашивать людей старинныхъ: „почто бысть тако, изъ якихъ причинъ и чрезъ кого опустошися тая земля наша“?—Отвѣты получались, говоритъ Величко, неполные, неудовлетворительные... И лишь въ книгахъ нашелъ онъ отвѣтъ на свои вопросы, но и этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ добросовѣстнаго изыскателя родной старины, потому что въ „лѣтописныхъ сказаніяхъ“ оказались „несогласія“, т. е. противорѣчія. Тогда Величко—„для выгоды читателя малороссій-

скаго, трудолюбствуя, понудихся—вывести, простимъ стилемъ и нарѣчіемъ козацкимъ, исторію о войнѣ зъ поляки Хмельницкаго и о запусѣнні тогочномъ украино-малороссійскомъ“...

Такъ объяснилъ происхожденіе своего историческаго труда „истинный Малой Россіи сынъ“, какъ назвалъ себя авторъ, подписываясь подъ этимъ объясненіемъ.

Приведенное предисловіе даетъ намъ основаніе видѣть въ Величкѣ перваго по времени изыскателя малорусской старины съ ясно выраженнымъ намѣреніемъ—дать тогдашнему читателю возможность познакомиться съ исторіей родины.—Продолжатели Величка явились лишь въ началѣ второй половины XVIII в., когда вмѣстѣ съ сокращеніемъ автономной жизни старой Малороссіи, начался въ ней рѣшительный переходъ къ общегражданскимъ формамъ государства. Въ это время потребовался новый о прожитой страной жизни историческій трудъ, который долженъ былъ дать тому же „малороссійскому читателю“ возможность сопоставить уходящій старый строй—съ наступающимъ новымъ. Такая работа была исполнена, повидимому, *наскоро*, образованнѣйшимъ въ то время, „сыномъ Малой Россіи“ Гр. А. Полетикую, вслѣдъ за его избраніемъ депутатомъ въ комиссію о сочиненіи новаго уложенія. Мы разумѣемъ здѣсь, явившуюся около 1770 г., „Исторію Русовъ“, написавъ которую съ достаточною долею „патріотической горячности“, Полетика—въ то время инспекторъ морскаго кадетскаго корпуса,—пустилъ ее въ свѣтъ безъ своего имени.—Не останавливаясь на „Исторіи Русовъ“, Полетика сталъ ревностно собирать по архивамъ, преимущественно—государственнымъ, матеріалы для исторіи Малороссіи, тѣмъ самымъ признавая неполноту и односторонность исполненнаго уже труда, сталъ писать статьи и говорить рѣчи публицистическаго характера ¹⁾ и—

¹⁾ Высказывая здѣсь нѣсколько опредѣленнѣе нашу догадку о написаніи „Исторіи Русовъ“, Гр. А. Полетикую, мы основываемся при этомъ на характерѣ литературной дѣятельности послѣдняго—какъ она выражается въ его бумагахъ, недавно поступившихъ, вмѣстѣ съ другими рукописями собранія М. О. Судіенка, въ бібліотеку Кіевскаго университета. Въ числѣ этихъ бумагъ мы видѣли, какъ тѣ матеріалы для исторіи Малороссіи (нѣсколько фоліантовъ), о которыхъ говоримъ выше, такъ статьи и рѣчи гр. А. Полетики. Говоря, что „Исторія Русовъ“ была написана *наскоро*, мы обращаемъ вниманіе на то обстоятельство, что событія XVIII в. въ сей исторіи,

возбудилъ въ мѣстномъ обществѣ такой интересъ къ малорусской старинѣ, что изъ среды его появились и другіе изыскатели этой старины. Въ ряду послѣднихъ мы видимъ и людей съ достаточнымъ книжнымъ образованіемъ, результаты изысканій которыхъ явились въ учено-литературныхъ трудахъ, и людей, не имѣвшихъ такого образованія, но которые ревностно собирали сырые матеріалы для изученія малорусской старины. Ограничивая рядъ этихъ изыскателей первою половиною настоящаго вѣка, поименный ихъ списокъ будетъ такой: Гр. А. Полетика, А. И. Чепа, Ф. Ос. Туманскій, Я. М. Марковичъ, М. И. Антоновскій, В. Гр. Полетика, В. Я. Ломиковскій, Д. Н. Бантышъ - Каменскій, М. Ф. Берлинскій, А. И. Мартосъ, А. М. Марковичъ, Н. А. Маркевичъ... Всѣ эти лица были начинателями и пособниками того научнаго изученія малорусской старины, которому посвящаютъ теперь свои труды участники „Кіевской старины“. Отсюда является настоящая надобность ближайшаго знакомства, какъ съ личностями этихъ прежнихъ изыскателей малорусской старины, такъ и съ ихъ трудами по этому предмету.

Этихъ лицъ и имѣютъ въ виду настоящіе очерки.

І. Яковъ Михайловичъ Марковичъ.

(р. 1776 † 1804).

Яковъ Андреевичъ Марковичъ, авторъ обширнаго „Дневника“, какъ видно изъ послѣдняго, былъ человекъ по преимуществу книжный. Уже во время ученія М—ча въ Кіевской академіи, одинъ изъ профессоровъ послѣдней, извѣстный Теофанъ Прокоповичъ, обратилъ на него вниманіе и совѣтовалъ ему не разставаться съ книгой и по выходѣ изъ академіи.

особенно начиная съ измѣны Мазепы, въ значительной части писались, какъ видно, по живому преданію, а отчасти, должно быть, и по личнымъ свидѣніямъ автора. Отсюда — анекдотическій характеръ въ изложеніи этихъ событій. Для такого способа писанія исторія — много времени не требовалось, особенно при литературномъ талантѣ Гр. А. Полетики...

Такъ М—чь и дѣлалъ: преслѣдуя житейскіе интересы въ разныхъ ихъ формахъ, М—чь не разставался и съ книгою. У него была порядочная для того времени бібліотека, преимущественно богословскаго содержанія, къ которой онъ постоянно обращался, не прерывая цѣлую жизнь литературныхъ занятій, состоявшихъ то въ переводахъ, то въ сочиненіи богословскихъ разсужденій. Книжность М—ча была причиною и его неустаннаго продолженія своего дневника въ теченіе полувѣка.... Въ семейной жизни М—чь не былъ счастливъ. Женившись 18-ти лѣтнимъ юношей на дочери извѣстнаго Павла Полуботка, М—чь имѣлъ отъ нея нѣсколько дѣтей, изъ которыхъ выросли только двѣ дочери, но въ концѣ концовъ и ихъ пережилъ отецъ; умерла и жена М—ча, оставивъ пятидесятилѣтняго вдовца, который женился послѣ этого черезъ три года, во второй разъ. Отъ второй жены у М—ча родился въ 1752 г. сынъ Михаилъ, который и былъ продолжателемъ рода своего отца. М—чь очень заботился объ ученіи и воспитаніи своего „Миши“; сначала учили его дома, а 14-ти лѣтъ—отецъ отвезъ его въ Глуховъ, къ какому то Верту, „учителю латинскаго языка“, а черезъ годъ, въ 1767 г., молодой Марковичъ отвезенъ былъ „для наученія“ въ Москву. Черезъ три года послѣ этого умеръ Як. Андр. М—чь. Мы не знаемъ, гдѣ и какъ продолжалъ свое ученіе Михаилъ М—чь, но знаемъ, что въ 1774 г. онъ уже женился; женился онъ на дочери бригадира Петра Ив—ча Забѣлы († 1793 г.) Настасьѣ. Отъ этого брака у М. Я. М—ча было пять дочерей и четыре сына: Яковъ (р. 1776 г.), Петръ (р. 1782 г.), Андрей (р. 1785 г.) и Александръ (р. 1790 г.). Изъ этихъ сыновей старшій Яковъ и младшій Александръ съ молодыхъ уже лѣтъ, вѣроятно по наслѣдству отъ дѣда, обнаружили учено-литературныя наклонности.

Яковъ Михайловичъ Марковичъ оставилъ послѣ себя небольшую (въ 98 стр.) книжку,—*Записки о Малороссіи, ея жителейхъ и произведеніяхъ*,—напечатанную въ 1798 г., когда автору было отъ роду съ небольшимъ двадцать лѣтъ. Не смотря на малый объемъ книжки, она, какъ по замыслу, такъ и по исполненію, представляетъ собою учено-литературную работу, ав-

торъ которой во всякомъ случаѣ не долженъ быть забытъ. М—чь началъ рано свою умственную жизнь, рано и умеръ; поэтому біографическія свѣдѣнія о немъ не велики и несложны.

Гдѣ начиналъ свое ученіе М—чь, мы не знаемъ; очень, впрочемъ, вѣроятно, что ученіе это онъ проходилъ въ Глуховѣ, въ пансіонѣ „мадамъ“ Лэянсъ, о которомъ младшій братъ Якова М—ча говоритъ, что *пансіонъ этотъ извѣстенъ былъ во всей Малороссіи*¹⁾. Предположеніе объ обученіи М—ча въ пансіонѣ Лэянсъ до нѣкоторой степени подтверждается и его обстоятельнымъ знаніемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ.—Изъ Глухова М—ча отвезли, какъ когда то и отца его, въ Москву, откуда сосѣдь М—чей, Клечановскій, писалъ (6 іюля 1792 г.) къ его матери: „м. г—ня Настасья Петровна. Яковъ Михайловичъ, благодаря Бога, здоровъ. Много я старался, сударыня, освободить его отъ извѣстной вамъ болѣзни. Въ насъ, въ университетѣ, есть самые искусные доктора и опытные въ своей должности, я ихъ просилъ и самъ, и посредствомъ профессоровъ, которые для меня есть очень хорошіе люди, то они въ разсужденіи сей болѣзни сдѣлали между собою консиліумъ и говорятъ, что это такая внутренняя болѣзнь, отъ которой никакое лѣкарство пособить не можетъ, а совѣтуютъ носить бандажъ, потому что Я. М. теперь растеть, то можетъ быть въ сихъ лѣтахъ и сама по себѣ минеться. Одному изъ нихъ я сулилъ хорошее награжденіе отъ имени ваше, чтобъ онъ одинокъ объ этомъ постарался, но ни за что не согласился. Однакожъ, слава Богу, теперь этотъ припадокъ съ Я. М. рѣдко случается, но и то гораздо легче противъ прежняго.“—Изъ слѣдующаго письма видно, что М—чь въ это время уже учился въ Москвѣ, какъ можно догадываться,—въ тамошнемъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ²⁾. Въ самомъ концѣ декабря (28-го), того же 1792 г., М—чь

¹⁾ Опис. Стар. Малорос., II, 433. См. также Сулим. Арх., 137.

²⁾ См. Воспоминанія объ этомъ пансіонѣ Н. Сушкова (Чтенія Моск. Общ. Ист. 1848, I, 31—104), откуда видно, что съ 1791 г. тамъ получили золотыя медали, между прочими, слѣдующіе уроженцы Малороссіи: Семень и Аркадій Родзянъ, Яковъ Лизогубъ, Григорій Полевика (сынъ Гр. Андр—ча), Александръ Велпчео и Алексѣй Войцеховачъ.

пишетъ въ роднымъ: „Я получилъ за прилѣжаніе серебряную медаль и книгу, то неужьто не удостоюсь и отъ васъ, нѣжныхъ родителей, одобренія, дабы въ послѣдующее время труды мои возымѣли гораздо живѣйшую быстрость, ясность и достигли бы наконецъ такого совершенства, что я можетъ быть въ состояніи буду принести пользу отечеству и себѣ.—Впрочемъ съ достожданнымъ моимъ сыновскимъ почтеніемъ пребываю въ надеждѣ, любезные родители! вашъ послушный сынъ Яковъ Марковичъ“.

Послѣ этого письма слѣдуетъ значительный перерывъ въ перепискѣ М—ча съ родными. За 1793-й годъ мы не имѣемъ ни одного письма; а между тѣмъ въ концѣ этого года въ семьѣ М—ча случилось большое несчастье: въ декабрѣ 1793 г. отецъ его заболѣлъ „параличемъ“ и лишился употребленія языка, руки и ноги. Точныя вѣсти о болѣзни отца дошли къ сыну, повидимому, нескоро. Въ половинѣ іюля 1794 г. М—чъ пишетъ матери: „м. г—ня матушка! наконецъ узналъ я причину вашего молчанія, которое часъ отъ часу болѣе лишаетъ меня спокойствія. Да и какъ возможно быть спокойнымъ въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ? Какъ быть спокойнымъ, услышавъ такое несноснѣйшее и печальнѣйшее извѣстіе, которое тѣмъ болѣе ужасно, что ни малѣйшій слухъ ни о чемъ ко мнѣ не доходилъ? Любезнѣйшая матушка! Не лишите меня сего самаго малого удовольствія, сдѣлайте милость, увѣдомите меня объ томъ, что дома происходитъ. Можетъ быть, Богъ столь милосердъ, что этотъ слухъ ложенъ. О есть ли бы онъ былъ ложенъ, то бы сыновнее сердце мое воспыало благодарностію къ источнику блага. Великій, праведный Боже!.. Ты видишь горесть мою, видишь!—но сердце мое знаетъ, что источникъ милости и источникъ челоуѣколюбія въ единомъ Тебѣ обитаетъ!... Но сердце мое тяжко бѣется, и ни что, ни что не можетъ привести его въ спокойное состояніе. Боже мой!... Но есть ли слухъ вѣренъ, есть ли и въ самомъ дѣлѣ правосудіе столь жестоко, есть ли и подлинно такъ слѣпо провидѣніе, есть ли столь неумолима, столь несмягчительна злоба смерти, то какое жъ наше щастіе и наше благо и чего ожидать намъ остается! Лишивъ насъ не-

давно ближайшихъ, любезнѣйшихъ предметовъ ¹⁾, которые еще всегда извлекаютъ и извлекать будутъ вздохи изъ сердецъ нашихъ, горестію отягченныхъ, которыхъ воспоминаніе, которыхъ имена вѣчно неизгладимы въ нихъ пребудутъ, лишивъ насъ,—еще лишаютъ опоры неопытныхъ лѣтъ нашихъ, и лишаютъ столь жестокимъ, варварскимъ образомъ. Дражайшая матушка! простите мнѣ, что я смѣю обезпокоивать васъ такимъ печальнымъ плачевнымъ, и несноснымъ для сердца моего воспоминаніемъ. Простите мнѣ, я не могу удержать волнованія души моей, унять вздоховъ сердца моего, я не могу довольно оплакать нещастя своего. Я опять васъ прошу: сдѣлайте милость, дражайшая матушка, не лишите меня вашихъ писемъ, потому что молчаніе ваше часъ отъ часу тяжелѣе для сердца моего. И возможно ли, уже два мѣсяца, какъ я ни слова о здоровьи васъ и домашнихъ не знаю. Я живу далеко отъ дому и потому сколько горестно для меня не получать о родителяхъ извѣстія; сдѣлайте милость, любезнѣйшая матушка, изволте увѣдомить меня или сами, или приказать безсовѣстнымъ сестрицамъ утѣшить меня хоть разъ еще письмами своими. Повѣрьте, люб. м—ка, что это время, въ которое я ни отъ васъ, ни отъ сестрицъ не получалъ писемъ, такъ для меня грустно и несосно, что ни одинъ часъ не проходилъ совершенно весело и спокойно: и—то различные мысли занимали душу, или—то заставляли грустѣть (sic), потому что и сестры забыли меня. Сверхъ того, я зналъ давно, что батюшка нездоровъ, то—чего сердце мое не имѣло и не чувствовало въ сіи два мѣсяцы, которые болѣе нежели два года показались? Но, наконецъ получилъ, я извѣстіе, котораго во всю жизнь свою не желалъ бы слышать; о Боже мой! того ли я ожидалъ за бѣдственно претерпѣнные два сіи мѣсяцы. Но видно, ахъ! видно, что мнѣ не опредѣлено было вкусить спокойствія, вкусить радости, не другой какой, но только той радости, чтобъ любезнѣйшіе родители были благополучны и здоровы, и чтобъ всѣ родственники, всѣ ближайшіе мои—на-

¹⁾ Въ 1793 г. умеръ дѣдъ Як. М—ча по матери. Можетъ б. и онъ здѣсь разумѣется

слаждались такими же дарами. Я есмь, любезнѣйшая матушка, вашъ покорнѣйшій, послушнѣйшій и вѣрнѣйшій сынъ Я. М.“.

Что дѣлалъ М—чъ въ 1794 г., когда писалъ это письмо, не знаемъ, но 1795 г. онъ провель въ Малороссіи, причемъ посѣщая Перервинское имѣніе своего отца, въ Пирятинскомъ уѣздѣ, познакомился съ другимъ изыскателемъ малорусской старины—А. И. Чепю¹⁾), жившимъ въ томъ же уѣздѣ, въ с. Чепурковкѣ. Съ какимъ вниманіемъ относился къ двадцатилѣтнему М—чу почтенный любитель малорусской старины, видно изъ его письма, писаннаго къ М—чу 29 сентября 1795 г., въ имѣніе Марковичей, с. Перервинцы: „вчера былъ у меня мой почтенный сосѣдъ Петръ Степановичъ Волховскій. Услышавъ отъ меня о вашемъ здѣсь пребываніи и бывши знакомъ вашему батюшки, усиленнѣе просилъ меня познакомить его съ вами; я обѣщаль ему на завтрашній день согласить васъ къ нему обѣдать; въ томъ я надѣялся на дружеское ваше ко мнѣ расположеніе. Я ему пересказаль въ краткихъ словахъ о вашихъ добродѣтеляхъ и достоинствахъ, кои я видѣть и чувствовать могль, и онъ съ нетерпѣливостію васъ ожидать будеть...“

Очень вѣроятно, что ближайшее знакомство М—ча съ Чепю послужило значительнымъ толчкомъ въ развитіи у перваго охоты къ занятіямъ мѣстною стариною. Чепя издавна началъ собирать разнаго рода письменные памятники по исторіи Малороссіи и во время знакомства съ М—мъ обладалъ уже значительнымъ ихъ запасомъ. Изъ переписки Чепы съ В. Т. Полетикою видно, съ какою ревностію относился этотъ собиратель къ вопросу о написаніи „Славной вѣтви россійской исторіи—исторіи Малороссіи“. Очень можетъ быть, что въ эти свиданія въ 1795 г., съ М—мъ, Чепя и передалъ ему свои сборники матеріаловъ²⁾ съ надеждою, что юный адептъ родной старины

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1890 г., № 5, стр. 364 и 1892 г., № 1, стр. 42.

²⁾ Тамъ-же, стр. 50. Свѣдѣній о Чепѣ сохранилось такъ мало, что мы находимъ не лишнимъ привести здѣсь недавно встрѣченный о немъ отзывъ человека хорошо его знавшаго лично: „статскій совѣтникъ Чепя, служившій въ канцеляріи Румянцова по гражданской части, человекъ начитанный, достигшій посредствомъ упражненія искусства писать превосходно и даже опередавшій въ томъ свое время.

возьмется за писаніе этой исторіи.—Но пока дѣло дошло до ближайшаго изученія источниковъ послѣдней, М—чь поступилъ прежде въ военную службу, которую въ декабрѣ 1796 г. уже рѣшилъ и оставить, какъ видно изъ слѣдующаго письма къ нему матери, писаннаго 30 декабря 1796 г., въ Петербургѣ.

„Любезный мнѣ Яковъ Михайловичъ. Я получила твое письмо, которое меня весьма огорчило, видя съ онаго тавую тебѣ неудачу, но чтожъ дѣлать, не одному тебѣ,—и знатнѣйшіи тебя одинъ жребій имѣють, а только старайся здоровье свое зберегти и старайся сискать благодѣтелей себѣ: но можно ли куда опредѣлится къ писменимъ дѣламъ, когда тебѣ тяжола кажеца служба военная, а въ отставку не спѣши, подумай, что ты зъ себя здѣлаешь, когда пойдешь въ отставку сержантомъ. Я зъ твоего писма увидѣла, что ти не получилъ денегъ и писемъ моихъ; я послала тебѣ, ноября 18, 100 р., декабря 13 тебѣ послала 450 р. и послѣ Осиповичу послала 50 р., декабря шестого. Да скажи повѣреному, не можно ли теперъ какъ виискать апеляцѣй затеранихъ, посланихъ отъ батюшки по дѣлу зъ Оболонскимъ и Заводовскимъ“...

Изъ этого письма можно заключить, что М—чь служилъ рядовымъ въ гвардіи, причемъ „неудача“ этой службы, повидимому, заключалась въ измѣненіи порядковъ гвардейской службы, послѣдовавшихъ съ воцареніемъ императора Павла I.—Оставивъ военную службу, М—чь началъ искать въ Петербургѣ службы гражданской; для этого онъ старался, какъ и прочіе малороссы, найти достучь къ Бозбородку, въ чемъ и успѣлъ при благопріятствѣ Трощинскаго, съ охотою помогавшаго землякамъ, пріѣзжавшимъ въ Петербургъ искать счастья.—Въ концѣ февраля 1797 г., М—чь писалъ матери: „м. г-ня матушка, съ восхищеніемъ спѣшу я увѣдомить васъ, о положеніи своемъ, которое слава Богу исправляется, дабы чрезъ то удалить отъ васъ всякое сомнѣніе. Г. Трощинскій оказываетъ мнѣ великое

Человѣкъ тяжелый, вялый, отъ котораго трудно было добыть что нибудь для свѣдѣнія. Онъ дожилъ свой вѣкъ въ деревнѣ, въ Полтавской губерніи, и былъ не едвножды призываемъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ въ правители канцеляріи, но безъ успѣха“. (Изъ бумагъ М. О. Судіенка).

снисхожденіе, онъ принялъ отъ меня прозьбу и вручилъ ее графу Безбородкѣ, коего просилъ онъ обо мнѣ для помѣщенія въ иностранную коллегію, въ коей графъ первый членъ.—И такъ, судьба моя не знаю какъ рѣшится; я сердечно желалъ бы быть принятымъ, но не знаю какъ будетъ... Я за честь почелъ знакомиться здѣсь съ многими людьми, а особливо изъ бывшихъ моихъ соучениковъ, которые теперь при весьма важныхъ мѣстахъ. Я познакомился также съ дѣтьми Бакуринскаго, нашего губернатора, съ шуринами и сыномъ графа Ильи Андреевича Безбородка, и многими другими, которые меня такъ полюбили, что даже оставляютъ у себя ночевать и помогаютъ мнѣ“.

Благодаря помощи земляковъ, М—чъ пристроился въ Петербургѣ и, какъ видно, хорошо: онъ былъ назначенъ переводчикомъ въ иностранную коллегію, въ которой Безбородко былъ первымъ членомъ. Объ этой службѣ М—чъ писалъ, въ іюль 1797 г., къ матери: „служба моя хотя и становится труднѣе, но я доволенъ ею. Съ помощію Бога можно при семъ выиграть больше, нежели въ другомъ“. Тутъ же М—чъ добавляетъ: „въ свободное время, занимаюсь я составленіемъ одной книги, которую посвятить хочу Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому“. Черезъ мѣсяць, въ августѣ, М—чъ снова упоминаетъ въ письмѣ къ матери, о „составленіи своей книги“: „я писалъ вамъ, что хочу посвятить книгу г. Трощинскому; я денно и ночью тружусь надъ нею и скоро будетъ готова, но нужны деньги, чтобъ ее напечатать. Теперь время весьма благопріятно, такъ сдѣлайте милость, не замедлите и пришлите, какъ можно скорѣе, денегъ, чтобъ я могъ скорѣе сдѣлать желаемое. Вы не пожалѣйте, матушка, и пришлите 500 р.—Я отъ намѣренія своего ожидаю хорошаго успѣха, и теперешнее время весьма дорого. Вся надежда моя теперь на васъ“. На это письмо мать отвѣчала: „я получила твое письмо, въ которомъ пишешь о книги, которую сочиняешь; я весьма рада, когда сіе будетъ къ благополучію, а толко то для меня непріятно, что ты симъ дѣломъ много здоровья своего теряешь. Да смотри, съ книгою будь весьма остороженъ, чтобъ не подалъ на себя какой критики. Денегъ тебѣ посылаю 300 р.,

а болше вседушно бѣ рада, но крайне нетѣ, и сама теперь остаюсъ безъ онихъ“.

Въ письмахъ этихъ идетъ рѣчь объ изданной М—чемъ книжкѣ—*Записки о Малороссіи*. Хотя въ приведенномъ письмѣ авторъ ея и говоритъ, что книжку свою онѣ писалъ съ цѣлю получить „хорошій успѣхъ“, разумѣется, въ достиженіи житейскихъ благъ, но изъ его приготовленій къ работѣ для этой книжки вовсе не видится указываемаго М—чемъ практическаго стимула. По всѣмъ вѣроятіямъ, авторъ въ письмѣ къ матери на себя клевететь, желая выпросить побольше денегъ, въ которыхъ постоянно нуждался.—Послѣ М—ча остались черновыя тетради приготовительныхъ работъ по написанію имъ своей книжки, при чемъ изъ этихъ тетрадей ясно видно—какъ онѣ добросовѣстно готовялъ свою работу и какъ онѣ былъ далекъ здѣсь отъ житейскаго „хорошаго успѣха“... Одна изъ этихъ тетрадей („Выписки для древней исторіи Россіи. Начаты въ 1797 г.“) заключаетъ въ себѣ рядъ выписокъ, источниками для которыхъ служили ему слѣдующія книги: а) Отвѣтъ Болтина на письмо кн. Щербатова, б) Скифская исторія, Лызлова, в) Записки касательно Россійской исторіи, (соч. императрицы Екатерины II), г) Ядро Россійской исторіи, Хилкова, д) Опытъ о библиотекѣ Академіи Наукъ, Бакмейстера, е) Das Russische Reich, Зонтага, ж) Voyage de milady Craven à Constantinople par la Crimée, (Лондонъ, 1789), з) Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit, Гердера, и) Опытъ повѣствованія о Россіи, Елагина¹⁾, i) Religie der muscoviters, на голландскомъ яз., изд. 1698 г., к) Церковный словарь, прот. Алексѣева, л) Россійская исторія, Эмина, м) Россійская исторія, Левека, (напечатана I-я часть въ 1787 г.), н) Академическія извѣстія, 3-й томъ, 1779 г., о) Тредьяковскаго, Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ, п) Словарь Россійской Академіи и р) Зеркало свѣта, журналъ изд. Ф. Туманскаго.

¹⁾ Указавъ „Опытъ“ Елагина, М—чь отмѣчаетъ, что пользовался имъ по рукописи. (Книга Елагина напечатана только въ 1803 г.); изъ этого сочиненія М—чь взялъ въ свою книжку (стр. 23, прим. 33)—„переводъ пѣсни храбраго Гаральда, за кѣмъ была княжна Елисавета Ярославна.“

Уже одинъ этотъ списокъ показываетъ, что М—чь, готовясь къ изданію своихъ „Записокъ“, прочиталъ не мало такихъ сочиненій, которыя были далеко не въ постоянномъ оборотѣ даже и тогдашнихъ цеховыхъ ученыхъ; для этого достаточно указать на книгу Гердера, — *Ideen*, изъ которой М—чь сдѣлалъ три страницы извлеченій о славянахъ. Дѣлая выписки, М—чь иногда присоединяетъ къ нимъ и свои замѣчанія, указывающія, что къ источникамъ онъ могъ относиться и критически. Напр., дѣлая выписки изъ голландской книги — *Religie der Muscoviters*, М—чь замѣчаетъ: „вся эта книга наполнена пустяками, враками и вздоромъ. Изъ описанія только одни изображенія идоловъ (заслуживаютъ вниманія?), о коихъ авторъ говорить — (слѣдуетъ голландскій текстъ, въ которомъ значится, что свѣдѣнія эти голландскій авторъ получилъ van un jode). Трудно повѣрить, продолжаетъ М—чь, чтобы жидъ могъ доставить сочинителю то, чего русскіе не могли отыскать до сихъ поръ 1)“. Тѣмъ не менѣе, М—чь тутъ же срисовываетъ перомъ, и очень искусно, изображенія этихъ идоловъ: *pioruni*, *chorsi*, *mocosi*, и *stribi*. — Приведенный выше списокъ сочиненій, которыми М—чь пользовался для задуманной работы, пополняется еще цѣлымъ рядомъ другихъ, означенныхъ въ цитатахъ напечатанной книжки, гдѣ указываются: Плутархъ, Геродотъ, Несторъ, Синописисъ, Щербатова Россійск. исторія, Леклеркъ, Ломоносовъ Древн. Россійск. исторія, Пуффендорфъ, Географ. словарь, Полупина и Миллера, Шереръ (*Annales de la petite Russie*), Стрѣйковскій, Коховскій Веспасіянъ, Фрибе (*Ueber Ruszlands Handel*)... Отсюда мы видимъ, что тотъ ученый аппаратъ, съ которымъ двадцатилѣтній М—чь приступалъ къ своему труду, представляется во всякомъ случаѣ замѣчательнымъ по полнотѣ, особенно, если къ этому аппарату присоединить еще и тѣ *личныя наблюденія* М—ча надъ „жителями и произведеніями“ Малороссіи, о которыхъ онъ говоритъ въ предисловіи къ своей книжкѣ.

Какъ-же авторъ исполнилъ свой трудъ? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ подробною передачею содержанія книжки, которая, въ

1) См. „замѣчаніе“ къ стр. 16-й „Записокъ“. Рисунки сдѣланы М—мъ въ его тетради „выписокъ“.

виду ея рѣдкости, очень мало извѣстна. Книжку свою М—чь посвятилъ Трощинскому, при чемъ въ посвященіи говоритъ:

«Еще до сихъ поръ Малороссія не описана никѣмъ подробно. Я осмѣлился изобразить ее не кистью историка или физика, но какъ юный сынъ, посвящающій первый опытъ своихъ познаній и чувствованій мать-странѣ своей».

Затѣмъ въ предисловіи авторъ подробно излагаетъ планъ своего описанія.

«Славный натуралистъ Линней удивляется, что страна, такъ щедро природою облагодѣтельствованная, какова Малороссія, не заманила къ себѣ ни физиковъ, ни историковъ. Давно похитила смерть сего друга природы; естлибъ онъ живъ былъ, то до сихъ поръ, можетъ быть, удивлялся бъ тому. Я имѣлъ удовольствіе жить въ сей пріятной странѣ и занимался разсматриваніемъ ея жителей и произведеній. Все, что мнѣ казалось примѣчательнымъ, полезнымъ, новымъ, записывалъ я въ своемъ журналѣ, разсуждалъ о томъ или сравнивалъ съ мыслями авторовъ, писавшихъ прежде о тѣхъ же матеріяхъ. Наконецъ, мнѣ хотѣлось, чтобы и другіе могли судить о успѣхѣхъ наблюденій моихъ,—и вотъ главнѣйшая причина, почему издаются сіи Записки. Въ каждой части помѣщены будутъ статьи изъ древней и новой малороссійской исторіи, черты, объясняющія характеръ жителей, гидрографическія и топографическія описанія, общее исчисленіе минераловъ, растений и животныхъ, находящихся въ разныхъ частяхъ Малороссіи, и частная исторія примѣчательнѣйшихъ породъ оныхъ и проч. и проч. Въ нужныхъ случаяхъ присовокуплены будутъ и изображенія писанныя съ природы и гравированныя самимъ авторомъ¹⁾. Невозможно, кажется, и требовать, чтобы сей первый опытъ трудовъ моихъ былъ безъ всякихъ погрѣшностей и недостатковъ. Однако я прошу читателей разбирать его со всею строгостью ученаго критика. Ихъ исправленія и примѣчанія приму я съ великою благодарностью, только были-бы оныя, касательно исторіи, доказаны, а по физической части основаны больше на собственныхъ наблюденіяхъ, нежели на словахъ—какого автора²⁾».

Первая (и единственная) книжка „Записокъ“ заключаетъ въ себѣ шесть главъ:

¹⁾ Такихъ „изображеній“ при первой книжкѣ—нѣтъ.

²⁾ Предисловіе подписано „15 января, 1798 г.“.

1. Историческое изображеніе страны, называемой нынѣ Малою Россією, съ древнихъ временъ до первогоднадесять вѣка.
2. Взглядъ на прежнее и нынѣшнее гражданское устройство Малороссіи.
3. Общее физическое описаніе Малороссіи.
4. Характеристика малороссіянъ.
5. Малороссійская гидрографія или описаніе историческое и физическое примѣчательнѣйшихъ рѣкъ, текущихъ въ Малороссіи.
6. Исчисленіе минераловъ, открытыхъ до сего времени въ Малороссіи.

Въ первой главѣ (стр. 1—28) изложенъ краткій историческій очеркъ народовъ, обитавшихъ на территоріи средняго Днѣпра, сарматовъ, скифовъ, славянъ... Очеркъ оканчивается разсказомъ о княженіи Ярослава I, при чемъ въ концѣ очерка значитя: „*продолженіе исторіи въ слѣдующей части*“.

Первый свой очеркъ авторъ начинаеть такъ:

«Я не хотѣлъ бы вступать въ царство мечтаній и призраковъ (Плутархъ называетъ такъ исторію древнихъ временъ), не хотѣлъ бы представлять картины мрачной древности, естлибъ исторія не объясняла характера и не показывала степеней образованія и промышленности каждаго народа. Время изгладило всѣ слѣды, по коимъ можно бы дойти до мѣста рожденія и до гробовъ первыхъ обладателей Малороссіи; но можно именовать ее *колыбелью Россіи*, потому что предки оныхъ сарматы, скифы и славяне поселились тамъ прежде и построили первые города. Часть, которую занимали сарматы, была обширнѣе и называлась *суоми*; а скифы жили только при берегахъ Днѣпра, и для отличія отъ прочихъ свѣскихъ племенъ именовались *геррійскими*. Въ 33 или 34 году по Р. Х. св. апостоль Андрей проповѣдывалъ имъ христіанскую вѣру».

При послѣднихъ словахъ авторъ дѣлаеть ссылку на „древняго нашего историка Нестора“, прибавляя, что „новѣйшіе писатели сомнѣваются о семъ“.

Во второй главѣ—о гражданскомъ устройствѣ Малороссіи (стр. 29—41)—появленіе послѣдней въ исторіи объясняется такъ:

«Со временъ Олега до вел. кн. Владимира страна, называемая нынѣ Малороссією, составляла одну область; но въ началѣ перваго

на десять вѣка она раздѣлена была на три княжества, Кіевское, Черниговское и Сѣверское, коими правили удѣльные князья. По завладѣніи сихъ княжествъ Литвою, переименованы оныя Малою Россією въ отношеніи къ той большой части Россіи, которою русскіе князья владѣли. Польскій король Казимиръ Ягелловичъ учредилъ тамъ воеводство и повѣты, ввелъ магдебургское право, поставилъ воеводу, судей, старостъ и каштеляновъ; сверхъ того роздалъ всю Малороссію, по частямъ, вѣрнымъ и храбрымъ людямъ изъ тамошнихъ жителей. Стефанъ Баторій уступилъ козакамъ лежащія при берегахъ Днѣпра земли, кои названы потомъ Украиною, т. е. пограничною землею; и съ того времени до введенія Малороссіи въ подданство великороссійское, южная часть области сей принадлежала козакамъ, а сѣверная Польшѣ. При Петрѣ Первомъ Малороссія раздѣлилась на десять полковъ, которые назывались по именамъ главныхъ городовъ въ своемъ округѣ... Сверхъ того для удобнѣйшаго разбирания частныхъ и тяжбныхъ дѣлъ, страна сія раздѣлена была вмѣстѣ и на 20 повѣтовъ, изъ коихъ въ каждомъ находился земскій и подкоморскій судъ... Всѣ сіи установленія совершенно исчезли, когда въ царствованіе Екатерины II учреждены были въ Малороссіи три наместничества...».

Говоря о населеніи страны, М—чь пишетъ:

«Между природными малороссіянами считается четыре класса: дворянинъ, мѣщанинъ, козакъ и мужикъ. Дворяне происходятъ или отъ польскихъ дворянскихъ родовъ, или отъ бывшихъ гетмановъ и другихъ старшинъ. Въ XIV вѣку польскій король Казимиръ Великій жаловалъ достоинствомъ симъ всѣхъ вѣрныхъ и храбрыхъ малороссіянъ, а при Зборовскомъ трактатѣ, заключенномъ между козаками и польскою республикою, облечены въ оное многіе изъ козаковъ, оказавшихъ на войнѣ важныя услуги. Царь Алексѣй Михайловичъ жаловалъ въ Малороссіи дворянскими грамотами татаръ и жидовъ, принимавшихъ христіанскую вѣру ¹⁾» (?)... Мѣщане и граждане живутъ въ городахъ и составляютъ купцовъ или разныхъ промышленниковъ. Они управляются магдебургскимъ правомъ, введеннымъ въ XIV вѣку. Ихъ магистратъ состоялъ прежде изъ войта, бургомистровъ и райцевъ или ратсгеровъ, и отправлялъ разныя городовыя дѣла; но въ неправомъ онаго рѣшеніи истцы относились апелляціями въ генеральный судъ...».

¹⁾ Думать нужно, что это свѣдѣніе основано авторомъ на какихъ нибудь единичныхъ фактахъ, намъ впрочемъ неизвѣстныхъ.

«Происхожденіе козаковъ есть нерѣшимая въ исторіи задача. Нѣкоторые производятъ ихъ отъ козарь и косооговъ, обитавшихъ въ древнія времена при Днѣпрѣ... Можетъ быть всѣхъ вѣроятнѣе слѣдующее мнѣніе, что въ началѣ XVI вѣка нѣкто изъ малороссіянъ, по прозванію Дашкевичъ, вида частые отъ крымскихъ татаръ набѣги, уговорилъ многихъ единоземцовъ своихъ для отогнанія непріятеля сего отъ своихъ предѣловъ. Сіе имѣло щастливый успѣхъ и побѣдители назвались тогда козаками, что значитъ на татарскомъ языкѣ легковооруженные. Польскій король Сигизмундъ I уступилъ героямъ симъ городъ Терехтемировъ, на правой сторонѣ Днѣпра стоящій, а Стефанъ Баторій—лежащія при обоихъ сторонахъ Днѣпра земли, сверхъ того привелъ ихъ въ хорошую дисциплину и опредѣлилъ имъ жалованье. Отъ сихъ козаковъ произошли и украинцы, составлявшіе прежде малороссійское войско. Остатокъ онаго суть нынѣшніе козаки, но они уже не воины, а сельскіе жители. Они пользуются особыми правами, не состоятъ въ крестьянствѣ и могутъ торговать виномъ. Съ нѣкоторого времени начали они переселяться въ прежнее Екатеринославское намѣстничество или нынѣшнюю Новороссійскую губернію; но не смотря на то остается ихъ въ Малороссіи еще весьма много, гдѣ и живутъ отдѣльно или вмѣстѣ съ крестьянами».

«Малороссійскіе мужики назывались прежде *посполитыми* и имѣли свободу переходить отъ одного господина къ другому. Происшедшіе отъ того великіе беспорядки и нарушеніе самаго спокойствія жителей суть тѣ главнѣйшія причины, кои понудили уничтожить сію кочевую ихъ жизнь; и съ того времени они начали болѣе заниматься трудами и промыслами».

Третья глава (стр: 41—54), заключающая въ себѣ „физическое“ описаніе Малороссіи,—вмѣстѣ съ четвертою (стр. 54—68) о „характеристикѣ малороссіянъ“, составляютъ самую интересную часть книги, потому что обѣ эти главы основаны на личныхъ наблюденіяхъ автора, который при этомъ выражаетъ иногда и личные свои вкусы.

Говоря о климатѣ „малороссійской губерніи“, М—чъ авторитетно указываетъ, что хотя—

«Климатъ ее весьма умѣренъ, но не имѣетъ такой степени теплоты, какова въ другихъ, подъ равною широтою лежащихъ, земляхъ, что происходитъ какъ можно думать отъ того, что поверхность въ

сей странѣ большею частью равна и нѣтъ въ сосѣдствѣ никакихъ высокихъ горъ, кои бы защищали ее отъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ... — «Поляки называли Малороссію *молочною* и *медоюю землею*; можно именовать ее еще страню обилія и пріятностей. Здоровый климатъ, красота мѣстоположенія, великое плодородіе земли и разнообразіе произведеній суть преимущества, по коимъ она заслуживаетъ такое имя. На плодородной поверхности ея извиваются большія и малыя рѣки, кои обращены больше къ Черному морю и всѣ посредствомъ Днѣпра въ оное вливаются.... Съ сѣверной стороны губерніи сей («Малороссійской») простираются большіе лѣса, наполненные дичиною и разными звѣрми; въ южной нестрѣбуютъ богатыя стада, кои бывають, такъ сказать, покрыты стадами лошадей, коровъ и овецъ. По способности климата и хорошаго свойства земли плодотивныя деревья получаютъ тамъ лучшую доброту и разводятся до излишества. Хлѣбопашество—главный источникъ народнаго благоденствія—отъ самой природы въ такомъ состояніи, какого только требовать можно. Безъ лишняго труда и тонкаго искусства земледѣльцевъ, пашни разводятся легко и обильную приносятъ жатву. Кто имѣетъ чувствительное сердце, кто удовольствіе духа своего полагаетъ и находитъ въ разсматриваніи природы, тотъ обозрѣвъ Малороссію, конечно назоветъ ее страню, гдѣ природа является въ изящномъ великолѣпніи. По крайней мѣрѣ я такъ называлъ ее въ моемъ сердцѣ!»

Всѣдъ за этимъ сантиментальнымъ восклицаніемъ слѣдуетъ интересное, по обстоятельности, обозрѣніе Малороссіи (лѣвобережной) по частямъ.

«По мѣстоположенію и свойству земли, страну сію раздѣлить можно на три полосы: *сѣверную*, *южную* и *среднюю*. Въ каждой изъ оныхъ не тоьмо климатъ, свойство края и произведенія, но даже состояніе и характеръ людей отличны.

1) *Сѣверная* полоса, гдѣ извиваются самыя большія рѣки изъ всѣхъ текущихъ въ Малороссіи, покрыта во многихъ мѣстахъ чернымъ и краснымъ лѣсомъ, почему и называется *лѣсною стороною* или *Польсьемъ*.... Она заключаетъ то пространство, которое лежитъ между рѣками Днѣпромъ, Десною и Бѣседью. Поверхность тамъ большею частью низка, болотиста и съ тундрами; но по берегамъ большихъ рѣкъ простираются неправильныя возвышенія или пригорки и холмы, содержащіе разныя глины, мѣлъ, известъ, дикій ва-

мень и желѣзную руду.—Вообще Малороссія въ старину была лѣсомъ гораздо обильнѣе нынѣшняго. Всякой догадается, что главнѣйшая причина того есть винокуреніе, производящееся въ ней еще съ XIII вѣка. (?) Теперь самыя большіе боры и лѣса находятся въ окрестностяхъ Стародуба, Мглина, Погара, Чернигова и Новгородъ-Сѣверскаго, гдѣ рубятъ лѣсъ для корабельнаго строенія и мачты, кои препровождаются либо въ Ригу или внизъ по Днѣпру, къ черноморскимъ портамъ.....».

2) Южная часть лежитъ между рѣками Остромъ, Супоемъ, Днѣпромъ и Ворсклою. Она извѣстна подъ именами *Украины*, *Степи* и *Полей*, отъ чего и тамошнихъ жителей называютъ *украинцами*, *степовиками* и *полевиками*. Поверхность ея, въ сравненіи съ сѣвѣрною, возвышенна, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ оврагами и холмами, скудна лѣсомъ и пересѣкается тремя большими рѣками и множествомъ ручьевъ, кои вообще текутъ медленно. Поэтъ могъ бы сказать, что они струятся тихо для того, чтобы болѣе наслаждаться великолѣпнѣемъ орошаемыхъ ими степей. Исполины изъ царства растений и тираны изъ животныхъ удалены отсюда. Природа не хотѣла здѣсь ни приводить въ изумленіе, не наводитъ ужаса, но только нравиться и плѣнять. Чтобы представить совершенную картину того великолѣпія, въ какомъ она здѣсь видна, надобно имѣть кисть Пуссеня или перо Бюффона, кои хранятся въ пантеонѣ безсмертныхъ.—Здѣшнее хлѣбопашество, пчеловодство и скотоводство лучшіе во всей Малороссіи. Въ прочихъ мѣстахъ землю сперва унавоживаютъ, потомъ напугаютъ сохою два и три раза; но степовикъ не заботится и о удобреніи, оретъ плугомъ, который не разбиваетъ земли такъ мелко, какъ соха—и должно удивляться, что на поляхъ столь легко обрабатываемыхъ растеть почти всегда частый и крупный хлѣбъ. Бывали случаи, что на вспаханной такимъ образомъ однажды землѣ, взрастаютъ двѣ разныя пашни, напр., когда посѣянная весною гречка совершенно созрѣетъ, то не снимая ее, сѣютъ по ней рожь или озимую пшеницу, которую по снятіи гречихи, скородятъ бороною, а въ слѣдующее лѣто сжинаютъ. Есть два обычая у степныхъ малороссіянъ: 1) что они мѣру пахатныхъ полей исчисляють *упругами* (уприжками) и *днями*; три *упруга*, ранній, обѣденный и вечерній, или одинъ *день* земли означаетъ такое пространство, сколько отъ восхода до захожденія солнца съ раздыхомъ вспахать можно. 2) Не видя сушияковъ или овинъ, сушатъ они рожь на печкѣ, отъ чего она не столь годна къ винокуренію, какъ овинная, и чаще подвержена бы-

ваетъ *юловнѣ* и *рожкамъ*—болѣзнямъ, происходящимъ отъ поврежденной въ зернахъ влажности. Впрочемъ сѣютъ они много пшена, боръ и кійки или пшеничку, разводятъ всякаго рода табакъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ависъ и турецкій перецъ; сверхъ того имѣютъ позаимствованныя отъ татаръ *бакши* (по здѣшнему *баитаны*), гдѣ растутъ дыни и арбузы, называемые здѣсь *каунами*.—Рогатый скотъ въ степной полосѣ весьма крупенъ и по добротѣ своей извѣстенъ не токмо въ столицахъ нашего отечества, но и въ другихъ европейскихъ земляхъ, особливо въ Германіи и Пруссіи, куда гоняли его прежде для продажи...»

3. *Средняя* полоса лежитъ между двумя первыми и достаточна какъ лѣсомъ, такъ и полемъ. Въ ней поверхность выше и гористѣе, воздухъ отъ меньшаго числа лѣсовъ и болотъ чище и здоровѣе, а хлѣбонашество отъ лучшаго свойства земли превосходнѣе, нежели въ сѣверной части. Однако между Переяславлемъ и Нѣжиномъ попадаютъ обширныя болота, гдѣ растутъ нѣкоторыя травы, свойственныя лѣсной части, а около Борзны простирается степь съ лужами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Пошва (т. е. почва) между Батуриномъ, Кролевцемъ и Глуховомъ песчана и глиниста, съ глубокими въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оврагами и съ довольномъ количествомъ чернаго и крупнаго лѣса...»

„Характеристику малороссіянъ“ М—чъ начинается такъ:

«Говорятъ, что духъ челоѣка есть зеркало окружающихъ его предметовъ, миниатюрный портретъ страны, гдѣ онъ основалъ свое жилище; это справедливо и потому, что жители щастливой положеніемъ Малороссіи не были никогда номадами и не могутъ быть варварами. Посмотримъ, что говорятъ объ нихъ иностранцы».

Засимъ М—чъ приводитъ слѣдующую выписку изъ книги Фрибе (*Ueber Russlands Handel, landwirtschaftliche Kultur etc. 1796 г.*).

«Въ Малороссіи видна великая степень промышленности. Дворяне занимаются разными до экономіи и торговли касающимися предметами; и ихъ примѣру слѣдуетъ даже земледѣлецъ. Садыкъ его съ огородною зеленью и разнаго рода плодами служитъ доказательствомъ его прилежности и исправнаго хозяйства. Правда, что сему благосостоянію способствуетъ нѣсколько хорошее свойство кряжа, однако въ другихъ странахъ, имѣющихъ такое же преимущество, незамѣчено подобнаго расположенія къ домашнему хозяйству. Малороссіане важны, вѣрны, открыты безъ рабскаго униженія и безъ под-

лой лести, меньше употребляютъ горчіе напитки, нежели великороссіане и любятъ музыку».

Не ограничиваясь Фрибе, приводится изъ Шерера, что

«Малороссіане мужественны, проворны, великодушны, безкорыстны, неутомимы, смѣлы, храбры...» За симъ слѣдуетъ заключеніе самаго М—ча:

«Казалось бы, что всякій народъ, имѣющій столько въ себѣ самомъ и въ своей странѣ преимуществъ, могъ-бы уже нѣкоторымъ образомъ возвышаться предъ другими; но напротивъ того малороссіанинъ отъ природы и кротокъ и добръ; онъ имѣетъ только важную наружность и можетъ быть нѣсколько тщеславія. Съ какою ласкою, съ какимъ внутреннимъ удовольствіемъ принимаетъ онъ всякаго проѣзжаго. Онъ радъ, если въ состояніи его накормить, помочь ему—и благородный духъ его оскорбляется, когда предлагаютъ ему за то награду. Бѣдность не доводитъ малороссіанъ до преступленій. Въ городахъ и селахъ построены *шпитали* или *богадѣльни*, гдѣ бѣдные и страждущіе имѣютъ спокойное пристанище. Всякой по достатку надѣляетъ ихъ нищею и одеждою...»

«Въ древнія времена жители Малороссіи говорили языкомъ словенскимъ, но потеряли или испортили его въ то время, когда нахдился въ плѣну у татаръ, литовцовъ и поляковъ. Не смотря на то, въ нынѣшнемъ малороссійскомъ языкѣ, или собственно нарѣчіи, видны еще нѣкоторые оттѣнки и щастливаго климата и нѣжнаго свойства души образователей его. Если выбросить изъ него всѣ грубыя слова, употребляемыя простолудинномъ, изключить заимствованныя отъ нѣмцевъ, французовъ, крымскихъ татаръ—и судить тогда о немъ, судить о духѣ его: то надобно признаться, что онъ нѣженъ, приятенъ и наполненъ патетическими выраженіями, уменьшительными словами, кои произошли конечно не отъ другаго чего, какъ отъ тонкаго чувства его изобрѣтателей. Можно назвать его языкомъ любви, или по крайней мѣрѣ весьма способнымъ выражать живо чувства любви.

Возьмемъ въ примѣръ малороссійскія пѣсни: въ нихъ помѣщены прекрасныя подобія и картины природы, простое, но пылкое изъясненіе любви—и голоса ихъ всегда соотвѣтствуютъ мыслямъ. Если содержаніе ихъ трогательно, если представляетъ оно разлуку съ милымъ или съ мать-страною, то съ разительною гармоніей тоновъ изливается вмѣстѣ самая сила чувства и выраженій. Наученная одною природою пѣвица заставляеть и горевать съ собою природу. Она

рассказывает свое несчастіе всѣмъ окружающимъ ее предметамъ, проситъ летящихъ птичекъ донести извѣстія о ней въ милую ея родину, и музыка въ устахъ ея бываетъ живою картиною всѣхъ томныхъ движеній горюющей души. По врожденной склонности малороссіянъ къ музыкѣ, страна ихъ въ Россіи то же, что въ Европѣ Италія.

Малороссіянне научились отъ поляковъ брить бороду и голову, но сей обычай теперь нѣсколько измѣняется. Жители стародубовскаго и мглинскаго повѣтовъ обрѣзываютъ головные волосы, какъ великороссіянне, а степовики начинаютъ (?) стричься такимъ образомъ какъ запорожцы, т. е. всю голову вокругъ, оставляя надъ лбомъ длинный клочокъ, называемый *чуприною*¹⁾. Они дѣлаютъ то отчасти для легкости и для того, чтобы избавиться сродной имъ вмѣстѣ съ поляками болѣзни, называемой *ковтуномъ*...

«Одежда Малороссіянъ не имѣетъ ничего щеголеватого, но важна и покойна. Между простымъ народомъ мужчины носятъ такъ называемую *свитку*, изъ сѣраго, чернаго и бѣлаго сукна, которая нѣсколько схожа съ русскимъ платьемъ, а у женщинъ *свитки* всегда бѣла и шьется особливимъ покроемъ. *Кобенякъ* степнаго жителя есть родъ шинели и отличается отъ свитки тѣмъ, что дѣлается съ капюшономъ назади, который называется *отлоюю*. Женщины носятъ на головѣ *очыпокъ*, сдѣланный на подобіе простаго чепца, и повязываютъ его длиннымъ кускомъ холста или *повязью*; а выходя изъ дому и въ праздники, надѣваютъ сверхъ того *намѣтку*, то есть длинный кусокъ сарпанки, повязываемый на подобіе покрывала у монахинь. Вмѣсто юпки привязываютъ онѣ два куска шерстяныхъ матерій, кон называютъ *запаскою* и *плахтою* или *паніовою*. Деревенскіи дѣвушки заплетаютъ волосы въ *связку* и въ *косники*, переплетаютъ оныя шелковыми снурками и навязываютъ вокругъ головы длинныя ленты, кон называютъ *строчками* или *стрѣлками*. Придерживающіеся старинны дворяне носятъ польское, козацкое или кабардинское платье и брѣютъ голову въ кружокъ; а таковыя же между женщинами одѣваются въ *кунтыши* и носятъ на головѣ *кораблики*.

Въ обычаяхъ и обрядахъ поселянъ видно нѣсколько стариннаго, сுவѣрнаго и много замысловатаго. При началѣ годовыхъ вре-

¹⁾ Это свѣдѣніе возбуждаетъ сомнѣніе въ его дѣйствительности. Стрижка волосъ на головѣ и оставленіе одной чуприны—обычай въ Малороссіи очень старинный, какъ это видно напр. по стариннымъ портретамъ. См. Кіевск. Стар., 1891 г., № 1, стр. 186 и слѣд.

мень или главныхъ земледѣльческихъ упражненій, бывають у нихъ разныя увеселенія и какъ бы празднества. Такъ, напримѣръ, весною деревенскія дѣвушки садятся при захожденіи солнца на зеленой травѣ и поютъ *веснянку* или пѣснь весны; а скучные вечера зимы проводятъ онѣ въ своихъ собраніяхъ и балахъ, называемыхъ *вечерницами* и *шрищами*, гдѣ играютъ на скринкѣ, поютъ пѣсни и пляшутъ. Любопытнѣйшіе изъ обрядовъ свадебные, но объ нихъ сказано будетъ подробно въ другомъ мѣстѣ.....»

«Теперь рассмотримъ характеръ малороссіянъ. Взгляните на жителей сѣверной части, особливо, когда разсмотрѣли степныхъ. Въ самой наружности первыхъ не увидите вы той нѣги, какова у послѣднихъ; въ ихъ духѣ найдется нѣкоторый родъ апатіи и холодъ, который, такъ сказать, переселяется туда изъ ихъ мрачныхъ лѣсовъ; и вы почувствуете всю справедливость мыслей Бюффона, что воздухъ и земли имѣютъ вліяніе на видъ человѣка и въ странѣ, гдѣ воздухъ влаженъ, люди по большей части не столь пригожи и не замысловаты. Сѣверный малороссіанинъ имѣетъ однако и свои преимущества. Онъ болѣе привязанъ къ трудамъ и смѣлѣе южнаго, который, родясь, такъ сказать, средѣ нѣги и роскоши, почти не имѣетъ случаевъ, кои бы принуждали его къ тому. Но свойственныя послѣднему живыя и нѣжныя чувства столь чужды для жителей лѣсной части, что она не имѣютъ почти никакихъ чувствительныхъ и пріятныхъ пѣсней.—Они не такъ рослы и видны, какъ степные, что происходитъ частью отъ влажности и стужи, частью и отъ образа ихъ жизни, ибо они не столь опрятны и употребляютъ грубѣйшую пищу. Ихъ называютъ обыкновенно *литвинами*, и въ самой Малороссіи говорятъ о нихъ столько же, какъ во Франціи о гасконцахъ, въ Германіи о швабахъ. Такова участь и нарѣчія ихъ, которое щекочетъ ухо малороссіанина степной и средней полосы. Избы у нихъ, не смотря на излишество лѣса, построены непрочны и безъ трубъ, отъ чего живущіе тамъ, по причинѣ всегдашняго дыма, часто подвержены глазнымъ болѣзнямъ. Литвины склонны къ охотѣ, ловятъ на лыжахъ и нартахъ дикихъ козъ, сражаются съ медвѣдями и выучиваютъ ихъ плясать. Прочія упражненія ихъ состоятъ въ сидкѣ смолы или дегтя, горшечномъ ремеслѣ и строеніи рѣчныхъ судовъ, то есть байдаковъ, дубовъ, лодокъ и човновъ.—Украина съ своими богатыми степями, великимъ скотоводствомъ и добродушными жителями, есть другая Швейцарія. Поляки называли ее *молочною землею* потому, что жители кормятся больше молочнымъ и даже мужчины не стыдятся доить овецъ. Украинцы рослы

и статны; въ чертахъ лица ихъ видна какая то важность, но въ поступкахъ кажутся избѣженными и роскошными, за что можно бы винить самую природу, естълибъ я могъ произнести на нее хулу. Они надѣлены нужными для жизни и для самаго удовольствія въ жизни такъ обильно, что не знаютъ многихъ заботъ и спокойны. Недостатокъ лѣса замѣняютъ они употребленіемъ соломы, вефорощи, тростника и вязяковъ, то есть сушенаго навоза. Жилища свои строятъ изъ хвороста и обмазываютъ глиною такъ искусно, что издали кажутся каменными. Печи въ сихъ мазанкахъ съ трубами, однако не смотря на то зимою онѣ теплѣ литовскихъ избъ. И такъ степной малороссіанинъ лучшій архитекторъ, нежели лѣсной, потому что нужда лучшій учитель, нежели изобиліе. Жители средней части составляютъ какъ бы средину между литвинами и степовиками; однако они замысловатѣе первыхъ и проворнѣе послѣднихъ. Они занимаются торговлею, охотою, рыбною ловлею, разными ремеслами; и обыкновенныя упражненія ихъ не такъ однообразны, какъ у жителей лѣсной части. Нарѣчіе ихъ лучшее и пріятнѣйшее во всей Малороссіи».

Пятая глава—малороссійская гидрографія,—поясняется другимъ, болѣе подробнымъ ея заголовкомъ—„описаніе историческое и физическое примѣчательнѣйшихъ рѣкъ, текущихъ въ Малороссіи, съ означеніемъ стоящихъ при оныхъ городовъ и важнѣйшихъ селеній“ (стр. 68—89).

Въ этой главѣ заключается почти одна номенклатура рѣкъ и рѣчекъ съ указаніемъ находящихся при нихъ болѣе замѣтныхъ поселеній. Поясненія автора относительно рѣкъ—коротенькія и не заключаютъ въ себѣ ничего интереснаго, за весьма малыми исключеніями, напр., о рѣчкѣ Хоролѣ замѣчено, что „славится тѣмъ, что въ раковинахъ ея находятъ иногда мелкій жемчугъ“.

Послѣдняя глава—„исчисленіе минераловъ, открытыхъ до сего времени въ Малороссіи“ (стр. 90—98),—не смотря на краткость свѣдѣній, заключаетъ однако въ себѣ иногда любопытныя показанія автора, какъ видно добытыя имъ на мѣстѣ, при непосредственныхъ изысканіяхъ. Вотъ нѣкоторыя изъ такихъ свѣдѣній:

«Селенитъ находится или въ смѣси съ *алебастромъ* или *мермелемъ*, какъ напр. въ округѣ Лохвицы, при рѣкѣ Сулицѣ; или въ

видѣ кристалловъ, въ берегахъ Ворсклы. Простой народъ называетъ послѣдніе *землянымъ сердцемъ* и употребляетъ въ порошокъ отъ сердечныхъ болѣзней». — «Въ степной части, при рѣкахъ Хоролѣ и Пслѣ и около села Бахмача, въ бывшемъ Коропскомъ уѣздѣ, находятся *озерца* или *лужи*, въ которыхъ вода столько *солона*, что сваренное съ оною кушанье не требуетъ соли. Однако сіи *солончаки* не такъ богаты, чтобы можно было вываривать изъ нихъ соль». — *Жельзная болотная руда*, называемая минералогиками *Sumpfere, mine de fer limoneuse*, находится во многихъ мѣстахъ лѣсной и средней части, какъ въ болотахъ, такъ и въ самыхъ рѣчкахъ». — «Что касается до рѣкъ содержащихъ желѣзную окру, то есть таковыя въ степной части, напр. рѣки *Журавка, Годуновки* и *Ржавецъ*.» «При рѣчкѣ *Лыбеди*, текущей у Кіева, есть настоящіе *марціалные ключи*, но вода въ оныхъ не вкусна; а въ окрестностяхъ Батурина есть источники желѣзнаго свойства, имѣющіе довольно пріятную воду. Рѣчка *Рудня*, находящаяся въ окрестности Городни, содержитъ также желѣзную окру, но вода въ ней не чиста и не здорова».

Вотъ содержаніе книжки М—ча. — Прежде всего, мы видимъ здѣсь, что тотъ ученый аппаратъ, который былъ приготовленъ авторомъ, употребленъ имъ для первой книжки лишь въ незначительной части, такъ какъ „историческое обозрѣніе страны, называемой нынѣ Малою Россіей“ осталось въ первой книжкѣ далеко не конченнымъ. Слѣдующія главы не требовали книжныхъ изысканій. Въ этихъ главахъ лучшія—вторая, третья и четвертая; въ нихъ авторъ представилъ очень обстоятельное по времени обозрѣніе особенностей Малороссіи, обрисовавъ какъ внѣшнюю природу, такъ и характеристику народа. Говоря о сословіяхъ, М—чъ повторяетъ теорію о началѣ малорусскаго дворянства съ того времени, когда *польскій король Казимиръ В. жаловалъ де симъ достоинствомъ всѣхъ вѣрныхъ и храбрыхъ малороссіянъ*... Теорія эта, принадлежащая Г. А. Полетикѣ, повторяется изыскателями малорусской старины почти до половины настоящаго вѣка... вмѣстѣ съ тѣмъ М—чъ является тѣмъ же сыномъ своего времени, повторяя принадлежавшее его же времени убѣжденіе, что—

«Запрещеніе посполитымъ перехода отъ одного господина къ другому прекратило великіе безпорядки и повело къ тому, что они

начали болѣе заниматься трудами и промыслами...» Характеристика Малороссіи по полосамъ, обрисовка особенностей *Польска* и *Украины* (*степи, полей*) указываютъ, что М—чъ хорошо зналъ Малороссію непосредственно и обладалъ наблюдательностью. Нѣкоторыя мѣста этой части книжки прикрашены сантиментализмомъ, но отъ послѣдняго трудно было уберечься автору, справедливо назвавшему себя «юнымъ сыномъ, посвящающимъ первый опытъ своихъ позваній и чувствованій мать-странѣ своей...»

Авторъ не думалъ ограничиваться напечатанною книжкою, имѣя въ виду выполнить тотъ планъ ея продолженія, о которомъ онъ говоритъ въ предисловіи. Въ приложенныхъ къ книжкѣ двухъ листикахъ съ указаніемъ на „погрѣшности“, помѣщены и нѣкоторыя „замѣчанія“; здѣсь М—чъ, объясняя слово *тверица*, между прочимъ, говоритъ, что о семъ онъ будетъ говорить подробнѣе въ „исторіи малороссійской торговли“; далѣе онъ замѣчаетъ, что въ какой нибудь *изъ слѣдующихъ частей* „Записокъ“ помѣщены будутъ „метеорологическія наблюденія, дѣланныя въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи“. Но кромѣ этихъ указаній о желаніи М—ча продолжать свои „Записки о Малороссіи“, мы имѣемъ еще три его рукописныя тетради, въ которыя М—чъ, вносилъ, послѣ напечатанія первой книжки, матеріалы для слѣдующихъ. Находящіяся въ этихъ тетрадяхъ замѣтки тѣмъ болѣе интересны, что часть ихъ записана М—чемъ во время его „поѣздокъ по Малороссіи въ 1798 г.“, т. е. послѣ напечатанія первой книжки, цензурное разрѣшеніе которой подписано 23 января 1798 г.—Одна изъ этихъ тетрадей, озаглавленная—„Выписки касающіяся до Малой Россіи“, начинается перечнемъ книгъ, изъ которыхъ М—чъ предполагалъ сдѣлать выписки; здѣсь, кромѣ русскихъ печатныхъ сочиненій, которыми М—чъ пользовался уже раньше, до напечатанія своей книжки, названы еще слѣд. иностранныя сочиненія: Hamnards, Reise, Voyage des deux francais en Russie, Geschichte der merkwürdigsten Reisen, v. Erhmann, 1791, Fabri, Geographisches Magazin, 1784, Anecdoten zur Lebensgeschichte des Ritters und Reichsfürsten P., 1792.—Послѣ этого перечня слѣдуютъ выписки. Девять полныхъ страницъ (въ 4—ку) составляютъ выписки изъ книги Гаммарда—*Reise durch Oberschle-*

sien nach der Ukraine, — при чемъ выписки эти сдѣланы *по-французски*, въ то время какъ путешествіе Гаммарда написано *по-нѣмецки* ¹⁾. Повидимому, М—чь, дѣлая выписки изъ нѣмецкой книги, тутъ же эти выписки и переводилъ на французскій, записывать на которомъ ему, значить, было легче чѣмъ по нѣмецки?—Послѣ Гаммарда почти столько же выписокъ дѣлаетъ М—чь „изъ новаго изданія описанія о всѣхъ русскихкихъ народахъ, г. Антоновскаго“. Здѣсь интересно указаніе М—ча на автора Антоновскаго. Извѣстной книги Георги—Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійск. государствѣ народовъ—въ русскомъ переводѣ имѣется два изданія: одно—1777—1779 г., въ 3-хъ частяхъ, и другое—1799 г., въ 4-хъ частяхъ. На это послѣднее изданіе и указываетъ М—чь, именно на его *четвертую часть*, заключающую въ себѣ свѣдѣнія „о народахъ монгольскихъ, объ армянахъ, грузинахъ, индійцахъ, нѣмцахъ, полякахъ и о владычествующихъ россиянахъ, съ описаніемъ всѣхъ наименованій козаковъ, *также исторія о Малой Россіи* и купно о Курляндіи и Литвѣ“. Никакого упоминанія объ авторствѣ этой части Антоновскаго въ книгѣ нѣтъ, но свѣдѣніе о томъ, что четвертая часть книги *Описаніе всѣхъ народовъ* написана Антоновскимъ—вѣрно ²⁾. Извѣстность М—чу автора анонимной книги указываетъ на его близкое знакомство съ тогдашней литературой.—Кромѣ слѣдующихъ послѣ Антоновскаго обширныхъ выписокъ изъ „Новаго и полн. геогр. словаря Россійск. госуд.“, Максимовича, (1788—1789 г., 6 ч.), тутъ же находятся и отрывочныя замѣтки М—ча, безъ обозначенія источника.

¹⁾ Подробное изложеніе книги Гаммарда см. въ Кіевск. Стар., 1891 г., № 7, стр. 160—169, статья Е. Синицаго.

²⁾ Объ этомъ говоритъ самъ авторъ *исторіи о Малой Россіи*, М. И. Антоновскій (род. 1759 г., въ Борзніѣ), въ своихъ „Запискахъ“, — „Описаніе народовъ, обитающихъ въ Россіи, три части, съ нѣмецкаго исправилъ и почти вновь сочинилъ, а *четвертую всю отъ себя сочинилъ*“.—Русск. Арх. 1885 г., I, 161. Объ Антоновскомъ см. также—Черн. Губ. Вѣд. 1891 г., №№ 44 и 45, гдѣ въ „родословіи“ Антоновскихъ находится автобіографическое показаніе Мих Ив—ча Антоновскаго. Принадлежность четвертой части книги Георги—Антоновскому извѣстна была и Сонинову, см. ч. IV, № 5736.

— «Гетманъ назывался Богданъ Михайловичъ, а не Яковлевичъ, какъ сказалъ Голиковъ въ Дополнен. къ дѣянiямъ Петра В., III, 33».

— «Въ 1780 г., въ 29 февраля, сгорѣло драгоцѣнное собраніе книгъ Кіевской академіи, между которыми и послѣдніе манускрипты сгорѣли».

— «По повелѣнію Петра I переведены на славянскій языкъ историческія латинскія и польскія книги Кромера, Бѣльскаго, Стривовскаго, Ивана Коховскаго».

— «Сожъ рѣка престонародно—Сужъ».

— «Съ будущаго 799 года отдаются впродъ на 4 года въ откупъ состоящiе въ Малороссійской губерніи оброчныя статьи, а именно, въ повѣтахъ Черниговскомъ: питейныхъ домовъ—17, продажъ—26, мельницъ волянныхъ—40, рыболовныхъ озеръ—39, дегтяныхъ майдановъ—5, заводовъ стеклянныхъ—2, желѣзоплавительный—1. Глуховскомъ: питейн. домовъ—57, продажъ—5, мельн. вод.—68»...

И далѣе—полная страница такого перечня.

«*Разныя слышанныя извѣстія касательно Малороссіи.*—Въ пещерахъ Троицкаго м—ря есть великое множество костей и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежатъ они такими кучами, что трудно пробираться а перелазить должно. По престонародному извѣстію произошли оныя во время татарскаго нападениа, когда народъ въ оныхъ пещерахъ скрывался и татары узнавъ то, задушили оныхъ зажженнымъ огнемъ».

— «Въ Черниговѣ, когда у церкви Спаса ломали излишніе притворы, то нашли при основаніи стѣны гробницу, въ коей лежала женщина въ богатомъ уборѣ и при ней дитя. Архіерей Теофилъ велѣлъ опустить гробъ ниже».

Послѣ этого слѣдуютъ выписки изъ Гильденштета и Бюшинга („Описаніе Малороссіи“, при чемъ эти выписки приведены на французскомъ языкѣ) и особенно пространныя выписки—изъ „Записокъ касательно Россійской Исторіи“. А засимъ слѣдуютъ: „Замѣчанія по случаю поѣздокъ моихъ по Малороссіи, въ 1798 году.“ Что можно здѣсь прочесть (по неразборчивости почерка) выписываемъ.

— «Отъ Переяслава до Ташани, по дорогѣ, попадаются весьма большіе курганы, стоящіе уединенно, кои суть конечно не что иное какъ памятники сраженій еще во времена великихъ князей бывшихъ. Одинъ изъ нихъ, около самой Ташани, назвали мяъ Игоревою могилою».

— «За Лохвицею, надъ Сулою, идетъ высокое возвышеніе или гора».

— «Всѣ окрестности Сухопоовки¹⁾ составляютъ весьма неровную площадку; вездѣ на ней лощины, возвышенія, рытвины, провалья, кои когда бывають покрыты хлѣбомъ, то представляютъ восхитительную картину. Тутъ въ окрестности растеть турецкій перецъ, который я въ Черниговѣ видѣлъ».

— «Отъ Розлетскаго перевозу²⁾ до села Иванькова находятся для меня самыя лучшія мѣстоположенія, особливо ѣдучи отъ Иванькова; вдали голубые лѣса по той сторонѣ Десны находящіеся, по сторонамъ дороги глубокія лощины, покрытыя по косогорамъ орѣшникомъ..... Въ окрестности Крисокъ, Понурицы есть глубокія лощины и многіе холмы надъ протокомъ Головесною и на поляхъ..... множество зайцовъ, а въ орѣшникахъ. . . и . . . много бѣлокъ и соней, попадаются дикія козы.—Къ Глухову, по дорогѣ къ с. Березѣ, есть хорошій источникъ, которой назывался въ старину гетманскимъ.— Въ Изруичахъ³⁾ въ сторонѣ Стародуба, есть также источникъ, который, какъ говорятъ, бьетъ весьма сильно.. чистую воду. Простой народъ говоритъ, что тамъ выираетъ... чудовище, но это басня»,

— «Въ селѣ Куношевцѣ, при самомъ городѣ Борзнѣ стоящемъ, есть весьма хорошій и обширный садъ, Кочубею принадлежащій, который, какъ говорятъ, почестъ можно рѣдкостью».

— «Въ окрестности Борзны, въ селахъ, разводять табакъ разныхъ сортовъ, особенно американскій, виргинскій, оморфортскій, который закупають у нихъ русскіе купцы для отвозу въ Сибирь. Табакъ былъ прежде въ Малороссіи очень дешевъ и даже по 1 и 1½ копѣйки папуша, но теперь доходило въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 12 коп., а въ другихъ, гдѣ щитали за дешевизну, по 7 коп. каждая папуша стоила. Говорять, что причина сей дороговизны произошла отъ польскихъ закушниковъ, кои для обращенія сего торга къ Польшѣ, сами большую цѣну посулили».

— «Около Сорочинець былъ одинъ такой вихрь, что овецъ и быковъ заносилъ въ рѣку и искорверковалъ совершенно».

— «Во время большихъ засухъ, какова напр. была лѣтъ семь году въ Малороссіи, случается, что цѣна муки бываетъ втрое и въ пятеро дороже самыхъ зеренъ. Теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жито стоитъ 80 коп. четверть, а пудъ муки ржаной 40 коп.».

¹⁾ (село Лохвицкаго уѣзда.

²⁾ Село Розлеты, надъ Десною, Кролевецк. уѣзда.

³⁾ Узруй хуторъ—около Н. Сѣверска.

— «Въ Роменскую ярмарку приѣзжаютъ изъ Крыма множество арнаутовъ съ сырыми и чинеными рожами, особливо мерлушками».

— «Между Сварковомъ ¹⁾ и Дергуновымъ хуторомъ есть старое городище надъ самою рѣкою Клевенью,..... валу четвероугольникомъ расположеннаго. Простой народъ говоритъ, что въ старину былъ городъ, но оный завалился. Говорить также, что въ томъ городищѣ в окрестностяхъ онаго сыскивали. . . . старинныя деньги и теперь по увѣренію.. сыскать можно».

— «Въ самой Малороссіи была столь сильная зима, что птицы замерзали.. Я самъ видѣлъ замерзшаго на сѣдалѣ пѣтуха».

— «За Горскомъ ²⁾ надъ рѣкою Сновью, есть Каменскій монастырь, бывшій прежде мужскимъ, а теперь женскій, куда изъ Пятницкаго Черниговскаго м—ря перевели монахинь, названъ такъ потому что лежитъ на каменномъ грунтѣ сѣраго дикаго камня, изъ коихъ есть весьма огромные. Говорятъ объ нихъ, что они и теперь растутъ и выворачиваютъ дубы, такъ построена тамъ деревянная церковь, у коей подъ основаніемъ былъ съ одной стороны большой камень, и чрезъ нѣсколько лѣтъ церковь эта наклонилась на другую сторону и стала совсѣмъ наклонъ, чѣмъ также доказывается растеніе тамошнихъ камней. Тамъ производится также каменная ломка».

— «Около Горска дѣлаютъ на медвѣдей клѣтки. . . . коими ловятъ медвѣдай, а внизу колками убиваютъ довольное пространство Также литвины стрѣляютъ медвѣдей, сидя на соснѣ...»

— «О вронсхожденіи Райгородка ³⁾ рассказывали мнѣ слѣдующее: былъ нѣкогда въ Новгородѣ-Сѣверскомъ князь, который имѣлъ нехорошую нравомъ сестру, которую какъ-то хотѣлъ прогнать, то она обокравъ его, сама ушла и поселилась надъ Десною, на мѣстѣ имѣющемъ красивое по горамъ и долинамъ мѣстоположеніе. Князь узнавъ сіе, приѣхалъ туда и поелику мѣсто то ему весьма понравилось, то онъ простилъ сестру и назвалъ новое селеніе Райгородкомъ т. е. приятнымъ какъ рай мѣстомъ. Означенная княжна умерла тамъ же и говорить, что могила ее и теперь при ономъ селеніи подъ именемъ князь-могила существуетъ».

— «Въ Лушникахъ ⁴⁾ есть также боръ, называемый князь-боръ».

¹⁾ С. Сварковъ — мѣсто родины М-ча.

²⁾ М. Горскъ — въ Городницкомъ уѣздѣ.

³⁾ Село Кролевецкаго уѣзда.

⁴⁾ Село того-же уѣзда.

— «Я видѣлъ богословскую книгу на польскомъ языкѣ, печатанную въ Черниговскомъ Троицкомъ Ильинскомъ м—рѣ, въ 1680 г.»¹⁾.

— «Въ Серединой Булѣ²⁾ дѣлають мыло».

— «Въ 1798 г. зима въ Малороссіи была весьма жестока, сильныя морозы до 30 градусовъ и снѣгъ въ нѣсколько аршинъ глубины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снѣгъ былъ еще въ концѣ апрѣля, хотя тогда же въ другихъ цвѣли. . . .».

Другая тетрадка озаглавлена такъ: „Физическое описаніе Малороссіи. Изъ Гильденштета въ 1774 году. 1798. Въ Спбургѣ.—Выписки изъ путешествія Зуева отъ Спб. до Херсона въ 1781 и 1782 годахъ. 1799. Слыш. извѣстія. 1800“.

Вся эта тетрадка, въ 16 стр., занята выписками впрочемъ изъ одного только Гильденштета, которыя М—чъ дѣлалъ порусски.—Послѣдняя тетрадка—„Floga ukrainica, 1798“—вся наполнена азбучнымъ спискомъ растений, по-латыни, причемъ переводъ названій приводится лишь изрѣдка, напр., *cognus sanguinea*—свидина, *corullus*—лѣщина, *clematis recta*—при Днѣпрѣ, въ степи,—ломоношь, *leontodon taraxacum*—кульбаба, *quercus robur*—въ Кременчугѣ и при Днѣпрѣ, *stipa pennata*—ковылъ, койло, *viburnum lantana*—гордь дерево... По этимъ поясненіямъ можно думать, что М—чъ имѣлъ въ виду собрать *мѣстныхъ* названія растений.

Приведенныя свѣдѣнія о черновыхъ работахъ М—ча несомнѣнно говорятъ, что онъ первые два года послѣ изданія начала „Записокъ“ усердно занимался собираніемъ матеріала для продолженія ихъ. Но кромѣ того, у М—ча въ послѣдніе годы его жизни имѣлась уже и довольно значительная бібліотека, заключавшая въ себѣ почти всѣ тѣ книги, какъ на русскомъ такъ и на иностранныхъ языкахъ, которыя могли служить ему матеріаломъ для продолженія „Записокъ о Малороссіи“³⁾. Но

¹⁾ Noty pięc gan Chrystusowych pięc, przez Lazarza Baranowicza. Wtypographiey monastera S. Troycy Hinskiego Czernihowskiego. Roku 1680.

²⁾ Новгородсѣверскаго уѣзда.

³⁾ Послѣ смерти М—ча составленъ былъ реестръ его книгъ—366 названій,— между которыми видимъ слѣд. сочиненія: 1) Описаніе Россійскаго государства, на нѣмецк. яз., 2) Исторія Ю. Винкельмана о древностяхъ, 3) Словарь Россійской академіи, 4) Путешествіе чрезъ Россію на Кавказскія горы, Ю. А. Гильденштета,

не осуществились благія намѣренія молодаго изыскателя родной старины. Помѣха произошла отъ той же молодости М—ча, при видимомъ отсутствіи при томъ всякой воли. Воспользовавшись послѣднимъ обстоятельствомъ, петербургскіе пріятели М—ча втянули его въ кутежи, потребовавшіе постоянныхъ тратъ, послѣдствіемъ которыхъ явились долги... Издерживалъ получаемыя изъ дому денежныя присылки „скоро и безрачно“, М—чь требовалъ отъ матери новыхъ присылокъ и при томъ въ такомъ количествѣ, что мать, повидимому, не могла и удовлетворять этихъ требованій безъ обиды другихъ своихъ дѣтей. Не получая изъ дому денегъ, М—чь принужденъ былъ ихъ занимать, платить огромные проценты и этимъ мало по малу—затягивалъ петлю на своей шеѣ... Ставъ въ положеніе неоплатнаго должника и испытывая мученія отъ назойливыхъ требованій кредиторовъ, М—чу было не до „Записокъ“...

Какъ прожилъ онъ послѣдніе годы своей недолгой жизни видно изъ той же его съ матерью переписки, которая сохранилась впрочемъ далеко не вполнѣ.

на нѣмец. яз., 5) Описаніе всѣхъ въ Россіи обитающихъ народовъ, 6) Гмелина, Путешествіе по Россіи, 7) Палласа, Путешествіе по Россіи, на франц. яз., 8) Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій, 9) Флора сибирика, на латинск. яз., 10) Дневныя записки Ив. Лепехина, 11) Описаніе Камчатки, 12) Исторія разныхъ славянскихъ народовъ, 13) Описаніе Курскаго намѣстничества, 14) Грамматика чувашскаго языка, 15) Физич. опис. Таврической области, 16) Польская исторія на нѣмецк. яз., 17) Исторія натуральная о птицахъ и звѣряхъ, на нѣмецк. яз., 18) Да републик де Платонъ, на французск. яз., 19) Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющихъ Россійскую исторію, 20) Записки В. Зуева, 21) Лѣтописецъ Архангелогородскій, 22) Древн. Россійск. гидрографія, 23) Описаніе Казани, Астрахани и Оренбурга, на нѣмецк. яз., 24) Жизнь кн. Владиміра, рукописная, въ кож. перепл. 25) Описаніе Азова, 26) Опис. Харьковск. намѣстн., 27) Описаніе Очаковск. земли, 28) Летръ персанъ, 29) Описан. Ворон. губ., 30) Изображеніе одежды обитающихъ въ Россійск. госуд., семь тетрадей, 31) Россійскій магазинъ Ф. Туманскаго и т. д. Кромѣ книгъ историческаго содержанія, въ б—кѣ М—ча имѣлось болѣе 20-ти сочиненій по естественной исторіи, на франц. и нѣмецк. языкахъ. Любовь М—ча въ послѣдней указываетъ и то небольшое собраніе предметовъ по естеств. исторіи, которое значится по описи оставшагося послѣ М—ча имущества, напр. „шкапъ за стекломъ, въ коемъ собраніе минеральныхъ вещей; стеклянная банка большая съ желтобрюхомъ въ спиртѣ, летучая мышь въ другой банкѣ, въ третьей банкѣ двѣ птички калибри, да въ четвертой червякъ.....“. По этой же описи значится и коллекція монетъ, заключающая въ себѣ до 700 однихъ серебр. монетъ.

Мы видѣли, что на просьбу М—ча прислать 500 р. для напечатанія первой книжки „Записокъ“, мать прислала ему только 300 рублей. М—чу мало было этой присылки и онъ потребовалъ новой. Но мать рѣшила разъ навсегда ограничить безконечныя требованія сына. Въ письмѣ 23 ноября 1797 г., она пишетъ послѣдному: „Денегъ посылаю тебѣ 500 рубл. и увѣряю тебя, что я больше тебѣ въ годъ не пришлю, какъ тысячу рублей, то ты сии денги получа и располагай такъ оными, чтобы на годъ стало, ибо ты ни на що не рассуждаешь, ни на наше обширное семейство, ни на то, что у тебя сестры уже болшии, надобно и для нихъ что собрать, но я ничево еще не имѣю по причинѣ разныхъ расходовъ“.—Въ сохранившихся за симъ нѣсколькихъ письмахъ М—ча къ матери, за 1798—1802 годы, заключаются только свѣдѣнія о ходѣ сенатскихъ процесовъ, которые отецъ М—ча велъ съ своими сосѣдями за равныя земельныя захваты и—все тѣ же просьбы о присылкѣ денегъ... Но мать упорно продолжала отказывать, указывая сыну на другія семейныя потребности. А сынъ не внималъ и продолжалъ требовать новыхъ присылокъ. Вотъ одно изъ такихъ его писемъ къ матери, писанное 5 февраля 1803 г.—„Я имѣлъ честь получить нѣсколько писемъ отъ васъ, и не отвѣчалъ потому, что ожидалъ выполненія моихъ потребностей, но къ величайшему прискорбію моему, не получая до сихъ поръ милостивого вниманія вашего, рѣшился еще со слезами молить васъ умилосердиться надъ душевною скорбью моею и слабымъ здоровьемъ моимъ. Есть ли сколько нибудь для васъ стоятъ здоровье и спокойствіе мое, то я прошу васъ всенижайше и прошу рѣшительно—прислать со всевозможною скоростію просимые двѣ тысячи рублей къ половинѣ слѣдующаго мѣсяца. Я въ такихъ грустяхъ, что клянусь Богомъ, что радъ бы проститься съ жизнію, есть ли бы надежда на ваше чувствительное сердце меня нѣсколько не успокоивала. Поберегите меня, м. г—ня матушка, и выполните мою нижайшую прозьбу. Я уже съ мѣсяцъ не выхожу изъ горницы, ослабѣлъ совершенно и молю Бога, чтобы онъ укрѣпилъ меня терпѣніемъ Іова пе-

ренестъ ежедневно увеличивающіяся печали и невинныя страданія мои. Не имѣю силъ заниматься ни чѣмъ стороннимъ....“.

Изъ этого письма видно, что у М—ча явились такіе расходы, что той тысячи рублей, которую назначала ему мать въ годъ на жизнь, было далеко не достаточно, при чемъ хотя въ одномъ письмѣ М—чъ и говоритъ, что деньги ему нужны для веденія отцовскихъ процессовъ, но затѣмъ не скрываетъ уже отъ матери, что деньги нужны также и для уплаты долговъ, которые онъ надѣлалъ, пользуясь удовольствіями столицы.

26-го марта 1803 г. М—чъ пишетъ матери: „Я имѣлъ честь получить по предувѣдомительному письму присылку денегъ, но видно судьбамъ Вышняго угодно испытывать терпѣніе мое непрерывною цѣпью несчастій. По отпускѣ послѣдняго моего къ вамъ письма, начали въ сенатѣ поговаривать о дѣлѣ нашемъ съ козаками Калгаевскими ¹⁾, яко близкомъ къ слушанію; я, не смотря на слабость свою и болѣзнь, бѣгалъ вездѣ, просилъ, молилъ и послѣ сухихъ отвѣтовъ, наконецъ, надобно было дать порядочную сумму, потому что въ сенатѣ по пріязни секретаря Давидовича съ Требинскимъ, всѣ не на моей сторонѣ... Я всѣ силы употреблялъ достать гдѣ нибудь хоть тысячу рублей на первой разѣ... Среди такого огорченія получилъ я отъ васъ деньги, и такъ какъ еще не были посланы по оному дѣлу указы, то я всѣ силы употребилъ приостановить ихъ, и вообразите безсовѣстность людей, что за такую малую милость долженъ былъ я дать тысячу рублей. Я не пожалѣлъ такой важной суммы, чувствуя, что дѣло сіе составляетъ едва ли не все состояніе семейства нашего... Изъ остальной тысячи заплатилъ я Рачинскому 960 р., забратыхъ у него для дороги и экипировки и расплатъ предъ отъѣздомъ. И теперь у меня, накажи меня Богъ, есть ли остается болѣе двадцати рублей, и то потому, что я предъ присылкою вашею занялъ у пріятели 50 р.—Теперь, м. г-ня, матушка, вы извольте сами разсуждать и ращитать! Остается въ вашей волѣ поступать, какъ угодно: мнѣ никакъ нельзя до совершеннаго окончанія сего вашего дѣла

¹⁾ С. Калгаевъ находится въ хорольскъ уѣздѣ.

отлучиться отсюда, и въ критическомъ положеніи моемъ, есть ли уже деньгами поправиться нельзя, то уже ничѣмъ. По крайней мѣрѣ извѣстно, что противъ денегъ, а особливо здѣсь, многое не устоиваетъ, но я безъ вашей помощи ихъ достать не могу, даже и на крайнѣйшія нужды свои.—Я купилъ за тысячу милость, что опредѣленіе или рѣшеніе сената продержится нѣсколько недѣль безъ посланія указовъ; отъ васъ теперь зависитъ дальнѣйшій успѣхъ: я буду разчитывать время, буду ожидать пособствующаго средства для поправленія угнѣтающаго насъ нещастія, и есть ли вамъ угодно будетъ какъ нибудь иначе заключить, то я сложу руки и буду терпѣливо ожидать ударовъ рока.—Прошу покорнѣйше простить мнѣ сіи выраженія: они суть плодъ моего отчаянія и тяжелой грусти"... Можно догадываться, что не исходъ судебныхъ процессовъ причинялъ М-чу „отчаяніе и жестокую грусть;“ повидимому, процессами онъ только пользовался для того, чтобы легче было выпросить у матери денегъ. Въ это время положеніе М—ча ухудшилось еще и тѣмъ, что онъ сталъ болѣть и врачи посылали его на Кавказъ, на воды. Нужно было ѣхать лѣчиться, а кредиторы требовали уплаты долговъ. Выпросившись однако кое какъ у кредиторовъ, М—чъ уѣхалъ на воды. Повидимому, онъ разсчитывалъ этою поѣздкою разжалобить мать и надѣялся получить столько денегъ, чтобы стало и на расплату съ долгами, но надежды М—ча не сбылись. Мать такъ твердо отказывала сыну въ деньгахъ, что онъ не нашелъ нужнымъ даже заѣзжать домой, хотя путь на Кавказъ лежалъ мимо Малороссіи... Только писалъ М—чъ матери, чтобы она непременно прислала къ началу октября денегъ... Вернувшись въ Петербургъ и ничего не получивъ въ назначенное время, М—чъ опять повторяетъ (16 октября) свою просьбу и проситъ прислать ему три тысячи, на этотъ разъ не скрывая, что „молодость вѣтрена“ и что онъ „не хочетъ выставлять себя философомъ“. — „Я имѣлъ честь писать къ вамъ предъ отъѣздомъ въ Кавказъ и во второй разъ изъ Константиногорска; въ обоихъ письмахъ повторилъ вамъ мои крайнѣйшія нужды и просилъ прислать денегъ такъ, чтобы я ихъ получилъ въ первыхъ дняхъ октября. Теперь уже 16-е

число сего мѣсяца и я ничего отъ васъ не получаю.—Любезнѣйшая матушка! скажите ради Бога, что вы со мною дѣлаете, неужели пріятно вашему сердцу удручать сына, который первымъ долгомъ поставляетъ любить и почитать васъ всею душею. Я не думаю, чтобы вы могли ставить выше деньги нежели дѣтей своихъ; а я, чтобы доказать, что не имѣю въ виду сдѣлать чрезъ издержки свои неудовольствія братьямъ и сестрамъ, писалъ къ вамъ изъ Кавказа и теперь пишу, что я не потаю предъ братьями, что лишнее на меня сходило и болѣе нежели на нихъ и потому изъ части своего имѣнія уступлю имъ сколько положимъ. Есть ли можно, то и теперь готовъ, чтобъ на счетъ доводящейся мнѣ части вы изволили гдѣ занять и прислали бы. Божусь вамъ, что я всякой день плачу и только тѣмъ еще живъ, что добрые пріятели меня не оставляютъ и даютъ въ займы. Всѣхъ денегъ же у меня теперь, ей Богу, пять рублей и я потерялъ уже и надежду просить у когонибудь. Одно средство остается продавать за безцѣнокъ вещи и мебели свои.—Любезнѣйшая матушка! вы конечно знаете, что молодость вѣтрена и сколько поводовъ столица дать можетъ къ заблужденіямъ, слѣдственно я и не хочу выставить себя предъ вами за философа, а скажу откровенно, что неудовольствіямъ своимъ самъ большею частію виною, но не ужели вы за зло будете платить зломъ. Я до сихъ поръ сражался самъ съ собою, но теперь помирился и для спокойствія моего надобно мнѣ пожить съ вами. Меня не льститъ ни слава, ни честолюбіе, а единственно то имѣю въ виду, чтобы всѣ силы употребить—доказать вамъ, сколько я умѣю цѣнить ваши ласки и добродѣтели. Слѣдственно я рѣшился оставить на всегда службу, только ради Бога, сдѣлайте милость, помогите мнѣ оставить ее съ честною репутаціею, какою я до сихъ поръ славлюсь. Я долженъ здѣсь три тысячи, которымъ срокъ въ концѣ ноября. Есть ли вы хотя малое ко мнѣ имѣете соболѣзнованіе, то пришлите какъ можно скорѣе для заплаты долгу, ибо я готовъ всѣмъ на свѣтѣ пожертвовать, нежели потерять имя честнаго человѣка“.

Матери, конечно, страшно было и подумать объ удовлетвореніи такого громаднаго по тогдашнему времени требованія

и при томъ для покрытія издержекъ, явившихся слѣдствіемъ молодости и вѣтренности. Мать послала сыну, какъ видно, совѣтъ маленькую сумму и получила въ отвѣтъ новую отчаянную просьбу сына, въ письмѣ 25 ноября.—„Къ крайнему удивленію и болѣзненному прискорбію моему, не получилъ я отъ васъ тѣхъ знаковъ соболѣзнованія вашего, которыми льстилъ себя до сихъ поръ.—Вы называете то пустяками, отъ чего зависитъ теперь не токо состояніе плохаго здоровья моего, но и самая жизнь. Я ожидалъ какъ съ неба облегченія, но вмѣсто его получилъ напрасные выговоры, кои умножили мое горе до такой степени, что я совершенно отчаяваюсь пережить его. Скажите рѣшительно, матушка, если вы хотите, чтобы я погибъ, то я уже съ терпѣніемъ и безъ роптанія буду ожидать скорого конца моего, потому что не смотря на облегченіе, полученное мною отъ минеральныхъ водъ, я теперь отъ горести гораздо въ худшемъ положеніи здоровья, нежели тогда былъ.—Вотъ все, что я могу еще и въ послѣдній разъ сказать вамъ. Изъ полученныхъ отъ васъ денегъ оставилъ у себя только сто, а прочими насилу ублажилъ кредиторовъ дожидаться еще мѣсяца. И такъ прошу васъ въ послѣдній разъ, какъ Бога, сжаляться надо мною и прислать немедленно три тысячи. Божусь вамъ, что есть ли вы не умилосердитесь и не доставите мнѣ милости, то я принужденъ буду посягнуть на жизнь свою. Ради всеблагаго Бога, сжалитель, я буду ожидать съ нетерпѣніемъ и до тѣхъ поръ не могу заняться дѣлами“.—Мать, видимо, не придавала особаго значенія угрозамъ сына лишить себя жизни, надѣясь, что вѣтренность пройдетъ съ молодостью; а сынъ между тѣмъ, страшась „потерять имя честнаго человѣка,“ приходилъ въ совершенное уже отчаяніе и перваго января 1804 г. написалъ матери, какъ кажется *послѣднее* письмо.—„М. г-ня матушка! Что вы дѣлаете со мною? Скажите ради Бога? Такъ не шутятъ и съ пятилѣтнимъ ребенкомъ, такъ не поступаютъ и съ врагами своими! А вы мать, а я сынъ, который изъ почтенія къ матери страждетъ и мучитъ себя добровольно.—На мое письмо, вмѣсто должной присылки, отвѣчаете вы еще выговорами и угрозами. Матушка! я вѣдь не дитя и одно уваже-

ніе къ вамъ заставляеть только носить на себѣ тяжелое иго, которое давно бы сбросить пора. Я теперь вижу, что у васъ нѣтъ ни малѣйшаго ко мнѣ соболѣзнованія. И такъ я вамъ скажу рѣшительно, что я не прошу отъ милости, но по своему праву на то прислать по первой почтѣ три тысячи для заплаты моихъ долговъ и на дѣла, есть ли вы хотите, чтобы я ими занялся. Мнѣ теперь эти три тысячи нужнѣе для чести и самой жизни моей, нежели послѣ триста тысячъ, и есть ли вы уже и за симъ не пришлете въ семь мѣсяцѣ, то я вѣкъ буду сожалѣть на васъ“... Но мать, повидимому, не вѣрила въ такое отчаянное положеніе сына. Требованіе осталось по прежнему неудовлетвореннымъ, и несчастный М-чъ, не имѣя возможности избавиться отъ назойливыхъ кредиторовъ, лишилъ себя жизни. Одинъ изъ родственниковъ Марковичей (Тимоѣей Кудиновичъ-Пироцкій) извѣстилъ мать объ этой смерти: „сынъ вашъ противъ тридцатаго генваря (1804 г.) ночью застрелился изъ пистолета; мнѣ о семъ несчастіи на другой день то есть 30, у вечеру, дано знать и я его засталъ на софѣ держащаго пистолеть въ рукахъ. Послѣ смерти его денегъ не осталось. Благодаренія и дружба покойнаго батюшки вашего, знакомство покойнаго сына вашего и убѣдительная прозба Ивана Андреевича Рачинскаго, который меня довелъ до сего несчастія, которое я теперь претерпѣваю, побудили меня занять у купца 200 р. съ платежемъ въ мѣсяцъ по 5 р. проценту, принялся я за погребеніе и тутъ повстрѣчались великія затрудненія, ибо духовенство не хотѣло погребать, а доходило дѣло—гдѣ ни на есть зарыть; но я умѣлъ все передѣлать и погребъ протопопъ Вознесенскій съ двумя священниками и діакономъ христіанскимъ порядкомъ“.

Нѣкоторыя подробности тѣхъ обстоятельствъ, которыя привели М-ча къ трагическому концу, сообщаетъ другой его родственникъ Ив. А. Рачинскій ¹⁾ въ письмѣ къ Пироцкому: „покойникъ, какъ сами знаете, хотя и весьма былъ честенъ на

¹⁾ Сынъ бывшаго новгородсѣверскаго сотника и капельмейстера гетмана Разумовскаго.

расплату, но вѣчно нуждался деньгами, и получая оныя, издерживалъ и скоро, и безрассчетно; сему была причиною молодость и неопытность въ жизни, а всѣмъ его нещастіямъ, какъ вамъ довольно извѣстно, причиною—шайка его окружающихъ дурныхъ пріятелей, изъ коихъ одинъ только былъ Соколовъ, а прочіе всѣ были малороссіяне“¹⁾.

Такъ безвременно погибъ молодой изыскатель малорусской старины, которая могла ожидать отъ него полезной разработки, судя по любви, способностямъ и подготовленности М-ча къ историко-литературнымъ занятіямъ.

Заканчиваемъ нашъ очеркъ письмомъ, которое написалъ А. И. Чена въ мартѣ (24-го) 1804 г. къ матери М-ча.—„М. г-ня, Настасья Петровна! Я и семейство мое, всѣ столько вамъ и дому вашему усердные, услышавши отъ Данила Семеновича, что любезный вашъ сынъ, а мой добродѣтельный другъ Яковъ Михайловичъ скончался, сердечно о томъ сокрушаемся. Въ сей найпаче для матери ненаградимой потерѣ да утѣшить васъ Всемогущій по великой благодати его, и между тѣмъ, да подастъ вамъ крѣпость на перенесеніе толь великаго удара.—Я далъ покойному Якову Михайловичу тринадцать книгъ, большою частію рукописныхъ, кои нужны были ему къ сочиненной имъ малороссійской исторіи и о коихъ покойный собственною рукою замѣтилъ въ моемъ реестрѣ. Оныя книги суть съ ярлыками и съ именемъ моимъ, подъ номерами: 83, 103, 615, 328, 614, 244, 243, 183, 95, 384, 395, 189 и 434-мъ. Онъ недавно писалъ мнѣ, что они у него въ цѣлости. Покорно прошу васъ, м. г-ня, оныя книги велѣть зберечь, буди они найдутся, и при оказіи переслать ко мнѣ.—Покойный сочинилъ уже малороссійскую исторію. Осталось дѣло за нѣкоторыми справками, кои я взялъ на себя, и уже былъ готовъ переслать оныя ему. Тогда бы она и напечатана была. Покорно прошу зберечь сіе его сочиненіе и пожаловать мнѣ для прочету. Буди позволите, то я,

¹⁾ Нѣкоторое указаніе, какъ „безрассчетно“ уходилъ у М-ча деньги, даетъ замѣтка въ описи его имущества: „при семъ еще найдены два заемныя письма, данныя покойному Марковичу регистраторомъ Николаемъ Дергуномъ, одно въ 625, а другое въ 360 (рублей), оба просроченныя и не объявлены ко взысканію“.

дополнивши нужнымъ, отдамъ напечатать, для памяти покойнаго друга моего. Матушка, я, жена моя и дочь кланяемся вамъ и всему почтенному семейству вашему. Всеусердно желаемъ, чтобы сіе нашло васъ въ совершенномъ здравіи и благополучіи. Пребывающій съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію, вашъ, м. г-ня, покорнѣйшимъ слугою Андрѣянъ Чепѣ“.

Находящееся въ этомъ письмѣ свѣдѣніе о томъ, что будто бы М-чъ „уже сочинилъ малороссійскую исторію“, мы считаемъ ошибочнымъ. Прежде всего, М-чъ, какъ видно, вовсе и не предполагалъ писать систематическую исторію Малороссіи, составивъ себѣ планъ разработывать изученіе родины по частямъ. Затѣмъ, въ оставшихся послѣ М-ча бумагахъ, которыми мы пользовались при составленіи настоящаго очерка ¹⁾, тоже нѣтъ никакихъ слѣдовъ той работы, о которой говоритъ здѣсь Чепѣ, а напротивъ—и здѣсь мы видимъ матеріалы для продолженія тѣхъ же „Записокъ о Малороссіи“. Поэтому, нужно думать, что съ одной стороны Чепѣ ошибался относительно плана продолженія работъ М-ча ²⁾, желая видѣть въ результатѣ этихъ работъ именно „малороссійскую исторію“, а съ другой стороны, М-чъ, сообщая Чепѣ свѣдѣнія о своихъ занятіяхъ, могъ нѣсколько преувеличивать результаты послѣднихъ—изъ желанія не печалить радушнаго ревнителя родной старины, неустанно мечтавшаго о „сочиненіи малороссійской исторіи“....

Ал. Лазаревскій.

¹⁾ За доставленіе возможности пользоваться бумагами Я. М. М-ча приносимъ глубокую нану благодарность П. Я. Дорошенку.

²⁾ Предполагается, что первая книжка Записокъ о Малороссіи была извѣстна Чепѣ...

Дѣтскій Эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла¹⁾.

(изъ дѣтскаго міра деревенскаго мальчика).

— „Диду, кажить казку“, просить братъ, обращаясь къ дѣду Кириллу.

— „Кажить небылицю“, говорю я.

— „Ялыну прекрасну“, настаиваетъ Ваня.

— „Ни, розкажить лучше про того пана, що незнавъ биды, та издывъ по свиту іи шукаты“.

И начнетъ дѣдъ рассказывать и „Ялыну прекрасну“, „Ивана Царевича“, „Бабу Ягу“, и „Москаля и смерть“, и „дивку семилитку“, и „хоть верть круть, хоть круть верть, а пидъ черепочкомъ смерть“, и „ту гришну, сварлыву матирь, котрій праведный сынъ іи подавъ изъ раю въ пекло стыпирьячо зъ цыбульки, щобъ тымъ стыпирьячкомъ вытягнуты іи изъ пекла въ рай, а маты залаяла сына пидъ самымъ раемъ, щобъ скорійше тягнувъ, бо души начеплялысь іи за ноги, а стыпирьячко черезъ лайку перервалось и маты зновъ шубовснула въ пекло“, и про „песыголовця зъ иднымъ окомъ“, и „про злыдни, которыхъ годуютъ бидни людѣ“, и „про чоловика на курячихъ ножкахъ“, и про „правду и кривду“, и „съ паномъ не братайся, жинци правды не кажи и чужои дытыны за свою не беры“, и небылицю про своего дядька, который мавъ дванадцять качокъ дойныхъ и якъ у него же свынья высидила съ гарбуза дванадцать воливъ, якъ соколивъ“, и „правду про того гуменнаго, который

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ 1894 г. № 11.

дуже нажився съ своего пана и наказанный кричалъ: ой паночку, не зганяйте зъ мене цихъ мухъ, бо якъ нови голодни налетять, то выссуть зъ мене остатню кровь, а панъ догадався, злякався новихъ гуменныхъ, тай того самого старого вернувъ до себе“, и „про Бардычевскихъ жидивъ, якъ вони хапають хрещенныхъ людей, засажаютъ ихъ въ бочку, утыкану гвоздями, качаютъ ии и такъ хрыстьянску кровь добувають соби на мацу“, и „про брата и сестру, котра съ змїемъ жыла, а брата хотила съ свита стребыты и посылала брата пташинаго молока шукаты, щобъ ии очуняты“, и „якъ чоловікъ на Ивана Купайла въ ночи зирвавъ цвѣтъ папоротъ и узнавъ, що скотына и птыця и трава говорыть“.

И слушали мы, дѣти, по цѣлымъ вечерамъ въ теченіе осени и зимы такія сказки, и знакомились такимъ путемъ съ Божьимъ міромъ, и узнали мы изъ сказокъ, что конецъ свѣта не за нашими полями и не „за лѣсомъ - перелѣсомъ“, за которымъ прятались солнце и мѣсяцъ, а далеко, безконечно далеко, „ажъ за самымъ Кіевомъ, гдѣ въ Днѣпрѣ бабы платье перуть, а провишуютъ и сушать на хмарахъ“. Узнали мы, что есть на свѣтѣ горы высокія, долины глубокія, рѣки длинныя, моря широкія и лѣса непроходимые.

Село родное, въ которомъ мы жили, лежитъ на ровной низменности и не давало намъ никакого понятія о горахъ и долинахъ, и потому нашему воображенію самыя высокія горы казались не выше нашей старой хаты; а море такимъ большимъ и широкимъ, какъ все наше село съ полями до самаго лѣса. И знали мы, что есть всякія царства на свѣтѣ, и люди во всѣхъ царствахъ говорятъ по нашему. Вѣдали мы, что есть еще царства подъ водою, и тамъ въ хрустальныхъ „палацахъ“ царица морская живетъ; есть еще царства подъ землею (т. е. подъ почвою), гдѣ змѣи живутъ; есть еще и за лѣсомъ перелѣсомъ въ „нетрахъ“, въ пущахъ, куда и воронъ не залетаетъ, „палацы“ въ которыхъ живутъ змѣи крылатые съ украденными царевнами, въ большихъ лѣсахъ есть еще хатки на курьихъ ножкахъ, въ которыхъ въ одиночку живутъ сестры родныя—вѣдьмы добрыя и злыя, а въ темныхъ лѣсахъ подъ землею есть за двѣна-

дцатью дверьми желѣзными къ двѣнадцати столбамъ прикованные по одному—змѣи съ двѣнадцатью головами. На самихъ себѣ своими лихорадочными болѣзнями увѣрились мы, что въ очеретахъ и болотахъ живетъ семьдесятъ семь сестеръ трясухъ, которымъ я даже ѣсть носилъ—яйцо; а въ хатахъ на чердакѣ и подъ поломъ толчется нечыста сыла—домовыкъ. Знали мы, что темной ночью нельзя выходить на дворъ, потому что по ночамъ ходятъ „мерци“ и вся въ бѣломъ „мара“, а подъ мельницами живутъ кровопійцы вовкулаки. Знали, что и волки говорятъ, и птицы человѣчью рѣчь понимаютъ, и листья перешептываются.

И какъ настанетъ чарующая лунная ночь, то моему живому дѣтскому воображенію такъ и рисуется, что по полямъ и по лѣснымъ дорогамъ на прекрасныхъ, умныхъ и говорящихъ по-человѣчьи коняхъ ѣздятъ Иваны простые и Иваны Царевичи съ хортами, а то и съ сѣрыми волками; а поверхъ лѣсовъ летаютъ вѣдмы злая на ступахъ; высоко же по небу перелетаютъ змѣи огненной полосой; между хатами бродятъ мары, по улицамъ бѣгаютъ кровожадные вовкулаки.

И какъ ни страшны сказки съ такими страшилищами, но онѣ доставляли намъ величайшее удовольствіе, потому что мы не отдѣляли своихъ личностей отъ личности Ивана дурачка и Ивана Царевича, жили ихъ страхами, переживали съ ними ихъ неудачи и торжествовали ихъ побѣды надъ всѣми этими страшилищами, какъ свои собственные; жили вмѣстѣ съ ними въ хрустальныхъ палацахъ, ѣли и медъ и вино пили, хотя они въ ротъ къ намъ ни разу не подали. Тѣмъ не менѣе эти сказки Кирилловы поднимали наше человѣческое самосознаніе и говорили намъ, что не только Иванъ Царевичъ, но и я, Иванъ дурачекъ, есть побѣдитель-властитель земли и ея темныхъ, злыхъ силъ и ея животнаго царства.

Какъ ни кажутся на первый взглядъ эти фантастическія сказки бессмысленнымъ, безцѣльнымъ и вреднымъ привнесомъ лжи и извращенія дѣйствительной жизни на нашей планетѣ въ міросозерцаніе дитяти, тѣмъ не менѣе уже одно существованіе такихъ сказокъ и спросъ на нихъ въ крестьянскомъ мірѣ ука-

зываютъ на право ихъ существованія. А если принять во вниманіе то, что мысль нашего народа до „освобожденія крестьянъ“ не имѣла соприкосновенія съ обоснованною на научной почвѣ культурною прогрессирующею мыслию Европы, а шла своею, замкнутою отъ вліянія научнаго, дорогою, указанною ей еще съ доисторическаго времени языческимъ міровоззрѣніемъ, то эти народныя сказки—не есть что-то безпочвенное, совсѣмъ ужъ фантастическое глупое сплетеніе ни на чемъ не основанныхъ представленій, а указываетъ на живущее и до нашихъ временъ довольно стройное міровоззрѣніе нашихъ предковъ, полное пантеизма, которое и служитъ народу стихійному объясненіемъ многихъ непонятныхъ явленій и приближаетъ ихъ къ истинѣ путемъ мышленія, совсѣмъ непонятнаго для насъ. Къ тѣмъ же выводамъ, къ какимъ мы приходимъ путемъ научнаго изслѣдованія, стихійный народъ приходитъ своею дорогою, непонятною для насъ въ той-же мѣрѣ, какъ нашъ путь изслѣдованія не понятенъ для народа. Заговоривъ о разницѣ приемовъ мышленія при познаніи однихъ и тѣхъ-же явленій у народа стихійнаго и у народа культурнаго, я отклонился въ сторону отъ сказочнаго міра, о которомъ началъ говорить.

Сказочный міръ, какъ мнѣ кажется, не есть чисто фантастическій міръ. Это міръ дѣйствительный, только отъ давности мхомъ поросшій, міръ жизни доисторическаго человѣка, совсѣмъ не похожій на современный міръ, наслѣдственно по преданію переходившій къ нашему времени. Сказка тотъ же памятникъ жизни доисторическаго человѣка, какъ и пѣсня, и колыда, и пещеры, и наконечники стрѣлъ, и курганы, и кости мамонта. Сказка—это народная исторія доисторической жизни человѣка.

Всѣ эти пещеры съ найденными при входѣ въ нихъ очагами; зола, уголь, разбитые черепки кувшиновъ, каменные наконечники стрѣлъ; какой-нибудь черепъ громаднаго животнаго, пограничные валы, именуемые у насъ „змѣиными валами“, быть можетъ указывающіе на границы княжествъ удѣльнаго періода политической жизни южной Россіи; историческіе памятники феодальнаго періода мѣстной жизни—развалины зам-

ковъ съ подземными лехами-скарбницами феодаловъ и съ подземными ходами, каковыхъ два въ моемъ селѣ, длиною, сколько обнаружилось, около версты; богатство мѣстной почвы лѣсами, рѣчками и звѣремъ,—все это та реальная канва, на которой стихійный не культурный народъ южно-русскій ткалъ фантастическіе узоры своихъ сказокъ¹⁾. Всѣ эти Иваны дурачки и Иваны-Царевичи, сказочные герои, непременно на лошадахъ; иные изъ нихъ явно степнаго происхожденія, кочевики. Всѣ эти Иваны, вооруженные лучками съ стрѣлами, а князья Иваны еще и мечами, не ведутъ войны противъ несмѣтныхъ полчищъ врага, какъ ведетъ Бова Королевичъ и Ерусланъ Лазаревичъ и Гвидонъ Король, принесенные къ намъ съ запада средневѣковые рыцари, а вступаютъ въ единоборство съ вѣдьмой-ли, съ колдунномъ-волшебникомъ, или со змѣемъ; если-же попадется въ плѣнъ, то спасается заимствованной хитростію, то прячась въ лѣса, то пользуясь рѣкой:

— На тоби оцего гребиньця, якъ стане тебе догоняты видьма, кинь гребиньця, то стане такій густый лись, що поки вона перегрызе его, то ты далеко утичешь, а якъ изновъ дожене, то махны хусткою и стане ричка, то поки вона прижене своихъ воливъ щобъ выплылы ричку, то далеко утичешь“. Часто же героевъ спасаютъ ихъ кони.

— Охъ коню, мій коню! Процала моя голова, тутъ мени смерть, жалуется всадникъ коню.

— „Не журысь, Иванъ Царевичъ. Лягай спаты. Це ще не беда, а отъ буде беда якъ... Лягай спаты, а якъ перши пивни заспивають, сидай на мене, та добре держысь; я тебе вызволю изъ биды“. Только кочевникъ-наѣздникъ могъ говорить съ лошадыю, дѣлиться съ нею своими радостями и своимъ горемъ, и только лошадь кочеваго наѣздника могла понимать своего сѣдока и быть ему другомъ, совѣтникомъ и спасителемъ.

Выводимые на той же канвѣ зміи—это не пресмыкающіеся змѣи, а страшныя, большія животныя; часто же зміемъ назы-

¹⁾ См. „къ изученію народнаго міровоззрѣнія“. Ст. О. Р. „Кіевская Старина“ 1889 г. Февраль.

ваетъ сказка злого и хитраго волшебника, перекидывающагося красавцемъ, крадущаго царевень и держащаго ихъ въ своихъ „сяющихъ палацахъ“. Что змѣями назывались большія животныя, видно уже изъ сказки позднѣйшаго происхожденія—періода христіанскаго, гдѣ змѣй, запряженный св. Кузьмою и Дамяномъ въ плугъ, выоралъ тотъ громадный валъ, который идетъ изъ Бѣлогородки подъ Кіевомъ, на Волынь и далѣе, и называется черезъ то зміннымъ валомъ. Жилища этихъ змѣевъ сказка указываетъ въ „палацахъ“ подземныхъ пещеръ, дремучихъ лѣсовъ и морскихъ безднъ. Борьба этихъ богатырей Ивановъ съ змѣями не есть ли отголосокъ изъ временъ борьбы первобытнаго человѣка въ нашемъ краю съ животными, выродившимися, исчезнувшими, какъ вырождается зубръ.

Я склоненъ думать, что въ сказкахъ героическихъ, прославляющихъ физическую силу и незамысловатую хитрость Ивановъ, всѣ эти Иваны и змѣи—дѣйствительныя лица, а борьба ихъ—дѣйствительный фактъ; на долю же народной фантазіи остались только шапки невидимки, да ковры самолеты, да скатерти самобранни, да прилача двѣнадцати головъ змѣямъ—звѣрямъ. Не трудно отдѣлить правду изображаемой жизни отъ фантазіи. Не все въ сказкѣ ложь, хоть есть пословица: пѣсня былъ, а сказка ложь. По тѣмъ сказкамъ, какія я слышалъ въ дѣтствѣ отъ дѣда Кирилла, бабы Марци и своей матери, теперь я вижу устныя указанія народа на періодъ жизни номадовъ нашей земли—борьбу физическую, борьбу человѣка съ окружающими его звѣрями, вижу устныя указанія народа изъ періода исторической жизни, борьбу вѣрованій христіанскихъ съ языческими, вижу указанія народа на евреевъ, на складъ жизни панщинный, на характеръ поповъ (якъ попы все пшеничнаго хлиба требовали, а Богъ зробывъ ихъ волами, та отдавъ бидному мужикови, щобъ винъ ными робывъ и годувавъ тилько ячною половою).

Но кругъ этихъ героическихъ сказокъ съ участіемъ мифическихъ существъ, укрѣпившихъ самосознаніе и жизнеохотность народа въ трудной и не всегда удачной борьбѣ его съ

стихіями, животными и чужими людьми, этот кругъ сказокъ указываетъ на плодъ духовнаго творчества народа, отдаленнаго отъ насъ многими вѣками; творчество же духа Южно-Русскаго народа историческаго, ближайшаго къ намъ по времени, избрало инныя стороны жизни народной своею темою.

Сложная, великая историческая жизнь, выпавшая на долю малороссовъ—многовѣковая борьба сначала междуособная, затѣмъ съ чуждыми народностями за свободу совѣсти, за свободу личности и за свободу общественную—пріучила мысль южнорусса витать по преимуществу въ сферѣ человѣческихъ отношеній религіозныхъ, семейныхъ, общественныхъ и международныхъ. Въ этомъ періодѣ жизни человѣкъ производилъ на малоросса наибольшее впечатлѣніе, и потому все мышленіе его направилось на пониманіе людей, не отвлекаясь въ сторону природы, которая, не какъ мачиха, а какъ родная щедрая мать, сама, безъ особыхъ усилій человѣка, кормила его неисчерпаемымъ богатствомъ своего растительнаго и животнаго царства и одѣвала его; потому все мышленіе малоросса направлялось на пониманіе людей и на пониманіе самого себя и сдѣлало его сосредоточеннымъ, вдумчивымъ поэтомъ-меланхоликомъ и мыслителемъ, пессимистомъ по преимуществу. И какъ въ исторической жизни своей онъ долго, терпѣливо, съ тупой покорностію неся на своей шеѣ ярмо чужой воли надъ собою, порою не выдерживалъ, когда уже посягали на его душу, подымался духомъ до колоссальнаго, классическаго героизма въ битвахъ и до выработки высокаго государственнаго строя козацкой рады съ гетманомъ во главѣ; такъ и въ области своего духа меланхолической поэзіи и пессимистической мысли онъ иногда проявляетъ лучи такой жизнеохотности, жизнерадостности, что „ажъ лыхо смієця“, подмываетъ на такіе танцы, що ажъ земля гнеця. „Веселой утны, старче, щобъ земля ломылась“.

Но я хочу говорить не о поэзіи малорусскаго народа, великой качественно и количественно, богатой содержаніемъ историческимъ, бытовымъ и любовнымъ, не о пѣсняхъ, носящихъ характеръ субъективный, глубоко сердечный, за сердце хватаю-

щій, хотя бы то была пѣсня и не сердечныхъ ощущеній любви, а пѣсня историческихъ событій,—моя рѣчь о сказкахъ мало-русскихъ, поколику мнѣ извѣстны онѣ изъ рассказовъ дѣда Кирилла, бабы Марци и моей матери. Я говорю о сказкахъ, сказаніяхъ бытовыхъ и семейныхъ; онѣ выказываютъ и большую психологическую наблюдательность, и глубокій умъ, и историческимъ путемъ выработанную хитрость, и упорное, но основательное недовѣріе не только къ иноземцамъ и къ своимъ русскимъ не мужикамъ, но и къ своему брату сѣряку-мужику и даже къ родной своей семьѣ. Для примѣра приведу, хотя не дословно, первый пришедшій на память рассказъ дѣда Кирилла подъ названіемъ: „Съ паномъ не братайся, жинци правду не кажи и чужои дытны за свою не беры“.

„Въ иднимъ сели живѣ панъ, гуменнымъ въ него бувѣ Иванъ. И Иванъ той, якъ собака, вирно панови служывѣ и панъ его якъ брата дуже за те полюбывѣ. Що вечера Иванъ до пана похожае, що вечера той панъ Ивана запытае: а цо мнѣ повешь Иване?“

— Все есть добре пане!

— А ходзь же тутай Иване!

— Заразь мій пане!

И чарка доброй горилки Иванови даеця, а иншій разъ и мирка пшеницы достаеця. Йде панъ той въ тепли край за гранцю

— Патшай Иванку ци палацы и цю птыцю; птыцю сокола бильше всего доглядай и, якъ око въ лоби, его сберегай. Якъ доглядышь въ акурать,—будешь мени ридній братъ, якъ же не доглядышь птыцю, то виддамъ тебе на шибеныцю.

— Ходзь же тутай, Иване, муй коханий ты брацисекъ; пій на здрувье пана доброй вудки хотъ килишекъ“.

Дуже добрый панъ! Щаслывійшій ще Иванъ! Волю на обори, кони на припони, жинка госпоdynя, грошей повна скрыня, панъ за брата его мае и громада велычае. Идна лыха беда: дитей Иванъ не мавъ, за ридною дытнуу принявъ винъ сыротыну. Сыротына, якъ дытына, не своя жъ таки родына. Тяжко Иванъ и зъ жинкою сумуе, цо не знать для кого винъ працое.

Але чувъ винъ одъ людей, що хто хоче мать дитей, то повиненъ винъ для жинки роздобуть тіей печинки, що не зъ свыни й не зъ вола, а зъ ясного сокола. Зайшла думка у Івана, що и сокиль есть у пана; тильки страшна шибеныця, якъ спытае панъ: де птыця. Чи вже выгравъ, чи програвъ; а досъ того птыцю вкравъ. Отъ и каже винъ жони, що казали на сели: щобъ родыть дытынку, зъисты тра печинку, печень не курину, але й не качыну, не зъ свыни и не зъ вола, а зъ ясного сокола.

Жинка стишылась, зрадила, до Івана приступыла:—хоть и зъ паньского двора, а достань ты сокола. Чоловиченьку жъ мій, Іваночку ты жъ мій! Ой, якъ я зъимъ ту печинку, то рожу тобі дытынку!

— „Богъ зъ тобою! каже Іванъ, добре жъ знаешь ты, що панъ та за ту погану птыцю скаже йты на шибеныцю“.

— „Ой! ой! Боже жъ мій! Ой ой! Іване мій! Що жъ мени робыты? Що жъ мени чыныты! Чи тебе вже поховаты? Чи дожидаты? Ой, до свита жъ я умру, якъ печинки не дожду“.

Жинка бигае та плаче, руки ломыть, ажъ трищать. Покрутывъ Іванъ головою, поговорывъ самъ съ собою, выйшовъ съ хаты до двора, та й прыносить сокола.

— „Передъ Богомъ поялянысь и Хрестомъ заприсягнысь, що не скажешъ ты сосидци, не признаешься и титци, що для тебе сокола вкравъ я зъ паньского двора“. Забожилась, присягала, хрестъ и землю цилувала, що не скаже никому, хоть бы й батьку ридному.

Іванъ заризавъ сокола, пирья й мясо пеховавъ, а идну тилько печинку показавъ и вкинувъ въ рынку. Жинка тишытьця—радіе, що печинка въ рынци пріе; а ще лучше израдила, якъ печинку тую зъила; веселылась, реготила; взяла видра и побигла; ще не дойшла до воды, опынылася въ кумы.

— Кумо жъ моя, кумо мыла!

Яка жъ я теперь счаслыва!

— То розкажуй же скорій!

— Ни, не можно, ни, ни, ни! Землю ила й присягала. Це я такъ соби сбрехала. На дытынку задывылась, та й оце

проговорила. Я теперь прійшла по дилу: взяты въ тебе глыну билу; хату треба побилыты.

— На що то хвостомъ крутыты? Та признайся. Побожусь, що никому не скажу.

— Ты жъ не будь цикава. То я такъ сказала, абы трохи пошутыты та тебе вже пиддурыты.

— Отъ не вирышь ты мени! Приглянусь же я тоби..

— Виру, виру. Я зрадила, що печинку чудну зыла. Зыла печень соколыну, то рожу соби дытыну. Сокола жъ Иванъ въ своего пана вкравъ. Охъ! на що жъ це я сказала?! Голова жъ моя пропала! Охъ, боюся, щобъ нашъ панъ головы не стявъ Ивану. Кумо жъ сердце, ты жъ мовчы, та никому не кажи“.

А сама вже засмутилась, та й за видра ухватилась.

Ще й пивъ ночи не настало, якъ село все уже знало, що Иванъ сокола укравъ и печинку жинци давъ. Скоро й панъ той приызжае и Ивана вже пытае:

— А цо Йване, муй коханий?

— Не все добре, ясный пане!

— Цо жъ такого, муй брадишку?

— Не встеригъ я паньску птычку!

— Цо ты мувишь Йване? Цо ты, быдло! цо ты, хаме? Таку птыцю! Таку птыцю!? Шибеницу! Шибеницу! Бежце его, быдло таке! Нехъ же виси якъ собака!“

Иванъ до паньскихъ нигъ припавъ, ноги слизьми обильявъ.

— Тилько на идну хвылыну пустить, пане, у хатыну по-прощатысь, помолытысь, добромъ семью подилыты. Прыбигае Иванъ до хаты. Сынъ нахмурывся; жинка плаче. Одчынывъ Иванъ скрынку, та доставъ торбынку, а съ торбынки грошы на три купки ложыты.

— „Перша купка тоби, жинко, друга купка тоби, сынку, третью купку той визьме, хто повисыть вже мене“. Якъ подилывъ мидни, взявъ золоти й срибни; на три купки роскладае и такъ само промовляе:

— „Оця купка тоби жинко; оця купка тоби сынку, а цю купку той визьме, хто повисыть вже мене“.

— Тату, якъ мае якийсь чортъ чужій ци гроши забрать та васъ повисыть, то лучше я ци гроши заберу, та васъ повису.

Затряслося въ грудяхъ, занимивъ языкъ, опустылись руки, головою Иванъ поныкъ. Дали Иванъ повивъ очами, згрибъ винъ гроши ти руками, позгортавъ въ торбынку, та й замѣнувъ у скрынку. Шапкой голову накрывъ, въ руки взявъ винъ палыцю, щось пидъ полу ще вхопывъ, та й пишовъ до палацу.

— „Геть пся вярю, хаме; кричыть панъ: На шибеньцю“!

— „Почикайте, пане. Осъ принисъ я паньску птыцю“.

Роскрывае Иванъ полы, выпускае сокола, падае винъ пану въ ноги и такъ ему промовля:

— Выбачайте, пане, що я такъ удавъ; бо панъ мене—Ивана своимъ братомъ звавъ. Я жъ не вирывъ въ паньску ласку, тилько пана вывирывъ. За чортъ знай якую пташку вишати мене панъ сказавъ! Правду каже казка щыру, а я виры першъ не ннявъ; а теперъ я крипко виру, бо на шкури свойце дознавъ.

— А казка тая отъ що каже:

„Съ паномъ не братайся,
Живци правды не кажи,
И чужой дитыны
За свою не бери“.

Подобно этой сказкѣ, рассказывалъ дѣдъ Кирилло и много другихъ сказокъ, изображающихъ различныя проявленія народной жизни и характеризующихъ взглядъ и отношеніе народа къ ненормальнымъ явленіямъ своей жизни. Припоминаю сказки дѣда въ томъ-же духѣ о панѣ, и о злодіяхъ. Панъ велѣлъ гуменнаго, обкрадывавшаго его, — пана, и разбогатѣвшаго, обнажить и нагого привязать къ дереву въ лѣсу на съѣденіе мухамъ: нехай съ тебе такъ пьютъ кровь, якъ ты мене ссавъ—мое добро кравъ. На другой день полюбопытствовалъ панъ посмотрѣть на муки гуменнаго и, когда увидѣлъ, что мухи, комары и оводы совсѣмъ покрыли его и сосутъ кровь, которая струйками сочится, по естественному чувству состраданія къ страждущему и мести къ кровопійцамъ мухамъ бросился прогонять мухъ, но Иванъ съ чувствомъ ужаса закричалъ:

— „Ой паночку! не зганяйте зъ мене цихъ мухъ, вони уже напылись крови и не кусають, бо якъ цихъ проженете, а нови голодни налетять, то остатню кровь зъ мене выссуть“.

Въ словахъ Ивана панъ нашель для себя практическое наставленіе, что новый гуменный, поставленный на мѣсто Ивана, бѣдный, еще не нажившійся, подобно голоднымъ мухамъ, набросится красть остальное его имущество и можетъ разорить его, а Иванъ уже нажился съ его добра, насытился и, будучи пеголоднымъ, перестанетъ красть. И велѣлъ онъ развязать Ивана и опять поставилъ его гуменнымъ.

Въ сказкѣ о злодіяхъ—ворахъ разсказывается, какъ три вора Кононъ, Опанасъ и Явдокимъ потерпѣли полную неудачу въ своемъ воровскомъ предпріятіи и поставлены были въ траги-комическое положеніе хитрымъ хозяиномъ, у котораго они въ теченіе одной ночи три раза крали одно и то же сало въ мѣшкѣ съ чердака, изъ коморы и изъ хаты, и каждый разъ, вмѣсто того, чтобы передать одинъ другому, передавали хитрому хозяину, который прикидывался то Конономъ, то Опанасомъ, то Явдокимомъ и препятывалъ сало. Въ концѣ концовъ послѣ взаимной драки воровъ другъ съ другомъ, хозяинъ зазвалъ ихъ въ хату, „выдурнявъ ихъ добре“ и угостилъ саломъ и водкою.

Сказки до того охотно и внимательно слушаются, что переходятъ изъ устъ въ уста дословно, буквально,—и это потому, что только въ сказкѣ, а не въ дѣйствительной жизни простой человѣкъ удовлетворяется, видя, что зло всегда побѣждается добромъ, или же само себя наказуетъ, какъ видно въ сказкѣ: „Злодійскій учитель и ученъ“.

„Мале, хиле и дурне хлопья-ученъ“, при первомъ же урокѣ въ воровствѣ—кражѣ бычка у сосѣда, обманываетъ своего учителя вора, выкрадываетъ у него бычка, заманиваетъ учителя въ рѣчку по самую шею и крадетъ у него одежду и все бѣлье до рубашки, оставляетъ своего учителя въ водѣ и такъ благодаритъ за науку.

Въ подобныя же отношенія учителя къ ученику другая сказка ставитъ учителя лѣни къ принятому имъ въ науку лѣ-

ниться хлопцу. Лежать учитель и ученикъ на печкѣ среди дня, но учителю и спать не хочется, и встать лѣнь, хотя и нужно пойти на село.

— „А пиды но, хлопче, на двирь, та подывыся, чи йде дощъ, чи нейде“?

— Ученикъ, не сходя съ печки, зоветъ собаку въ хату со двора и, подозвавъ къ себѣ поближе, погладилъ ея шерсть, которая оказалась мокра.

— „Иде невеличкій дощъ, бо собака трохи мокра“—отвѣтилъ ученикъ учителю.

— „Э! Якъ ты вже такий ливый, та хитрый, то вже не треба тобі учитися у мене. Ты ще ливийшій видъ мене. Иды соби геть! А то ще ты мене зъ учительского хлиба ссадышь“.

Кромѣ сказокъ-былей, которымъ дѣдъ Кирилло Середа и счета не зналъ, рассказывалъ онъ намъ и небылицы, въ которыхъ самъ рассказчикъ и есть главное дѣйствующее лицо. Я помню ихъ только три: одна о томъ, какъ рассказчикъ, будучи еще малымъ хлопьямъ, служилъ у дядька небожчика, у котораго свыня съ гарбузивъ высидила дванадцать воливъ якъ соколивъ; другая о томъ „якъ дядько съ дядиною посадылы въ хати горохъ, выросшій до потолка; пробралы потолокъ и крышу, а горохъ вырись ажъ на небо, куда рассказчикъ по стеблю гороха и вылѣзъ; третья—„полюванье“ на восковой лошади за зайцами. Слушая эти небылицы, мы дѣти заливались неудержимымъ смѣхомъ, хохотали до слезъ. И было отчего. Небылицы полны самага смѣшнаго и часто нелѣпаго соединенія возможнаго съ невозможнымъ, полны совмѣщенія въ одно самыхъ рѣзкихъ контрастовъ, гдѣ серьезное соединено съ глупымъ, святое съ пустячнымъ, плачевное съ смѣшнымъ, возможное съ невозможнымъ, но юморъ главнымъ образомъ заключается въ высокомъ слогѣ и солидномъ тонѣ, которымъ рассказываются самыя глупыя и уморительныя сопоставленія, при чемъ рассказчикъ ни однимъ мускуломъ не улыбнется, какъ будто истину вѣщаетъ, не смотря на то, что всѣ слушающіе бока надрываютъ отъ смѣха. Я не берусь передать содержаніе этихъ не-

былицъ уже потому, что давно, лѣтъ 30, какъ слыхаль ихъ, а главнымъ образомъ—потому, что въ моемъ разсказѣ утратится вся соль народнаго юмора, и наконецъ—я думаю, что они уже помѣщены въ печати вмѣстѣ съ народными сказками.

Сказки, которыя я слыхаль отъ дѣда Кирилла въ моемъ дѣтствѣ, живутъ и по днесъ въ народѣ, потому что, кромѣ за-полненія досужаго времени въ длинныя зимнія вечера, сказки имѣютъ то значеніе для народа, что онъ, въ дѣйствительной жизни видѣвшій только одно поспраніе правды, безсиліе добра и ликованіе зла, хотъ въ сказкѣ отдыхаль душею, ободрялся, слушая, какъ взявшіе себѣ монополію разумности одурачиваются тѣмъ, кого даже не признавали человѣкомъ, а считали рабочимъ быдломъ, одурачиваются тѣмъ, чей умъ не признавался, а признавались только руки и ноги, ободрялся душею, видя, хотъ въ сказкѣ, что правда торжествуетъ надъ неправдою, что зло побѣждается добромъ или же само себя зло наказуетъ.

М. Щ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Нъ исторіи малорусской исторіографіи и малорусскаго общественнаго строя¹⁾.

(Замѣтки по поводу статей В. А. Мякотина „Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII столѣтіи“ въ „Русск. Богатствъ“ 1894 г. № 2, 3 и 4).

II.

Характеръ извѣстнаго общества и исторія развитія его зависятъ, въ значительной степени, отъ тѣхъ условій, среди которыхъ возникло данное общество и среди которыхъ проходили первые годы его существованія.

Исторія знаетъ нѣсколько способовъ возникновенія человѣческихъ обществъ. Одни изъ нихъ возникаютъ путемъ естественнаго роста, когда изъ ячейки—будь-то семья или родъ—заложенной въ отдаленное время, развивается постепенно общество съ его этическими и правовыми нормами, съ его извѣстнымъ экономическимъ и политическимъ строемъ, выработавшимся сообразно съ тѣми условіями, при которыхъ жило и развивалось данное общество. Въ этомъ случаѣ общественный строй развивается и вырабатывается по мѣрѣ дифференціаціи общественныхъ отношеній. Сначала регулируются самыя простыя отношенія и для нихъ вырабатываются самыя простыя правовыя нормы; затѣмъ, по мѣрѣ усложненія общественнаго строя и отношеній, нормы эти, въ свою очередь, дифференцируются и вырабатываются новыя, сообразно съ требованіями времени.

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г., № 11.

Такое развитіе общественныхъ отношеній, представляя изъ себя одну непрерывную цѣпь, является, обыкновенно, слѣдствіемъ долгаго историческаго процесса. Для этого, вѣдь, требуется, чтобы люди сознали необходимость обуздать свой индивидуализмъ, такой сильный на низшихъ ступеняхъ человѣческаго развитія, сложились въ общество, выработали и признали извѣстныя правовыя нормы, регулировали свои отношенія и т. д.

Гораздо легче образуется общество и получаетъ извѣстный характеръ подъ вліяніемъ завоеванія одного народа другимъ, у котораго сложился уже свой правовой порядокъ. Въ подобномъ случаѣ завоеваннымъ, какъ болѣе слабой части, приходится, обыкновенно, примкнуть къ завоевателямъ, принаровиться къ ихъ общественному строю, который потомъ, съ теченіемъ времени, входитъ въ плоть и кровь всей завоеванной націи и служитъ основой для развитія ея общественныхъ отношеній наряду съ завоевателями.

Есть еще способъ образованія отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ, особенно распространенный въ настоящее время. Это способъ обособленія частей отъ цѣлаго или даже отдѣленія ихъ. Обособились и обособляются, напр., части Австро-Венгерской имперіи и получаютъ извѣстныя, болѣе или менѣе благоприятныя условія для развитія ихъ самобытности; отдѣлились американскія колоніи отъ своихъ европейскихъ метрополій. Характерную особенность этихъ обособленій и отдѣленій составляетъ то, что общественный строй стараго общества становится исходнымъ пунктомъ для новаго, реформируясь только сообразно съ его запросами и сообразно съ той идеей, во имя которой это отдѣленіе или обособленіе послѣдовало. Вслѣдствіе этого и самый процессъ образованія новыхъ обществъ не сопровождается какимъ-нибудь кореннымъ переворотомъ, носитъ характеръ постепенности, не нарушая рѣзко существовавшихъ общественныхъ отношеній. Въ этомъ, въ значительной степени, лежитъ и залогъ дальнѣйшаго существованія новаго общества и сохраненіе его отъ гибели на первыхъ же порахъ его отдѣльнаго существованія, когда особенно трудно бываетъ регулировать общественныя отношенія.

Если мы обратимся теперь къ условіямъ образованія малорусскаго общества во второй половинѣ XVII вѣка, то увидимъ, что они во многомъ отличаются отъ указанныхъ выше. По внѣшнему виду, они, правда, какъ будто напоминаютъ собой условія образованія новѣйшихъ обществъ. Малороссія отдѣлилась отъ Польши и соединилась съ Россіей, обусловивъ себѣ, какъ мы ужъ говорили выше, право свободнаго существованія и полную независимость своего общественнаго строя отъ притязаній и вліяній Москвы. Но этого было мало. Существенную разницу въ условіяхъ образованія малорусскаго и современныхъ обществъ составляло то, что старый польскій строй, при которомъ жила Малороссія и который регулировалъ прежде ея отношенія, не легъ, да и не могъ лечь, хотя бы въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, въ основу вновь нарождающагося малорусскаго общества.

Причины этого вполне понятны.

Характерную особенность государственнаго строя Рѣчи Посполитой составляла сословность, которая лежала въ его основѣ. Все польское общество распадалось на цѣлый рядъ группъ, права которыхъ были не только не одинаковы по отношенію къ государству и другъ другу, но часто права одной группы, одного сословія исключали права другаго. Въ то время какъ шляхетство и католическое духовенство пользовались полными правами гражданства, личность ихъ была обезпечена, имущество тоже, они принимали участіе въ государственныхъ дѣлахъ, судѣ, управленіи,—личность крестьянина была окончательно уничтожена; онъ былъ всецѣло отданъ въ руки владѣльцевъ, лишенъ гражданскихъ правъ, владѣнія имуществомъ, права пользоваться государственнымъ судомъ и пр. Объ участіи крестьянства въ администраціи и судѣ въ серьезномъ смыслѣ и говорить нечего. Въ лучшемъ положеніи были города, которые пользовались магдебургскимъ правомъ, имѣли свое самоуправленіе, судъ и жили отдѣльною, болѣе или менѣе независимою жизнью.

Кромѣ сословности, въ государственномъ строѣ Рѣчи Посполитой не маловажную роль играла и религіозная нетерпи-

мость. Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣми печальными явленіями, которыми всегда сопровождалось соревнованіе и борьба двухъ христіанскихъ исповѣданій—католичества и православія. Послѣ того какъ Литва соединилась съ Польшей и стала вполне естественнымъ путемъ подчиняться высшей культурѣ польской, начало одерживать верхъ и католичество, какъ религія націи съ высшей культурой, надъ православіемъ, бывшимъ религіей литовцевъ, народности, стоявшей, несомнѣнно, на низшей степени развитія сравнительно съ поляками. Сначала вытѣсненіе православія католичествомъ совершалось вполне мирнымъ путемъ, путемъ культурнаго, такъ сказать, воздѣйствія, пока въ политику польскаго государства не вошла печальная струя произвести нравственное насиліе надъ народностями, входившими въ составъ Польши, полонизировать ихъ. Полонизація эта понималась, между прочимъ и въ смыслѣ обращенія въ католичество¹⁾. Добровольно это не могло совершиться. У человѣка есть двѣ вещи, безразличныя для общества, но слишкомъ дорогія для отдѣльной личности, съ которыми онъ нелегко разстается, а если и разстается, то это происходитъ съ кореннымъ нравственнымъ переворотомъ, если не съ нравственнымъ паденіемъ личности.—Это родной языкъ и затѣмъ вѣра отцовъ. И то, и другое всасываетъ человѣкъ, такъ сказать, съ молокомъ матери; на почвѣ того и другого рождаются у человѣка нравственныя и общественныя понятія и инстинкты. Родной языкъ связываетъ человѣка съ другими людьми; заставляетъ чувствовать себя солидарнымъ съ ними, вырабатываетъ патріотизмъ, какъ любовь къ родинѣ, а отсюда, конечно, вырабатывается и особое понятіе о родинѣ, членомъ которой человѣкъ себя чувствуетъ и служить которой онъ признаетъ себя обязаннымъ. Такое же значеніе

¹⁾ Факты, относящіеся къ этимъ событіямъ см. у *Колловича* „Литовская унія или послѣднее соединеніе литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ на люблинскомъ сеймѣ въ 1569 г.; его же Литовская церковная унія; его же Чтенія по исторіи Западной Россіи. 1884 г. *Костомаровъ* Историческія монографіи т. III. *Макушевъ* Общественные и государственные вопросы въ польской литературѣ въ XVI вѣкѣ. *А. Архангельскій* Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе южной Руси къ концѣ XVI вѣка въ „Кіевск. Стар.“ 1886 г. май.

имѣть и религія отцовъ. Она также связываетъ людей между собою, предыдущее поколѣніе съ послѣдующимъ, она создаетъ общій нравственный кодексъ. Какъ философская система, религія даетъ удовлетвореніе умственнымъ запросамъ отдѣльныхъ вѣрующихъ поколѣній, по своему обобщая и объясняя тѣ міровыя и жизненныя явленія, которыя хочетъ знать и свести вмѣстѣ, обобщить и объяснить пытливый, но все еще младенческой умъ челоѣка. Вотъ почему такъ дорогъ бѣваетъ родной языкъ и вѣра отцовъ; вотъ почему такъ крѣпко отстаиваютъ ихъ люди. Не простое упорство играетъ здѣсь роль. Напротивъ, вопросъ здѣсь идетъ о нравственной личности отдѣльнаго челоѣка, затѣмъ людей, націи. Станетъ понятнымъ теперь, почему на этой почвѣ такъ долго и такъ упорно велась борьба малорусскаго народа съ поляками, борьба, окончившаяся присоединеніемъ Малороссіи къ единовѣрной Россіи.

Брестская религіозная унія 1596 года рѣшительнымъ образомъ измѣнила положеніе православія и православныхъ въ Польшѣ, такъ какъ она являлась актомъ не только религіознымъ, но de facto и политическимъ. Если до сихъ поръ православіе офиціально терпѣлось, то причина этого лежала въ томъ, что права православныхъ были ограждены постановленіями люблинской политической унії, по которой Польша навѣки соединилась съ Литвой, подтвердивъ послѣдней всѣ права и привилегіи, дарованныя ей когда-нибудь отъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, между прочимъ, и права языка, вѣры и проч. ¹⁾ Постановленія люблинскаго сейма впоследствии не разъ подтверждались и служили, такимъ образомъ, своего рода конституціей, на которую всегда могли опираться представители русской народности, вошедшей вмѣстѣ съ Литвой въ составъ Польши. Русскій народъ исповѣдывалъ православную вѣру, и, такимъ образомъ, вѣра эта пользовалась всѣми правами въ Польшѣ наряду съ католической. Брестская унія юридически не отмѣнила люблинскихъ постановленій. По виду,

¹⁾ Volumina legum т. II, стр. 84—87 и 92 § 2. О люблинской унії см. выше названныя сочиненія *Кояловича* и *Н. И. Костомарова*.

она являлась только актомъ религіознымъ: православные съ католиками соединились путемъ компромисса, уступки въ отдѣльныхъ, преимущественно, обрядовыхъ, частностяхъ ихъ вѣроученій. Но изъ этого вытекали важныя политическія послѣдствія. Брестская унія была, вѣдь, заключена отъ лица всѣхъ русскихъ, православныхъ, подписана высшими и вполне законными представителями западно-русской православной церкви, митрополитомъ, архіепископами, епископами и др.; акту былъ приданъ характеръ заключеннаго по желанію всѣхъ или большинства лицъ православнаго вѣроисповѣданія, слѣдовательно, характеръ вполне добровольнаго акта. Вмѣстѣ съ объявленіемъ уніи раздались, правда, протесты, доказывали подложность ея; но юридически брестскій актъ опровергнуть никогда не былъ (по какимъ причинамъ—для насъ безразлично), продолжалъ существовать столѣтія и далеко пережилъ самую Рѣчь Посполитую. При такомъ характерѣ уніи, православіе, какъ официально признанная религія, должно было исчезнуть. Съ точки зрѣнія государства, основанной на актѣ 1596 года, православные являлись исключеніями, еретиками, упорствовавшими въ своихъ предразсудкахъ и старыхъ вѣрованіяхъ, протестовавшими противъ вѣрованія, признаннаго официально, словомъ, являлись тѣмъ, чѣмъ являются, на примѣръ, русскіе старовѣры и сектанты по отношенію къ православію и русскому государству. Въ ту пору когда государство считало своимъ правомъ или даже обязанностію брать на себя опеку надъ челоувѣческою совѣстью, нечего было и думать о какой-нибудь религіозной терпимости или о гражданской равноправности лицъ, исповѣдывающихъ разныя религіи. Для того, чтобы пользоваться гражданскими правами даннаго государства, необходимо было вѣровать такъ, какъ хочетъ это государство. Немудрено, поэтому, что православіе со времени брестскаго собора является, въ сущности, религіей безправной и къ тому же гонимой ¹⁾).

¹⁾ О Брестской религіозной уніи существуетъ въ настоящее время большая литература. См. *Н. И. Костомаровъ* Монографіи т. III. *Колловичъ* Литовская церковная унія. *Превосв. Макарій* Исторія русской церкви т. IX. *Ивановичъ* Свѣдѣнія о началѣ уніи, извлеченныя изъ актовъ кievск. централ. архива въ Рус. Бесѣдѣ 1858 г. № 4. *Соловьевъ* Исторія Россіи т. X и др.

Мы ужъ выше говорили, что права православныхъ въ Польшѣ и ихъ гражданское равенство съ католиками было основано на постановленіяхъ люблинскаго сейма, актъ котораго, утверждая Литвѣ и Руси всѣ права и привилегіи, обѣщалъ никогда ихъ не нарушать. Фактическое положеніе дѣлъ послѣ брестской уніи являлось, повидимому, нарушеніемъ люблинскихъ постановленій и обѣщаній; но юридическаго нарушенія, въ сущности, здѣсь не было. Если въ актѣ 1569 года говорится о людяхъ Римскаго и Греческаго закона, при чемъ подъ послѣдними разумѣются, конечно, православные, то въ 1596 году эти православные, по оффиціальному акту, имѣвшему законную силу, добровольно перешли въ унію и, такимъ образомъ, для польскаго государства православіе, какъ оффиціальная религія перестала существовать, хотя люблинскія постановленія и сохраняли свою силу, только въ нихъ подъ именемъ людей греческаго закона разумѣлись уже не православные, а уніаты.

Съ этого-то времени начинается новый моментъ въ жизни малорусскаго народа—его трагическая борьба съ польскимъ государствомъ. Въ основѣ этой борьбы лежало три мотива, національно-политическій, религіозный и экономическій. Мотивы эти дѣйствовали вмѣстѣ и были тѣсно связаны другъ съ другомъ. Мы ужъ выше упоминали, что православіе, какъ религія націи съ низшей культурой, стало вполне естественнымъ путемъ уступать мѣсто католичеству, а такъ какъ культурное вліяніе Польши, вслѣдствіе цѣлаго ряда экономическихъ и политическихъ причинъ, должно было отразиться на высшихъ, болѣе матеріально обеспеченныхъ, а потому и болѣе культурныхъ классахъ, то, понятно, почему католичество пустило свои корни среди русскаго вельможества и шляхетства. Однихъ здѣсь привлекали, можетъ быть, и выгоды, но такъ какъ послѣднія до введенія брестской уніи не могли быть значительны, то мы имѣемъ полное право предполагать, что у большинства русскихъ шляхтичей не было нравственнаго компромисса, а вполне естественное подчиненіе религіи народа съ большей культурой. Какъ бы тамъ ни было, а много шляхтичей перешло въ католичество еще до заключенія уніи, много перешло затѣмъ при этомъ за-

ключеніи. Правда, не мало оставалось ихъ и послѣ 1596 года, и между ними такія личности, какъ Константинъ Острожскій, которые изъ-за разныхъ причинъ боролись за православныхъ и православную вѣру¹⁾; но, въ сущности, это были остатки православнаго русскаго шляхетства, могущаго представлять какую-нибудь политическую силу. Уже на Константинѣ Острожскомъ видно вліяніе католичества, а потомство его прямо оставляетъ вѣру предковъ.

При такомъ ходѣ дѣлъ, между русскимъ шляхетствомъ и народомъ не только терялась всякая связь, но вырабатывались прямо таки враждебныя отношенія. Въ то время, какъ народъ оставался вѣрнымъ старой отцовской вѣрѣ,—шляхетство забывало ее, забывало и родной языкъ, связывавшій его съ народомъ; проникалось затѣмъ тѣми взглядами религіозной нетерпимости, которые господствовали въ Польшѣ подъ вліяніемъ нахлынувшихъ іезуитовъ и которые отражались, естественно, на внутренней политикѣ польскаго государства. Православная вѣра подвергалась гоненію, и роль этихъ гонителей выпала, между прочимъ, и на долю ополченныхъ русскіхъ шляхтичей, сдѣлавшихся вѣрнымъ орудіемъ іезуитовъ. Гонимыми были лица, исповѣдывавшія православную вѣру, а такъ какъ послѣдними были почти исключительно русскіе, и при томъ лица, преимущественно, крестьянскаго или мѣщанскаго сословія, то православная вѣра получаетъ обидную кличку вѣры хлопской, т. е. исповѣдуемой хлопами, крестьянами. Съ этой поры понятія православный и русскій совпадаютъ, и, такимъ образомъ, на почвѣ религіозной возникаетъ вопросъ національный. Стремясь улучшить положеніе православныхъ въ Польшѣ, стремятся въ то же время улучшить и положеніе русской національности.

Какъ всегда, такъ и здѣсь, культурныя, національно-религіозныя теченія выросли на почвѣ экономической. Большинство

¹⁾ Объ этомъ у *Н. И. Костомарова* Историч. монографіи т. III, у *Коловчи* Литовская унія и Литовская церковная унія; *Преосв. Макарій* Исторія русской церкви т. X. *Иванитшевъ* Постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ Арх. юго-зап. Росс. т. I, ч. III; О происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ юго-западной Россіи Арх. юго-зап. Росс. т. I, ч. IV (Предисловіе М. Юзефовича, статья проф. В. В. Антоновича).

русскаго народа, жившаго въ деревняхъ, было въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ. Безумная роскошь польскаго вельможества и шляхетства, такъ характерная для польскаго общества тогдашняго и послѣдующаго времени, требовала громад-ныхъ средствъ, а средства эти добывались изъ имѣній, воздѣ-льваемыхъ руками крѣпостнаго населенія. Немудрено, что по-дати и повинности крестьянства росли непомѣрно, при чемъ при взысканіи ихъ не обращалось ни на что вниманія: ни на бѣдность жителей, ни на особыя условія того или другаго года и пр. Такъ всегда бываетъ въ обществахъ, гдѣ сильны эгоисти-ческія и индивидуалистическія стремленія, гдѣ слаба обществен-ность, гдѣ личность, въ видѣ ли отдѣльнаго человѣка или цѣ-лаго сословія, не привыкла подчинять свои интересы интере-самъ общественнымъ. Экономическая зависимость малорусскаго крестьянства отъ ополеченныхъ шляхтичей получала тѣмъ болѣе острый характеръ, что личность крестьянина ничѣмъ не была га-рантирована отъ произвола помѣщика. Послѣдній могъ по своему желанію увеличивать размѣръ податей, онъ судилъ крестьянъ, наказывалъ ихъ, имѣлъ надъ ними даже фактически право жиз-ни и смерти, такъ какъ крестьянину, при томъ могуществѣ и свободѣ, которою пользовалось шляхетство въ Польшѣ, негдѣ было искать управы ¹⁾. Отъ помѣщика же зависѣлъ крестьянинъ и въ дѣлѣ религіи. Унія, правда, не скоро, да и не сильно распространилась среди малорусскаго крестьянства. Большинство его такъ и осталось при православіи. Но это только увеличи-вало тяжесть положенія малорусскаго народа. Помѣщики съ ревностью неофитовъ, подстрекаемые нерѣдко іезуитами, отно-сились презрительно къ хлопской вѣрѣ и хлопскому правосла-вному духовенству, позволяя надъ нимъ всевозможныя насилія и издѣвательства и дѣлая изъ права исповѣдывать православную вѣру источникъ для своихъ матеріальныхъ выгодъ, отдавая цер-

¹⁾ *И. Новицкій*. Очеркъ исторіи крестьянства въ юго-западной Россіи въ XV—XVIII вѣкѣ. Кіевъ. 1876 г., предисловіе къ 6 части I тома Архива юго-запада. Россіи, заключающаго въ себѣ акты объ экономич. и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ юго-зап. Россіи.

кви въ аренду, взымая подати за право служенія въ нихъ и проч. ¹⁾).

Все это, понятное дѣло, должно было ожесточать народъ, вело къ цѣлому ряду возстаній противъ польскаго государства, возстаній, которыми характеризуется конецъ XVI и первая половина XVII вѣка ²⁾. Предводителями этихъ возстаній были козаки, жившіе въ польскихъ пограничныхъ областяхъ. Кадры козаковъ составлялись и постоянно пополнялись бѣглыми малороссійскими крестьянами, которые, бросая своихъ помѣщиковъ, старались избавиться отъ крѣпостнаго права. Каждое новое возстаніе козаковъ вызывало новое массовое бѣгство за крѣпощеннаго малорусскаго люда. Въ этихъ возстаніяхъ всегда соединялось два элемента, которые придавали имъ опредѣленный характеръ. Это было желаніе защитить свою вѣру и улучшить свое положеніе; а такъ какъ съ понятіемъ *православный* тѣмъ самымъ соединялось понятіе *русскій*, то всѣ козацкія возстанія окрашены ярко національнымъ характеромъ. Религиозно-экономическое движеніе обращалось въ національное, малорусская національность защищала себя отъ національности польской, требовала уравниенія съ нею, требовала права засѣдать православнымъ на ряду съ католиками въ сеймѣ Рѣчи-Посполитой. Здѣсь козацкія движенія получали политическій характеръ.

¹⁾ См. названнаго выше труды Н. И. Костомарова, Коляловича, преев. Макарія. С. М. Соловьева, И. Н. Новицкаго, а также Архивъ юго-западной Россіи ч. I. т. VI. Акты о первоиспо-религиозныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси (1322—1648 г.). Статьи О. И. Левицкаго въ Киевск. Стар. 1882, 1883, 1884, 1889 и 1891 годовъ.

²⁾ Арх. Юго-Зап. Россіи: ч. III т. I: Акты о козакахъ (1500—1648). Статья къ нимъ написана проф. В. Б. Антоновичемъ. С. М. Соловьевъ. „Очерки исторіи Малороссіи до присоединенія ея къ Россіи“ въ „Отеч. Зап. 1848 г. № 11 и 12 и 1849 г. № 2; *его-же* „Исторія Россіи“ т. X. Н. И. Костомаровъ „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“ т. I и II: биографія князя К. Б. Острожскаго, Петра Могилы и Богдана Хмельницкаго. *Его-же* „Борьба украинскихъ козаковъ съ Польшею“ въ первой половинѣ XVII в. до Богдана Хмельницкаго въ „Отеч. Зап.“ 1856 г. № 9; *его-же* „Южная Русь и козачество до возстанія Богдана Хмельницкаго“ Отеч. Зап.“ 1870 г. № 1 и 2, *его-же* „Богданъ Хмельницкій“ т. I. „Историч. монограф.“ т. IX, X, XI. А. Я. Ефименко. „Изъ исторіи борьбы малорусскаго народа съ поляками“ „Слово“ 1879 г. № 9 и 11.

Мы не будемъ, конечно, останавливаться на частностяхъ козацкихъ движеній. Для нашей цѣли важно отмѣтить только національный характеръ ихъ, а затѣмъ то обстоятельство, что движеніе строилось въ концѣ концовъ на экономической подкладкѣ и исходило изъ тѣхъ слоевъ народа, которымъ не было мѣста въ аристократическомъ государственномъ строѣ Рѣчи-Посполитой. Последняя, какъ извѣстно, отвергла всякіе компромиссы, и малорусскій народъ соединился съ Россіей. Вотъ тутъ-то, при организаціи малорусскаго общественнаго строя, на первыхъ порахъ, при новыхъ условіяхъ, и оказали могущественное вліяніе характеръ, направленіе и результаты борьбы малорусскаго народа съ поляками. Съ этой то цѣлью мы и позволили себѣ коснуться ихъ, хотя бы только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Изъ всего вышесказаннаго, думается намъ, будетъ понятно, почему польскій общественный строй не могъ лечь въ основу вновь нарождавшагося малорусскаго общества. Последнее составляли, главнымъ образомъ, представители того класса, которому не было мѣста въ государственномъ строѣ Рѣчи-Посполитой—крѣпостные, или же козаки, права которыхъ юридически никогда не были строго опредѣлены, а если и опредѣлялись, то это происходило въ исключительныхъ условіяхъ и имѣло силу до тѣхъ поръ, пока, въ сущности, существовали эти исключительныя условія, представлявшія опасность Рѣчи-Посполитой, въ видѣ ли нашествія татаръ, возстанія козаковъ или побѣдъ послѣднихъ надъ войсками польскаго королевства ¹⁾. Малорусскій народъ всегда привыкъ чувствовать въ польскомъ строѣ своего врага, сдавливавшаго его личность съ цѣлью ополченія, лишавшаго его не только политическихъ, но простыхъ гражданскихъ правъ, дѣлавшаго насилія надъ его совѣстью, принуждая принять то религіозное исповѣданіе, которое являлось измѣною отцовской вѣрѣ. Малорусскій народъ, отстаивая свою самобытность и стремясь къ улучшенію своего положенія,

¹⁾ В. В. Антоновичъ. Предисловіе къ III ч. I т Арх. Юго-Зап. Россія Н. И. Костомаровъ „Южная Русь и козачество до возстанія Богдана Хмельницкаго“ „Отеч. Зап.“ 1870 г. № 1 а 2.

боролся противъ всѣхъ тѣхъ условій, которыя создавалъ польскій строй, а потому, естественно, къ нему онъ относился враждебно и не могъ взять его за фундаментъ для основанія новыхъ своихъ общественныхъ отношеній. Послѣднія должны были строиться на демократическомъ принципѣ,—въ теоріи, по крайней мѣрѣ, такъ какъ на практикѣ, какъ увидимъ ниже, было много отступленій отъ этого принципа. Демократическій же принципъ вытекалъ изъ того фактическаго положенія дѣлъ, что переворотъ въ малорусской жизни былъ произведенъ силою народныхъ массъ, примкнувшихъ къ демократическо-военной организаціи козачества,—и разъ онъ влялся въ основу новаго строя, онъ, естественно, исключалъ возможность какого-нибудь компромисса съ аристократическимъ строемъ Польши, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разрушалъ всѣ тѣ отношенія и всѣ тѣ учрежденія, которыя такъ или иначе были связаны съ послѣднимъ. Вотъ почему жило въ малорусскомъ обществѣ представленіе о томъ, что и гражданскія сдѣлки, крѣпости, заключенныя при польскомъ правительствѣ „козацкою саблею скасованы ¹⁾“. На практикѣ, повторяемъ, много было отступленій отъ этого, много сохранилось въ жизни остатковъ и вліяній стараго строя, такъ какъ нельзя же сразу уничтожить всего, что выработано исторіей—но это нисколько не мѣшаетъ намъ признать, что въ основу малорусскаго строя теоретически былъ положенъ принципъ, совершенно исключавшій аристократическое начало, лежавшее въ основѣ Рѣчи-Посполитой.

Принципъ этотъ, впрочемъ, не былъ новъ для малорусскаго народа. Онъ осуществлялся въ тѣхъ вольныхъ козацкихъ общинахъ, носившихъ военный характеръ, которыя мы встрѣчаемъ въ польскихъ пограничныхъ областяхъ и на порогахъ Днѣпра ²⁾. Общины эти, несомнѣнно, вліяли и на первоначаль-

¹⁾ *А. М. Лазаревскій* „Малороссійскіе нсполитые крестьяне. Черн. 1866 г. стр. 5.

²⁾ *В. Б. Антоновичъ*. Исслѣдованіе о козацествѣ по актамъ 1500—1648 г. (предасловіе въ III ч. I т. Арх. Юго-Зап. Россіи) *И. М. Каманинъ*. Къ вопросу о козацествѣ до Богдана Хмельницкаго. Кіевъ. 1894 г. (Изъ 8-й книги „Чтеній“ въ Общ. лѣтн. Нестора).

ную организацію малорусскаго строя, послѣ того какъ Богданъ Хмельницкій соединился съ Россіей. Такое вліяніе становится вполне понятнымъ, если принять во вниманіе, что козачество составляло тотъ центръ, вокругъ котораго группировались недовольные элементы Рѣчи Посполитой, во время своей борьбы съ послѣднею. Козачество затѣмъ было единственной организованной силой въ этой борьбѣ. Понятно, поэтому, что какъ скоро борьба была кончена и приходилось перейти къ мирной гражданской жизни, польскій строй былъ отвергнутъ, какъ негодный,—единственной организаціей, за которую могъ ухватиться, на которую могъ опереться малорусскій народъ, было козачество. И козацкая организація, дѣйствительно, легла въ основу малорусскаго строя. Мы видимъ, во первыхъ, особую группу общества, предназначенную нести военную службу—козаковъ. Они являютъ изъ себя типъ воина-пахаря, какими козаки являлись и въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой. Управление, начиная съ гетмана и кончая атаманомъ, носитъ характеръ военный, функціи военныя и гражданскія смѣшаны, какъ въ администраціи, такъ и въ судѣ и т. д. Конечно, что легко примѣнялось въ небольшомъ размѣрѣ, при однородномъ составѣ и характерѣ населенія и, такимъ образомъ, удовлетворяло потребности, то становилось недостаточнымъ, какъ скоро дѣло переносилось въ болѣе широкую сферу и затрогивалось множество самыхъ разнообразнѣйшихъ отношеній. Количество козаковъ, напримѣръ, было опредѣлено „пунктами“, заключенными между Богданомъ Хмельницкимъ и царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ; но населеніе Малороссіи превышало это количество и постоянно увеличивалось бѣглецами и переселенцами изъ Польши—являлся вопросъ, конечно, въ какое отношеніе становились они къ малорусскому обществу и затѣмъ къ козацкому строю? Отвѣта на это нельзя было найти въ той организаціи, которая сдѣлалась прототипомъ для Малороссіи. Создавалась, такимъ образомъ, особая группа, не предусмотрѣнная этой организаціей—посполство. Сначала она выдѣляется въ малорусскомъ общественномъ строѣ довольно неопредѣленно, а затѣмъ получаетъ къ концу XVII в. уже большую

опредѣленность¹⁾. Козацкая организація не совмѣщала въ себѣ и городского самоуправления, которое она нашла въ нѣкоторыхъ городахъ Малороссіи, пожелавшихъ сохранить ее и при новыхъ порядкахъ. Опять являлся вопросъ, какое положеніе должны занять города въ новомъ малороссійскомъ общественномъ строѣ? Жизнь выдвигала новыя формы въ области государственнаго, гражданскаго и др. права,—требовалось и для нихъ найти и опредѣлить извѣстныя нормы. Словомъ, тотъ строй, который легъ въ основу малорусскаго общества былъ слишкомъ узокъ; требовалось расширение его въ разныя стороны. Здѣсь, между прочимъ, и былъ одинъ изъ камней преткновенія въ развитіи малорусскаго общественнаго строя.

Дѣло-то въ томъ, что для того, чтобы регулировать извѣстныя общественныя отношенія и создать для нихъ ту или другую юридическую норму, требуется извѣстное критическое отношеніе къ тѣмъ явленіямъ, которыя выдвигаетъ жизнь, требуется опредѣлить ихъ значеніе, ихъ сходство или различіе съ другими подобнаго рода явленіями. Трудность нормировать отношенія увеличивается, понятное дѣло, по мѣрѣ ихъ дифференціаціи, по мѣрѣ развитія, усложненія общества. То, что легко подчинялось извѣстной нормѣ, вытекающей изъ нравственныхъ принциповъ или изъ требованій общественной пользы, когда общество было невелико, когда отношенія не такъ переплетались,—дѣлается трудно нормируемымъ, когда, по мѣрѣ увеличенія общества, расширяются и усложняются общественныя отношенія. Семья, родъ знали общность имуществъ; но когда родъ сталъ распадаться и переходить мало-по-малу въ государство, когда общіе интересы родичей встрѣтились съ частными интересами личностей, входившихъ или соприкасавшихся съ родомъ, нормы, регулировавшія прежнія имущественныя отношенія рода, должны были измѣниться кореннымъ образомъ. Количество этихъ отношеній увеличилось, должно было увеличиться и количество нормъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась и трудность разграничить

¹⁾ А. Лазаревскій Малороссійскіе поселянныя крестьяне стр. 6 и слѣд. В. А. Мякотинъ Приврѣщеніе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII столѣтіи въ Рус. Богат. 1894 г. № 2 стр. 36.

ихъ одну отъ другой, каждой дать свое опредѣленное мѣсто, выработать болѣе или менѣе стройный порядокъ, въ которомъ бы соединялись, которому бы подчинялись всѣ отношенія въ данномъ обществѣ.

Малорусское общество возникло, говорили мы, не на первыхъ порахъ человѣческаго развитія, а тогда, когда каждый членъ его имѣлъ уже свою многовѣковую исторію. Малорусскій народъ долгое время жилъ среди организованнаго польскаго общества, заимствовалъ отъ него или выработалъ самостоятельно цѣлый рядъ общественныхъ отношеній. Въ области гражданскаго права мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у него вполне развитое понятіе полной личной собственности, съ правомъ пользоваться и распорядиться по своему усмотрѣнію; на ряду съ этимъ существуетъ право общиннаго и общаго владѣнія землей¹⁾ Малорусское наследственное право носить также слѣды долгаго историческаго процесса и разныхъ вліяній и является довольно сложнымъ и запутаннымъ, благодаря тому, что нормы писаннаго права, проникшія въ малорусскую жизнь, нерѣдко входили въ компромиссъ съ нормами права обычнаго, какъ, напримѣръ, при наследованіи дочерей въ имущество родителей, когда зять садился на ихъ усадьбу и пр. Мы уже говорили о сложныхъ отношеніяхъ въ малорусскомъ обществѣ, выдвигавшихъ многіе трудные и запутанные вопросы въ области государственнаго права, для которыхъ не находилось готовыхъ нормъ во вновь возникавшемъ обществѣ, но которые такъ или иначе нужно было рѣшить, чтобы общество могло существовать и дальше развивать свой правовой порядокъ. А рѣшить ихъ возможно было только путемъ сознательной, критической работы надъ общественными отношеніями: малорусскій народъ отвергъ, вѣдь, теоретически всѣ главныя основанія польскаго строя и въ основу новаго, вновь

¹⁾ Названные труды *А. М. Лазаревскаго* и *В. А. Мякотима*. Также труды проф. *И. В. Луцицкаго* „Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украйнѣ“ въ „Огеч. Зап.“ 1882 г. № 11; Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи „Сѣверн. Вѣст. 1839 № 1—2; Займанщина и формы заимочнаго землевладѣнія въ Малороссіи“ Юрид. Вѣст. 1890 г. № 3. Проф. *Д. И. Багалъй* Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVII и XVIII вв. въ „Кіев. Стар.“ 1883 г. № 12.

возникающаго общества положилъ безсословность, общее равенство. Требовалось, поэтому, всё прежнія отношенія, возникшія при иныхъ условіяхъ (польскомъ строѣ), передѣлать и согласовать съ новымъ основаніемъ; ему же подчинить и всё новыя отношенія.

Посмотримъ же теперь, какія ресурсы были у вновь возникающаго малорусскаго общества, съ помощью которыхъ оно могло бы рѣшить свою трудную задачу?

Нечего и говорить о томъ, что все малороссійское общество неспособно было къ критической, сознательной работѣ, направленной къ урегулированію его отношеній. Здѣсь мы можемъ говорить о той только группѣ, которая, силою разныхъ обстоятельствъ, была выдвинута впереди малорусскаго общества и должна была сдѣлаться, по теоріи, его руководителемъ. Мы разумѣемъ, главнымъ образомъ, лицъ, державшихъ въ рукахъ просвѣщеніе народа и являвшихся дѣятелями малорусской литературы, посредствомъ которой они могли оказывать вліяніе на малорусское общество и содѣйствовать выработкѣ его правового порядка. Характеръ малорусскаго просвѣщенія и литературы въ XVII вѣкѣ проливаетъ намъ свѣтъ и на то обстоятельство, почему среди малорусскихъ политическихъ дѣятелей такъ мало самостоятельности, оригинальности и сознательности въ области политики; почему никто изъ нихъ не выступаетъ съ какими нибудь проектами, почему въ дѣятельности ихъ нѣтъ опредѣленной системы, а всё ихъ дѣйствія носятъ случайный, вполне зависящій отъ внѣшнихъ обстоятельствъ характеръ. Малорусскіе общественные дѣятели середины XVII вѣка были людьми безъ всякой политической подготовки, не умѣли ориентироваться въ жизненныхъ явленіяхъ, не смотря на то, что среди нихъ были люди широко образованные по тому времени, окончившіе кіевскую академію и пр. Много, конечно, можно указать причинъ всему этому, но, думается намъ, главнѣйшая изъ нихъ, на которую мы и обращаемъ свое исключительное вниманіе, заключалась въ характерѣ малорусскаго просвѣщенія и малорусской литературы, которая особымъ, спеціальнымъ образомъ воспитывала малорусскій умъ, односторонне направляя

его критическую мысль, приучая въ формализму и удерживая отъ пути широкихъ обобщеній¹⁾. Намъ думается, что здѣсь нужно искать объясненія того факта, что на всемъ протяженіи второй половины XVII вѣка мы встрѣчаемъ единственнаго, кажется, въ своемъ родѣ, политическаго дѣятеля, задумавшагося надъ организаціей малорусскаго строя. Это былъ Юрій Немиричъ, воспитанникъ протестантской Европы.

Малороссія долгое время входила въ составъ Польши и, естественно, что послѣдняя, какъ страна съ высшей культурой, оказывала на нее сильное вліяніе въ области жизни духовной. Польское вліяніе отразилось на языкѣ малороссовъ, куда оно внесло не мало полонизмовъ, на занятіяхъ жителей и ихъ бытъ, такъ какъ изъ Польши проникали, судя по терминамъ, разныя ремесла, принадлежности костюма, вооруженія, способы обработки полей и пр. Неизбѣжно было вліяніе Польши и въ области умственной дѣятельности малорусскаго народа, заимствовавшего отъ Польши какъ форму, въ которой выражалась эта дѣятельность, такъ характеръ ея и, въ значительной степени, самое содержаніе. Послѣднее, впрочемъ, опредѣлялось и тѣми внѣшними условіями, при которыхъ развивалась умственная и литературная дѣятельность малорусскаго народа.

То была борьба католичества съ православіемъ, на почвѣ чисто религіозной, которая возникла послѣ брестской уніи 1596 года.

¹⁾ О малорусской литературѣ XVI и XVII в. см. *И. Порфирьева*. Исторія русской словесности т. I; *Пекарскаго*. Представители Кіевской учености въ XVII в. „Отеч. Зав. 1862 г. кн. слѣд. *С. Голубевъ* Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники Кіевъ 1883 т. т. I. *И. Житецкій*. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. „Кіев. Стар.“ 1888 г. *Ф. А. Терновскій* Южно-русское проповѣдничество XVI и XVII в. „Руков. для сельск. наст.“ 1869 г. *Ф. Т-аго*. Характеристика южно-русской схоластической проповѣди въ связи съ проповѣдію западно-европейскою и польскою „Руков. для сельск. наст.“ 1875 г. № 7, 8 и 10. *Н. И. Петровъ*. О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи отъ начала ея до преобразованія въ 1819 г. Труды Кіев. Дух. Акад. 1866 г. ч. 2. Статьи проф. *Н. Ф. Сумцова* о малорусскихъ литературныхъ дѣятеляхъ XVI и XVII в. въ „Кіевской Старинѣ“ 1884 и 1885 г.; *его-же* Лазарь Барановичъ Хар. 1885 г. *Миронъ* Іоаннъ Вишенскій въ „Кіевск. Стар.“ 1889 г. № 4. *И. И. Житецкій*. Литературная дѣятельность Іоанна Вишенскаго „Кіев. Ст.“ 1890 № 6. *И. А. Шляпкинь*. Св. Димитрій Ростовскій и его время Спб. 1891 г. и др.

Въ рукахъ католичества было сильное оружіе въ видѣ схоластической науки, имѣвшей, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, одно громадное преимущество. Она, въ извѣстномъ, хотя и одностороннемъ смыслѣ, дисциплинировала умъ, пріучала, правда, къ формальному, но все же болѣе систематическому мышленію, вносила въ него извѣстный порядокъ. Въ этомъ смыслѣ, католичество всегда могло имѣть перевѣсъ надъ своимъ противникомъ—православіемъ, какъ скоро онъ являлся не съ равнымъ оружіемъ. Такимъ образомъ необходимость данной минуты заставляла малороссовъ обращаться къ схоластической наукѣ. Это было неизбѣжно и по другимъ причинамъ, которыя существовали уже раньше причинъ религіозныхъ и обусловили то явленіе, что, при самомъ возникновеніи религіозной борьбы, мы встрѣчаемъ среди малороссовъ людей, воспитанныхъ на схоластикѣ. Уже самый фактъ пробужденія среди малороссовъ стремленія къ знанію не могъ бы имѣть мѣста безъ польскаго вліянія. Это подтверждается какъ содержаніемъ болѣе раннихъ произведеній малорусской литературы, такъ и тѣмъ соображеніемъ, что духовную жизнь Малороссіи никакъ нельзя обособить отъ духовной жизни Польши съ той поры, какъ она соединилась съ послѣднею, вошла съ нею въ близкія отношенія на почвѣ политической. При такихъ условіяхъ, Малороссія не могла создать вполне самобытной культуры. Она, естественно, какъ ужъ было замѣчено, подчинилась культурѣ болѣе высокой, польской; отъ нея она воспринимала и тѣ формы, въ которыя эта культура выливалась. Немудрено, поэтому, что на малорусскомъ мышленіи отразилось схоластическое вліяніе, господствовавшее въ Польшѣ. Здѣсь, конечно, играло роль, между прочимъ, и то психологическое явленіе, имѣющее мѣсто какъ у отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ націй, по которому умъ, дисциплинированный хотя бы только формально, подчиняетъ себѣ умъ менѣе дисциплинированный и не привыкшій систематически мыслить. Малороссы, такимъ образомъ, были какъ-бы органически связаны со схоластической наукой, и послѣдняя, при такихъ обстоятельствахъ, налагала опредѣленный отпечатокъ на малорусское мышленіе, предохраняя его отъ разносторонности, а

вмѣстѣ съ тѣмъ и лишая его, въ значительной мѣрѣ, творческаго элемента.

Схоластика, какъ извѣстно, возникла на католическо-религіозной почвѣ. Характерною особенностью ея являлось то обстоятельство, что она ставила извѣстныя границы человѣческой критикѣ, выставляя цѣлый рядъ положеній, которыя считались за аксіомы и которыхъ критика не должна была касаться. Въ области религіозной это, пожалуй, было и необходимою, но въ области свѣтской науки такая характерная особенность схоластики ставила серьезные преграды правильному развитію человѣческаго мышленія. Она, поневолѣ, дѣлала это мышленіе поверхностнымъ, критику неглубокой. Принимая цѣлый рядъ положеній за основныя, не подлежащія критикѣ, схоластическая система сводилась, въ сущности, къ тому, чтобы факты притянуть къ этимъ положеніямъ, какъ къ выводамъ, а отсюда вырабатывался извѣстный формализмъ мышленія и затѣмъ его конкретность. Формализмъ этотъ заключался въ томъ, чтобы путемъ извѣстныхъ приемовъ установить логическую связь между явленіями, въ дѣйствительности, можетъ быть, этой связи и неимѣющими. Такъ какъ основной критики примѣнить нельзя было, то все сводилось, конечно, къ приемамъ, къ формѣ, и, такимъ образомъ, наука теряла свой научный характеръ, заключающійся въ критической провѣркѣ фактовъ и ихъ обобщеніяхъ, и обращалась въ какую-то въ сущности методологію. Это же вело и къ конкретности мышленія, которая характеризуется постояннымъ тяготѣніемъ къ отдѣльнымъ фактамъ, явленіямъ, къ частностямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ полною неспособностью подняться до высоты какихъ-нибудь принциповъ или отвлеченныхъ понятій, выработанныхъ критической работой ума...

Для религіи, повторяемъ, все это, можетъ быть, было и удобно, но зато все это имѣло неблагоприятныя послѣдствія, какъ скоро переносилось въ обыкновенную свѣтскую жизнь, гдѣ требовалось и требуется самое широкое примѣненіе критики. Послѣдствія эти лучше всего сказались на судьбѣ Малороссіи и на роли, которую играла здѣсь малорусская интеллигенція.

Борьба съ унией вызвала въ Малороссіи усиленное стремленіе къ основанію школъ въ первой половинѣ XVII вѣка. Была основана и кievская духовная академія, въ которой воспитывались не одни только лица духовныя, но и свѣтскія, такъ что академія, поистинѣ, служила рассадникомъ просвѣщенія на югѣ Россіи, подготавливая дѣятелей на разныхъ поприщахъ общественной жизни. Этимъ и объясняется ея значеніе въ исторіи умственной жизни малорусскаго народа. Малорусскія школы основывались подѣ влияніемъ Польши и съ опредѣленною цѣлью. Немудрено, что схоластическая наука стала въ нихъ исключительно преобладающей, а вмѣстѣ съ этимъ оказала она сильное влияніе и на характеръ умственной жизни Малороссіи. Пока шло дѣло на почвѣ религіи, схоластическая наука и литература вполнѣ удовлетворяли своей цѣли служить малорусскому народу. Посредствомъ нихъ боролись съ Польшей, съ иезуитами. Съ религіозной борьбой, говорили мы, связана была борьба національно-политическая, а затѣмъ и экономическая. Это были факты, которыхъ не могла совсѣмъ обойти малорусская литература, и она мимоходомъ, говоря о вопросахъ религіозныхъ, затрогиваетъ вопросы національные, экономическое положеніе крестьянъ и пр., но затрогиваетъ ихъ безъ критики, а исключительно потому, что они, въ сущности, сливались съ вопросами религіозными. Впрочемъ, немногіе только писатели, въ родѣ Іоанна Вишенскаго, касались этихъ вопросовъ. Въ общемъ, малорусская наука и литература XVII в. лишены общественныхъ мотивовъ. Они или ведутся на почвѣ исключительно религіозной, или затрогиваютъ темы для жизни, въ сущности, безразличныя, причѣмъ обращаютъ главное вниманіе на форму выраженія мыслей. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ проф. Н. Ф. Сумцова, который говоритъ, что „характеристическая особенность науки и литературы конца XVI и начала XVII ст. состоитъ въ ихъ тѣсной связи съ народной жизнью, въ томъ что они исходятъ изъ народной жизни, питаются ею, почерпаютъ въ ней свои главныя силы, выражаютъ преимущественно интересы народа, во всей его вѣроисповѣдной цѣльно-

сти и въ совокупности всѣхъ его сословіи¹⁾“. Эти мысли кажутся намъ лишенными реального содержанія. Конечно, каждый писатель находится въ зависимости отъ той среды и того народа, среди котораго онъ живетъ. Малорусскіе писатели, дѣйствительно, защищали интересы народа, когда отстаивали независимость православной вѣры, но это врядъ-ли даетъ намъ право говорить о тѣсной связи малорусской литературы съ народной жизнью. Говоря о такой связи, историки литературы погрѣшаютъ часто, забывая, на примѣръ, что если проповѣдникъ говоритъ о какомъ-нибудь явленіи народной жизни и осуждаетъ его, то здѣсь связь литературы съ жизнью только внѣшняя—совпаденіе темъ. Нужно указать, на сколько малорусская литература понимала народную жизнь, критически относилась къ ней, къ чему стремилась литература въ области народной жизни и оказывала ли она какое-нибудь вліяніе на послѣднюю?..

Думаю, если поставить эти вопросы, придется отвѣтить на нихъ отрицательно. Характерную особенность малорусскаго мышленія XVII вѣка, въ большинствѣ случаевъ, составляетъ отсутствіе критическаго элемента или слишкомъ поверхностная критика, обусловленная схоластической школой. Критика эта ограничивается только областью фактовъ. Творческой мысли съ цѣлью свести эти факты, объединить ихъ, мы не замѣчаемъ. Малорусская литература обнаруживаетъ неспособность дѣлать общіе выводы и затѣмъ наклонность возводить отдѣльные факты на степень общихъ выводовъ. Отсюда вытекаетъ полнѣйшее подчиненіе факту, дѣйствительности и неспособность жить какою-нибудь отдаленною цѣлью, ставить себѣ общественный идеалъ и стремиться къ его осуществленію. Это, конечно, имѣло роковое вліяніе и на малорусскую жизнь. Когда съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи, потребовалась дѣятельность интеллигенціи, чтобы регулировать общественныя отношенія, создать какія-нибудь нормы политической и гражданской жизни, т. е. другими словами поставить себѣ извѣстный общественный идеалъ, малорусская интеллигенція, оказалась, въ полномъ смы-

¹⁾ См. „Кіевск. Старина“ 1885 г., январь, стр. 7.

слѣ слова, неспособной. Она не могла ориентироваться въ общественныхъ отношеніяхъ, не могла критически отнестись къ фактамъ дѣйствительности, поставить себѣ цѣль, стремиться къ ней и направлять туда же теченіе народной жизни. Интеллигенція, напротивъ, сама подчинилась фактамъ дѣйствительности, не могла взять въ свои руки народной жизни, придти на помощь ей своими знаніями, развитіемъ, критикой и пр.

Интересны въ этомъ отношеніи типы малорусскихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей въ родѣ, напримѣръ, Лазаря Барановича, который принималъ, повидимому, такое живое, горячее участіе въ политической жизни народа. Чѣмъ отличается его дѣятельность отъ дѣятельности другихъ болѣе мелкихъ лицъ малорусскаго общества, отъ дѣятельности, наконецъ, толпы? Въ общемъ—ничѣмъ. Въ Лазарѣ Барановичѣ мы замѣчаемъ тоже слѣдованіе за обстоятельствами, какъ и у другихъ, ту же неспособность овладѣть этими обстоятельствами или даже хотя-бы стремиться къ этому. Въ области общественной жизни у него нѣтъ, не говоря уже о программѣ его дѣйствій, нѣтъ даже опредѣленной общественной цѣли. Какъ и у другихъ его современниковъ, у Лазаря Барановича общественные мотивы совсѣмъ затемняются мотивами личными, эгоистическими, которые налагаютъ опредѣленную печать на всю его дѣятельность. Отсутствіе общественнаго сознанія отражается и на литературной дѣятельности Л. Барановича. Она стоитъ также далеко отъ жизни общественной. Авторъ даже, повидимому, далекъ отъ мысли, что литература должна служить интересамъ народа, а потому и не пользуется ею, какъ орудіемъ для проведенія въ общество своихъ взглядовъ¹⁾. Это есть, конечно, результатъ того умственного и научнаго движенія, рассадникомъ котораго былъ „вѣво-могилянскій коллегіумъ, построенный по образцу высшихъ іезуитскихъ училищъ, на преобладаніи внѣшней показной стороны обученія, на подавленіи духовной пытливости и скептицизма началами строгой школьной дисциплины и тяже-

¹⁾ Проф. Н. Ф. Сумцовъ „Лазарь Барановичъ“. Хар. 1885.

стью церковныхъ авторитетовъ, на развитіи формальной стороны науки ¹⁾“.

При такихъ обстоятельствахъ, малорусская интеллигенція была совсѣмъ неспособной взяться за то дѣло, которое фактически выпадало на ея долю. Она была не подготовлена къ нему. Благодаря этому, организація малорусскаго общественнаго строя, въ значительной степени, была лишена сознательности. Среди малорусскихъ общественныхъ дѣятелей находились люди начитанные, по своему времени, очень образованные, но совсѣмъ не способные критически взглянуть на общественныя условія, сознательно отнестись къ нимъ, ихъ регулировать. Немудрено, поэтому, что малорусскій общественный строй на первыхъ же порахъ своего возникновенія принялъ чисто стихійное направленіе, т. е. вполнѣ подчинился вліянію разныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій. Изъ этихъ первенствующую роль играли могущественныя экономическіе факторы, стоявшіе въ тѣсной связи съ политическими. Ихъ характеръ и развитіе въ XVII вѣкѣ опредѣлили характеръ малорусскаго общественнаго строя. На экономической почвѣ борьбы интересовъ отдѣльныхъ группъ малорусскаго общества создавался малорусскій общественный строй, на ней онъ развивался, на ней онъ и погибъ, какъ увидимъ ниже. Политическія условія, въ свою очередь, только благоприятствовали этому процессу.

Николай Василенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Проф. Н. Ф. Сумцовъ „Характеристика южно-русской литературы XVII в.“ „Кіев. Стар.“. 1885 г. Январь стр. 12.

Къ исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній.

Полная и систематическая исторія южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній, ихъ происхожденія и ихъ вліанія на южно-русскую словесность, устную и книжную, невозможна до тѣхъ поръ, пока не будетъ по возможности исчерпанъ и опубликованъ весь апокрифическій матеріалъ, вращающійся въ средѣ южно-русскаго населенія, какъ въ формѣ писанныхъ сказаній, такъ и въ видѣ устныхъ пересказовъ, и пока не будетъ въ этомъ направленіи разработана вся южно-русская литература, особенно древняя, до Котляревскаго, подвергавшаяся очень сильному вліанію апокрифической литературы византійско-болгарской и западно-европейской. Почтенный трудъ Н. Ѳ. Сумцова «Очерки исторія южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ» представляетъ первую попытку систематическаго изложенія преимущественно одной части нашего сюжета—отраженій книжной апокрифической литературы въ устной словесности южно-русскаго народа. Что касается самыхъ книжныхъ текстовъ апокрифическихъ сказаній, то авторъ въ большинствѣ случаевъ ограничивается указаніемъ ихъ въ извѣстныхъ сборникахъ Тихонравова, Порфирьева, Шпына, въ которыхъ, какъ извѣстно, помѣщены (особенно у Тихонравова) также памятники болгарскіе и сербскіе и въ которыхъ хотя и обозначено, изъ какой рукописи взята статья, но совсѣмъ нѣтъ детальнаго описанія этихъ рукописей и ихъ происхожденія, такъ что о составѣ извѣстныхъ книжныхъ апокрифическихъ сказаній южно-русскихъ работа Г. Сумцова не даетъ никакого опредѣленнаго понятія. Г. Сумцовъ указываетъ также на апокрифическую подробность у Вишенскаго, но во первыхъ у этого самаго писателя можно такихъ подробностей отыскать еще нѣсколько, а во вторыхъ, ихъ еще болѣе въ сочиненіяхъ Галатовскаго (который въ своемъ «Ключѣ разумѣнія» ссылается даже на какое-то неизвѣстное апокрифическое. «Елисаветино откровеніе»),

Транквиліона Ставровецкаго (его «Перло многоцѣнное» представляетъ въ этомъ отношеніи богатый и до сихъ не эксплуатированный кладъ) и другихъ писателей XVII—XVIII столѣтій, кончая такимъ характернымъ и въ культурномъ отношеніи очень важнымъ явленіемъ, какъ почаевскій «Богогласникъ» (изданія 1790, 1795, 1800, 1805, 1806, 1825), котораго апокрифическія подробности указаны, но далеко не исчерпаны г. Мировичемъ въ его «Историческомъ и литературно-библіографическомъ изслѣдованіи о Богогласникѣ» (Кіевъ, 1874 г.),

Я не буду останавливаться на томъ, какое важное значеніе имѣетъ изданіе возможно полного состава книжныхъ апокрифическихъ сказаній, возвращающихся въ Южной Руси. Только тогда возможно будетъ точно опредѣлить степень ихъ вліянія на прочую словесность книжную и устную. Не имѣя подъ рукой текстовъ этихъ сказаній, изслѣдователь всегда долженъ будетъ только приблизительно и гадательно опредѣлять, имѣетъ ли онъ въ данномъ случаѣ дѣло съ прямымъ заимствованіемъ, или съ какой-нибудь передачей изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, или, наконецъ, съ созданіемъ свободной фантазіи автора.

Также лишнимъ кажется мнѣ доказывать необходимость точнаго и подробнаго описанія рукописей, изъ которыхъ издатель заимствуетъ данный апокрифическій текстъ, съ присовокупленіемъ встрѣчающихся на поляхъ записокъ объ имени переписчика, обладателя, мѣстности, о времени писанія, о подлинникѣ, съ котораго снятъ списокъ и т. п. Все это можетъ насъ ввести въ кругъ литературныхъ вкусовъ, религіозныхъ вѣрованій, социальныхъ и политическихъ симпатій и антипатій той среды, въ которой вращалось данное сказаніе, можетъ указать намъ слѣды извѣстной струи, шедшей къ намъ изъ за границы, можетъ послужить къ уловленію одной изъ тѣхъ тонкихъ, но безмѣрно важныхъ въ культурномъ отношеніи нитей умственного и религіознаго взаимодѣйствія народовъ, которое составляетъ одинъ изъ самыхъ выдающихся, но вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ предметовъ исторической науки.

Желая по возможности содѣйствовать разрѣшенію намѣченной мною задачи, я попытаюсь теперь составить списокъ извѣстныхъ до сихъ поръ въ печати или въ рукописяхъ южно-русскихъ апокрифическихъ статей, оставляя въ сторонѣ ихъ книжныя отраженія или устные, народныя переработки. Основаніемъ къ этому послужить мнѣ перечень апокрифическихъ книгъ и сказаній, обрѣтающійся въ ру-

кописномъ сборникѣ свящ. Яремецкаго, составляющемъ теперь мою собственность и написанномъ въ 1743—1752 годахъ частью въ буковинскомъ монастырѣ въ Путиѣ, частью въ окрестныхъ деревняхъ, гдѣ Яремецкій временно исправлялъ должность «душпаствыря». Этотъ перечень я сравниваю съ тѣмъ, который составилъ г. Тихонравовъ, перечисляя всѣ извѣстныя на Руси апокрифическія сочиненія (Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 1—10), и привожу при каждомъ № указанія на то, гдѣ напечатанъ или гдѣ есть въ рукописи южно-русскій текстъ даннаго сказанія. Миѣ кажется, что такой перечень, хотя бы онъ и былъ не полный, значительно облегчить трудъ дальнѣйшихъ собирателей матеріала и тѣхъ ученыхъ, которые, занимаясь его научной обработкой, принуждены разыскивать, и очень часто напрасно, матерьялъ, разбросанный по разнымъ не легко доступнымъ изданіямъ или содержащейся въ рукописяхъ, тоже разсѣянныхъ по лицу широкой русской земли. Въ своемъ рукописномъ сборникѣ свящ. Яремецкій пересчитываетъ сперва «книги преподобныхъ и богоносныхъ Отецъ нашихъ Пастирей, и учителей Вселенскихъ, Иже Суть Сія Книги». Далѣе упоминаетъ вскользь «О книгахъ Битейскихъ, Пророческихъ, Стараго Завѣта ихже приняла Святая Соборная церковь Апостольская ихже подобаетъ намъ Христіанамъ чести. Ихже всѣхъ есть ѿд. Отъ нихже Параменіи чтутся». Книги эти не поименованы. Далѣе упомянуто «О книгахъ Новаго Завѣта», послѣ чего слѣдуетъ статья: «Книги Инѣніе ихже христіаномъ Православнымъ (далѣе нѣсколько словъ, кажется румынскихъ, выскобленныхъ) суть же сіи:

1. *Составленіи мистіи Псалми еже есть сія: Грядите вси върніи. И другое Грядѣте. И Кресту твоему водрузишуся на земли.* У Тихонр. № 27, гдѣ прибавлено начало еще одного псалма «ангельски вопіемъ». Тексты этихъ псалмовъ, кажется, нигдѣ не напечатаны. Тихонравовъ указываетъ на рукописный Инд. Новг. б. № 1444 и № 1264, Тр. Серг. Лав. № 704, значить—рукописи сѣверно-русскія, въ которыхъ о нихъ упомянуто. Были ли они и въ Южной Руси, или же Яремецкій нашелъ упоминаніе объ нихъ въ какомъ-нибудь болѣе древнемъ индексѣ апокрифовъ, съ котораго снялъ себѣ копію—рѣшить не берусь.

2. *Патріарси.* У Тихонр. № 11. Завѣты патріарховъ. Наше заглавіе—болѣе обыкновенное и отвѣчаетъ греческому подлиннику. Статья напечатана у Тихонравова (Памятники, т. I, стр. 96—146) въ двухъ редакціяхъ по рукописямъ XIV—XV в. Въ «Памятникахъ

старинной русской литературы, изд. Гр. Кушелевымъ Безбородко, т. III есть только отрывокъ этого апокрифа (завѣтъ Рувимовъ и завѣтъ Симеоновъ, стр. 33—38) по рукописи XV в.

3. *Адамъ*. У Тихонр. № 1. Въ его Пам. отреч. р. лит. т. I напечатаны три сказанія объ Адамѣ, изъ коихъ первое и второе представляютъ варьянты одного сказанія. Имъ отвѣчаетъ въ Пам. стар. р. лит. т. III, стр. 4—7 «другой вариантъ» изъ шести сказаній, помѣщенныхъ въ томъ сборникѣ. У Порфирьева («Апокрифическія сказанія о ветхо-завѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библиотеки») помѣщено тоже шесть сказаній объ Адамѣ и Евѣ. «Житіе о Адамѣ и Евѣ», соответствующее помѣщенному у Тихонравова «Слову о Адамѣ, начало и до конца», есть въ Дрогобицкомъ сборникѣ въ моемъ владѣніи.

4. *Енохъ*. Какое собственно сочиненіе имѣлъ въ виду авторъ этого каталога, неизвѣстно. У Тихонравова оно есть подъ № 6; напечатаны же два отрывка (т. I, стр. 19—24), изъ коихъ одинъ озаглавленъ «отъ книгъ Еноха праведнаго, прежде потопа и нынѣ живъ есть». Тотъ же отрывокъ напечатанъ и въ «Памятн. стар. рус. лит.» т. III стр. 15—16, по рукописи XVII в., кажется, южно-русской. Нынѣ извѣстно, что въ Южной-Руси существовала еще въ XVII вѣкѣ большая апокрифическая «Книга Еноха», исчезнувшая въ Азіи и Европѣ и только въ нашемъ стол. вновь открытая въ Коптскомъ переводѣ, изъ котораго и была переведена на латинскій, послѣ же на другіе европейскіе языки, въ томъ числѣ и на русскій. Южно-русскій текстъ этого замѣчательнаго апокрифа по полтавскому рукописному сборнику 17 в. изданъ А. Н. Поновымъ въ «Чтеніяхъ Имп. общ. ист. и др.» и отдѣльно въ «Библиограф. матеріалахъ» II—VII, 81—139.

5. *Сифова молитва*. Вѣроятно тоже, что у Тихонравова № 13 «Молитва Іосифова». Текста этого апокрифа нѣтъ напечатаннаго въ доступныхъ мнѣ сборникахъ. Я не нашелъ его и въ извѣстныхъ мнѣ рукописяхъ.

6. *Адамовъ завѣтъ*. У Тихонр. № 2. Текста этого апокрифа тоже, кажется, нѣтъ напечатаннаго, и былъ ли онъ въ Южной Руси неизвѣстно.

7. *Моисеевъ завѣтъ*. У Тихонр. № 15. Кажется—не то, что напечатано у Тихонр. подъ заглавіемъ «Исходъ Моисеевъ» (т. I, стр. 233—253); другая редакція «Житія Моисея» напечатана въ «Пам. стар. р. лит. т. III, стр. 39—48; тамъ же присоединены еще небольшіе от-

рывки о переходѣ черезъ Черное море и о смерти Моисей. Небольшая статья «О Моисей како переведе жида» есть и въ рукописи Яремцакаго.

8. *Псалми Соломонови*. У Тихонр. № 18. Ни южно-русскій, ни вообще церковно-славянскій переводы этихъ псалмовъ, кажется, не сохранились, такъ какъ ихъ нѣтъ въ извѣстныхъ мнѣ сборникахъ.

9. *Пліино обавленіе*. У Тихонр. № 20. Текста нѣтъ въ извѣстныхъ мнѣ сборникахъ.

10. *Исаино виденіе*. У Тихонр. № 23. Сербскій изводъ этого апокрифа напечатанъ у Порфирьева ор. cit. стр. 73—81, русскій у Попова «Библиографическіе матеріалы т. I, стр. 13—20.

11. *Ияковля повесть*. У Тихонр. № 28. Статьи подъ этимъ заглавіемъ нѣтъ въ извѣстныхъ мнѣ сборникахъ апокрифовъ.

12. *Петрово обавленіе*. У Тихонр. № 33. Текста нѣтъ въ печатныхъ сборникахъ.

13. *Обходи Апостолстїи*. Тихонр. № 38. Текстъ по рукописи XVII в. напечатанъ у Тихонр. Памятнику II, стр. 5—10.

14. *Варнавино посланіе*. Тихонр. № 32. Нѣтъ въ извѣстныхъ мнѣ сборникахъ, ни печатныхъ, ни рукописныхъ.

15. *Павла Апостола дѣяніе ложное*. Тихонр. № 35. Нѣтъ въ сборникахъ.

16. *Павлово обавленіе*. Тихонр. № 34. Текстъ въ двухъ редакціяхъ напечатанъ въ Пам. стар. р. лит. т. III, стр. 129—133.

17. *Евангеліе отъ Варнави*. Тихонр. № 29. Текста нѣтъ въ сборникахъ.

18. *Евангеліе отъ Томи*. Тихонр. № 30. Текста нѣтъ.

19. *Паралипомена, что (?) слави Вавиланъ ко Іеремью*. Тихонр. № 24. Текстъ напечатанъ у Тихонр. Пам. I, 273—297 въ двухъ редакціяхъ. Сочиненіе совсѣмъ различное отъ напечатаннаго въ Пам. стар. р. лит. III, стр. 72—73 слова о пророкѣ Іереміи. «Плачь Іереміи пророка», составленный по извѣстной библейской книгѣ безъ апокрифическихъ подробностей, есть въ сборникѣ Яремцакаго.

«Сутьже—пишется далѣе въ статьи Яремцакаго—і ина многа сложена, Еже есть сія:

20. *Вопроси Іоанна Бояслова, еже рече: Слиши праведній Іоане* Тихонр. № 59. У Тихонр. Памятн. т. II, 174—193 напечатаны два варьянта этого апокрифа по рукописямъ Моск. Синодальной библиотеки XV и XVIII в. Въ одномъ рукописномъ сборникѣ, полученномъ мною отъ крестьянина Гудейчука изъ с. Испаса на Буковинѣ и со-

ставленномъ ок. 1720 года, есть полный списокъ этого апокрифа, озаглавленный «Слово святаго Іоанна Богослова о вознесеніи Господа нашего Іисуса Христа», сходный съ второй редакціей, напечатанной у Тихонравова. Позволю себѣ здѣсь по этому списку пополнить недостающія въ списокѣ Тихонравова и обозначенныя точками слова (т. II, стр. 190) въ самомъ характерномъ мѣстѣ апокрифа: «И пакн рѣхъ ¹⁾»: Господи, всѣ (ли) христіане во едину муку пойдуть—патріархи, Царіе и Князи, убогіе и богатіе? И слышахъ Гласъ глаголющій: Слыши Праведніи Іоанне, Пророкъ Давидъ рече: терпѣніе убогихъ не погибнетъ до конца. А патріархи грѣшніи и епископи, царіе и князи погнанни будутъ во тму кромѣшнюю якъ свотъ и вси восплачутся яко младенци: и раздѣлятся грѣшніи ови во огненную рѣку, ови оу червь неусыпающіи, ови во муку розну, и тако раздѣлятся грѣшніи».

21. *Того же вопросы ко Аврааму о праведныхъ душахъ.* Тихонр. № 60. Текстъ напечатанъ у Тихонравова II, 194—196, Пам. стар. рус. лит. III, 113—116.

22. *Варфоломьевеи вопросы ко Богородици како Христа родила.* Тихонр. № 46, текстъ Тихонр. II, 18—22.

23. *Епистолия о недѣляхъ.* Тихонр. № 64. Текстъ Тихонр. II, 311—322; Пам. стар. рус. лит. III, 150—153 (три варьянта); Дрогобицкій сборникъ (фрагментъ); сборникъ Яремецкаго «Слово о св. Недели, сіе есть Епистолия, приказаніе Господне слова положеніе». Это одинъ изъ самыхъ распространенныхъ въ Южной Руси апокрифовъ; списки его можно найти почти въ каждомъ селѣ. Въ новѣйшее время коломыйскій типографщикъ М. Билоусъ выпустилъ нѣсколько лубочныхъ изданій этого апокрифа и. з. «Листъ небесный» и продавалъ его въ три дорога преимущественно неграмотнымъ крестьянамъ, которые носятъ его на груди, какъ амулетъ.

24. *И о древь крестномъ.* У Тихонр. № 4 и 5. Текстъ у Тихонр. два варьянта, т. I, стр. 305—308; Порфирьевъ три варьянта; Пам. рус. лит. т. III, стр. 81—85 три варьянта; въ рукоп. сборникѣ Яремецкаго имѣются слѣдующіе варьянты: а) Слово святаго Григорія Богослова о крестѣ честномъ, о Адамѣ и за два разбойники и прочая; б) Оуказъ о другомъ древѣ крестномъ на немже распяся праведный разбойникъ; в) Оуказъ о третьемъ древѣ крестномъ, на немже распяся невѣрный разбойникъ; г) Оуказъ како собравшимся честнымъ дре-

¹⁾ Знаки препинанія ставлю согласно современнымъ требованіямъ.

вамъ въ Іерусалимъ; д) Слово о честномъ Крестѣ Господа нашего Іисуса Христа; фрагменты сказанія о крестномъ древѣ есть и въ Дрогобицкомъ сборникѣ.

22. *Хожденіе Петрово по вознесеніи Господнемъ.* Въ индексѣ Тихонравова нѣтъ апокрифической статьи подъ такимъ названіемъ, такъ какъ имѣющееся подъ № 33 «Петрово обавленіе», повидимому, совсѣмъ отдѣльная статья. Быть можетъ, это были апокрифическія дѣянія св. Петра, содержаніе которыхъ вошло въ извѣстныя жизнеописанія св. Петра, печатающіяся въ Четвѣхъ-Минейхъ и прологахъ и получившія нѣкоторымъ образомъ каноническое значеніе.

26. *Что отрочатемъ Христа продавали, и что риби по сузѣ ходили.* И этого сказанія, которое составляло, вѣроятно, эпизодъ какого-нибудь утеряннаго евангелія дѣтства Христова, нѣтъ въ индексѣ Тихонравова.

27. *Дѣтство Христово.* У Тихонр. № 37. Текста этого апокрифа нѣтъ въ печатныхъ сборникахъ, вотъ почему я и прилагаю при концѣ этой статьи имѣющееся у меня въ рукописномъ сборникѣ Испасскомъ «Слово человеческое о младенствѣ Іисусъ Христовъ царскомъ» съ присовокупленіемъ варьянтовъ по списку Яремецкаго статьи изъ «Слово о Господѣ нашемъ Іисусъ Христвъ како шряся съ дѣтьми жидовскими сотвориъ 12 птицъ».

28. *Богородицино Хожденіе по мукахъ.* У Тихонр. № 47. Текстъ въ двухъ варьянтахъ у Тихонр. II, 23—39; Нам. стар. русс. лит. III, 118—124; замѣчательный фрагментъ (безъ начала) на 20 страницахъ въ рукоп. сборникѣ Яремецкаго.

29. *Лобъ Адамовъ, что дванадцать служебъ внемъ, и седмъ царей поднимъ сидѣло.* У Тихонр. № 3. Текстъ этого сказанія неизвѣстенъ; то, что напечатано въ Нам. стар. р. лит. III, 14, есть только отрывокъ изъ статьи совсѣмъ другого содержанія. Прилагаю здѣсь краткое «Слово о главѣ Адамовъ, како въ корени лежала», имѣющееся въ сборникѣ Яремецкаго.

30. *Имена Ангеломъ.* Тихонр. № 66. Текстъ въ двухъ редакціяхъ у Тихонр. II, 345—346.

31. *Првнїе Дїаволе со Христомъ.* Тихонр. № 58. Текстъ въ двухъ редакціяхъ у Тихонр. II, 282—288; въ рукописномъ сборникѣ Яремецкаго имѣется интересное «Слово о побѣдѣ дїавола, како бесѣдоваху Іисусъ Христовъ съ дїаволомъ на горѣ».

32. *О службѣ таинъ Христовыхъ, что поздять обьдню и врата небесная затворяются и ангели пона кленуть.* У Тихонр. № 69. Текста нѣтъ въ сборникахъ.

33. *О пустелницѣ Макаріи жнись римстльмъ, что три черници нашли его за двадесять поприщъ отъ рая.* У Тихонр. № 49. Текстъ въ двухъ редакціяхъ у Тихонр. II, 59—77; Пам. стар. р. лит. III, 135—142 (двѣ редакціи).

34. *О китоврасть.* У Тихонр. № 26. Текстъ Тихонр. I, 254—258; Пам. стар. р. лит. III, 51.

35. *І о Соломоновихъ ложняхъ судьхъ.* У Тихонр. № 25. Текстъ Тихонр. I, 259—272; Пам. стар. р. лит. III, 55—57.

36. *О двундесятихъ Іяковлихъ млаолема лѣствица.* У Тихонр. это повидимому одно заглавіе разбито на №№ 9 и 10. Текстъ подъ загл. «Лѣствица» у Тихонр. I, 91—95; Пам. стар. р. лит. III, 27—32; Порфирьевъ «Лѣствица Іакова» 138—139.

37. *Давидови пѣсни.* У Тихонр. № 19. У Порфирьева стр. 237 есть статейка подъ загл. Псалмы Давидовы». Можетъ быть, авторъ индекса имѣлъ въ виду апокрифическое сказаніе о томъ, какъ Давидъ написалъ свой Псалтирь. Сказаніе это опубликовано мною въ журналѣ «Зоря» 1886 г. по Дрогобицкому списку; оно имѣется и въ сборникѣ Яремцакаго подъ загл. «Слово о цару Давиду, како списалъ Псалтирь есъхъ псалмъвъ (sic!) тѣѣ (365).

38. *Софоніе обавленіе.* У Тихонр. № 21. Текста нѣтъ въ печатныхъ сборникахъ.

39. *О древь крестильмъ, что Христа в попи ставили.* У Тихонр. № 40. Текстъ сказанія «О іерействѣ Іисуса Христа» въ двухъ редакціяхъ у Тихонр. II, 164—172.

40. *И какъ Христось плююмъ ораль, то Іеремій попь болгарскій сомалъ.* У Тихонр. № 41. Текстъ этого апокрифа неизвѣстенъ. «Суть же—говорится далѣе въ рукош. Яремцакаго—і о мученицѣхъ лжею складено, а не тако, якоже въ мѣнеяхъ п въ пролозѣхъ писано.

41. *Георіево мученіе, еже рече отъ Дадіяна царя оумучень.* Тихонр. № 52. Текстъ этого апокрифическаго мученія Тихонравовъ II, 100—111.

42. *Никитино мученіе, налицующе его царева сына.* У Тихонр. № 53. Текстъ тамъ же II, 112—120; Пам. стар. р. лит. III, 146—149.

43. *Евстратіево мученіе.* Нѣтъ въ индексѣ Тихонравова.

44. *Ипатіево мученіе, что седмію оужиралъ и седмію ижилъ.* У Тихонр. № 54, текстъ тамъ же II, 121—145.

45. *Климентя анкурскаго мученіе.* У Тихонр. № 54. Текста нѣтъ.

И инѣхъ многихъ лжею складено. Соутже и ина между божественными писаніи ложная оученія написана отъ инихъ на пакость невѣжамъ, внихже.

46. Молитвы о трисавицахъ. (Тихонр. № 73; тексты тамъ же III, 351—352.

47. *И о нежитъяхъ*. (Тихонр. № 74).

48. *И о недузъяхъ*. (Тихонр. № 75).

«Имже еретци исказили церковная преданія и апостолская правила, пишуще ложная словеса».

Хотя Яремецкій или тотъ источникъ, изъ котораго онъ почерпнулъ свой списокъ апокрифовъ, повидимому и не имѣлъ намѣренія составить полную библиографію извѣстныхъ ему такъ или иначе сказаній того рода, то все таки мы находимъ здѣсь нѣкоторыя новости, не встрѣчающіяся въ богатомъ, сводномъ списокѣ Тихонравова. Что этимъ каталогомъ не исчерпывался составъ апокрифическихъ сказаній, бывшихъ въ обращеніи среди южно-русскихъ грамотныхъ людей и извѣстныхъ даже самому Яремецкому, въ этомъ мы убѣждаемся изъ содержанія его сборника, въ которомъ, кромѣ приведенныхъ выше, мы встрѣчаемъ еще слѣдующія апокрифическія сказанія.

49. О Симеонѣ Богопріемци слово.

50. Сказаніе о Иосифѣ обручнику Пресвятыя Дѣвы.

51. Родословіе Пресвятыя Богородици отъ котора колѣна.

52. Яко повелѣ Богъ Моисею сотворити змію мѣдяну.

53. О разбіеніи зміи мѣдяной, егда разбивъ Іезекиа.

54. О царехъ перскихъ како пріидоша со дары.

55. О еллинскихъ мудрецахъ иже отъ части пророчествоваху о превишемъ божествѣ и о рождествѣ Христовѣ отъ Пречистія Богородици.

56. Пророчество о Христвѣ и о Пречистой Богородици въ кумирници еллинскаго кумира Аполлона.

57. Слово о Сивидлѣ пророчици и о Давидѣ цару.

58. Слово о Мелхиседецѣ цари Салимскомъ св. Афанасія Александрійскаго (текстъ напечатанъ въ Пам. стар. русс. лит. т. III, 22—23).

59. Слово о ѿ пятницахъ и о градѣ Шпалѣ року Божія 4X, же есть на полу христіяномъ (срав. Тихонр. инд. № 68, текстъ въ четырехъ редакціяхъ тамъ же II, 323—338).

60. Слово о сотвореніи Ангелъ и Архангелъ и о прочихъ безплотныхъ силахъ. (Сравн. Порфирьевъ, апокриф. сказанія 83—88).

61. Слово дуже дивно и душеполезно о Флавіянѣ разбойницѣ иже разбои творяше въ странахъ египетскихъ.

62. Слово о двохъ разбойникахъ о Гестѣ и Дизмѣ какося зачали и како зрели и како распято ихъ на обѣ странѣ Господа нашего Иисуса Христа,—которое я воспроизвожу здѣсь, какъ предполагаемый эпизодъ какого-то утеряннаго апокр. евангелія о дѣтствѣ Христовомъ.

63. Сказаніе учителя церковнаго Иеронима святаго о Юдѣ предателѣ Господа нашего Иисуса Христа—текстъ напечатанъ въ приложеніи къ статьѣ М. Драгоманова «Славянскитѣ прѣбравеи на Едиповата исторія» (Сборникъ за нар. умотвореніе, т. V).

64. Слово о скончаніи вѣка сего, о войнахъ измаилскихъ и царю Михаилу и о антихрестѣ и о страшномъ судѣ.

65. Громникъ Моисея Громовидца, опубликованный мною въ «Кіевской Старинѣ».

66. Рождественникъ сложенъ и приведеніемъ Ангеловымъ избранъ.

Въ рукописномъ сборникѣ, полученномъ мною изъ Испаса, имѣются, кромѣ приведенныхъ уже, слѣдующія апокрифическія сказанія.

67. Житіе святаго Преподобнаго Іосифа Прекраснаго (отрывокъ безъ начала).

68. Сказаніе о царю Соломонѣ како закона бѣси во единой дельвѣ тмаи темъ, тысящами тысящъ», сказаніе, ваетса, до сихъ поръ неизвѣстное въ печати, почему я также воспроизвожу его въ приложеніи къ этой замѣткѣ.

Миронъ.

Приложенія.

I. Слово о главѣ Адамовѣ како в корени лежала.

Глава Адамова во корени древа лежаше коло Иерусалима. Не вѣдаше нѣкто. Во еденъ день Соломонъ царь пошелъ на лови. Еденъ рабъ его ношаше царскій плащъ и ястроба и хорта. И отдѣлися отъ Соломона. Внезапу (sic!) же бистъ буре велиа. Онѣй рабъ оувидѣ въ вечеру исковалса въ тую нещеру. И видѣвъ тако яко кость камень велми дивяшеса. Буре же дождевая преста, рабъ же ис нещеры изиде,

ко царю Соломону. Соломонъ же со гнѣвомъ рече ему: что тамъ творишь, плащъ мой еси взялъ, а мене буря потопила, а ты чему невозмолъ еси. Рабъ же рече: Господине мой, азъ я оувидѣлъ пещеру и вошелъ, а тая пещера костяная. Царь рекъ: азъ я пойду и вижду ея. На утрии же день поихалъ Соломонъ къ пещерѣ и увидѣлъ оную пещеру. И повелѣ очистити отъ персти и отъ корѣня, и видѣ Соломонъ и позна, же то не пещера, але глава Адамова. И уразумѣвъ якъ тамъ она принесенна бистъ. И собра Соломонъ всю державу свою и рече: како я сотворю, творите вси тако. Соломонъ же вземъ Рукомію и рече: поклоняю ти ся яко первой твари Господней. Народъ же ввесь тако сотвори. И сотворивше молитву надъ главою возложиша ѣ на горѣ Голгофѣ. И того ради нарече Литорги (?) страхъ, и тоу бистъ горище всему Іерусалиму.

II. Сказаніе о царю Соломонѣ, како закопа бѣси во единой дельвѣ ¹⁾
тмами темъ, тысящами тысящъ.

Царь Соломонъ Іерусалимскій сотвори вечерю велію и поиде на мѣсто безводное глаголющи: Сатано, прійди ко мнѣ на вечерю. И абіе явися ему сатана и поиде съ нимъ. Рече же Соломонъ: азъ есмь царь надъ царѣ а панъ надъ пани, и нѣсть инаго подъ слонцемъ кромѣ мене. Рече же діаволь: щожъ на томъ ижъ ти великимъ царемъ, гди предивного знаменія не учинишь, и нощ царь надъ царѣ и панъ надъ паны, и нѣсть инаго кромѣ мене. Вѣмъ такое древо ижъ ты должайшого не маешь въ своемъ панствѣ, и тое дерево есть вельми далеко, а гди би сія два сягнулъ а за третимъ реклъ бихъ аби было ту, и било бы. Рече же Соломонъ: я естемъ моцнѣйшій, кроль надъ крольми и панъ надъ пани. Азъ маю царство отъ востокъ солнца до западъ; а гди быхъ скотѣлъ заразъ, то въ оусего панства моего стали бы предо мною. И рече діаволь: еще я можнѣйшій и моцнѣйшій и надъ тебе и надъ всѣ кролѣ, и нѣсть инаго другого якъ я. Азъ маю множество слугъ моихъ. А гди быхъ скотѣлъ, то стали бы взнеть предо мною вси, и такую имамъ моць, абыхъ всѣхъ претворилъ во макъ, абы ся вмѣстили во едину дельву. И посмѣялъ ся Соломонъ и рече: не вѣрую я тому, абысь мѣлъ слуги свои во макъ претворити и въ едну дельву вомѣстити. А гди повелѣ сатана всѣмъ превсподнымъ сзониъ, и стапа предъ нимъ, онъ же претворилъ ихъ

¹⁾ Дельва—слово болгарское, значитъ бочка

во макъ и оусипавъ всѣхъ во дельву. Тогда нача Соломонъ чуду дивити ся. Потомъ вземъ шпуйтъ и заби ихъ добрѣ во дельвѣ той и запечаталъ знаменіемъ нареченнымъ пророчествующи: во имя отца и сына и святаго духа, аминь, и глаголаше: не изійдѣте отсюду (токмо) силою и повеленіемъ царя. И попровадилъ ихъ на поле Деире, где сотвори царь Навходоносоръ тѣло златое и закопа ихъ тамо. Пойдеже старшій сатана ридая и плачася во мѣсто свое. Потомъ по оумертвиі Соломоновѣ нача Иродъ царствовать. Діаволь же зѣло тщашеся, како бы могль слуги свои воздвигнути. И оузрѣ Ирода млада разумомъ, и пойде во царство его, сидяще же въ билію и нача себѣ творити нищали, потомъ вземъ козлища проклята отъ стада Иродова и сотвори игру. Единъ день сѣде на вербѣ и нача пискати. Слышаша людіе и повѣдаша Иродови цареви таковій гласъ пречудній. Тогда посла царь слуги своя видѣти что есть. Они же шедше молаху его, дабы пришолъ сними ко цареви. И вилѣ его царь пречудна война и рече: что ти еси и отъ коея страни. И рече діаволь: азъ есмь хитрець надъ всѣми майстри и игрець надъ игрцами. Молю тя, рече ему царь, живы во дому моемъ и весели домъ мой по вся дни. Азъ же воздамъ ти мзду твою и сотворю тя велика во царствіи моемъ. И сотвори ему общу келію зѣло красну ко стѣнѣ близъ покою своего. Потомъ сотвори Иродъ пиръ велий рождеству своему и созва вся велможи отъ царства своего, и повелѣ въ бубны бити и играти гудницамъ предъгудницамъ, въ сурми и во вся розніе музыки, и жадній не могль оугодити Иродіядѣ, дщери Филипа брата Иродова. Егда же нача діаволь играти во вся (вѣроятнo своя) игри нарицаемія пищали, еже просто рещи въ дуди, и абіе возвеселися Иродіяда и нача скавати и плясати и оугоди зѣло Иродови. Рече же ей: чадо, что хощеши, проси оу мене, дамъ ти, и полъ царства, моего. Онаже скоро тече ко матери своей и рече: что прошу у царя, понеже нынѣ общалъ ми полъ царства, или ино что, еже хощу. (И рече) ей мати: Проси на блюдѣ главу Іоанна Крестителя, то все будетъ наше. Шедши же дѣвица и рече царю предъ всѣми вельможами: дай ми царю главу Іоанна на блюдѣ. Слыша царь и смутися зѣло, имѣяй бо его оучителя велика, и нехотяше преступити слова ради предсѣдящихъ ему со нымъ, послаша въ темницу мучителя, и оусѣкну главу Крестителя, и даша на блюдѣ дѣвици, она же привесе матери своей, и возложи на главу свою, наки нача плясати предъ всѣми. Оле дивное чудо! Брашно и питіе многоцѣнное предъ всѣми постановленное во кровъ претвориса. Потомъ рече діаволь

царю: не печалуй ничтоже сію скорбь. Сотвори еще память отцу твоему, пойдѣмъ на поле Деире, возвеселѣмъ ся тамо еще. Идущимъ же имъ нача діаволь скакати и плясати предъ всѣми идущими. И егда прійдоша на поле Деире, гдѣ тѣло злато сотвори Навуходоносоръ царь, прійде же діаволь на мѣсто идеже закопа Соломонъ бѣсы и рече царевн: что сія могила. Рече же царь: слышахъ отъ отца азъ, яко отецъ мой закопа ту бѣси. И рече діаволь: нѣсть царю еже ти глаголеши, но отецъ твой закопа ту злато и сребро и каменіе многоцѣнное и рече сице: аще будетъ отъ сыновъ моихъ мудръ, то вийметъ тое сокровище. И радъ бысть царь и повелѣ копати, и найдоша дельву зѣло великую. Рече же діаволь: запрѣти царю всѣмъ отити отъ насъ. И егда отбиша шпунтъ, и абіе пойдоша бѣси яко мгла. Тогда діаволь посмѣлся зѣло безумію Иродову. И раступися земля и поиде Иродъ во пропасть со всѣмъ домомъ своимъ

III. Дѣтство Христово.

А) Слово челоѡчьеое о младенствѣ Ис. Христовѣ царскомъ.

И еще Господу нашему Иисусу Христу Царю двома лѣтома бывшу и граша въ рѣчищахъ со жидовскими дѣтми и сотворы исъ калу дванадесать птиць, и сплеснувъ руками, а оны возлетѣша. И бысть же въ субботу и граша и суть мнози дѣти бяху съ нимъ играюще. Видѣвъ же то единъ жидовинъ шедъ скоро возвѣсти отцу Иосифу, отцу его сице глаголя: отрокъ твой во рѣчищахъ играетъ и вземъ калъ и сотвори исъ калу дванадесать птиць и сплеснувъ руками, а они возлетѣша, осквернивъ есть намъ субботу. И шедъ Иосифъ и призва его, Ісусъ же играя воскочи къ нему на ramo. Иосифъ веде его на мѣсто и научи. Ісусъ же рече тому жидовину: се нынѣ обидѣхъ мя еси. И не доиде жидовинъ до дому, абіе впадъ и умре. Видѣвъ же тое другій жидовинъ и возониша глаголюще: откуда отроча? и пришедши родители и нанодоша и рѣче ко Иисусу Христу: что сякоя (вѣроятно вм. такое) отроча маешъ, и то не имашъ съ нами во градѣ быти¹⁾; аще то хитро, учи его на доброе, да нехай не клянеть чужихъ дѣтей и не искушаетъ. Призвавъ же Иосифъ Ісуса и въ томъ поучаше Его: почто клинеши чужихъ дѣтей и мрять, прето насъ хонутъ изгнати изъ сего града. Ісусъ же рече ко Иосифу: сія ты глаголю отче мой у послушавшаго мя, примодчи, а тѣи да мрутъ по

¹⁾ Здѣсь текстъ очевидно испорченъ, смотри слѣдующій варьянтъ.

дѣломъ своимъ, тебѣ не надобѣ. А тѣи глаголюща нанѣ вси охромша и ослѣпоша, и тѣи видѣвши оубояшася, потомъ же не разумѣють никто же гнѣватися нанѣ. Іосифъ же емъ его за оухо и возвлекъ и. Іисусъ же рече ему: Не гордуя не владѣеть мене искати обратиша мя во разбойнически. Во истину, не вѣдаешъ, что я творю изъ моря яко (по ошибкѣ написано еще разъ яко) единъ день, и тѣи неоскудѣють мене. Твой есмь азъ, къ тебѣ волею приидохъ. Учитель же именемъ Закхей стоя и слыша глаголюща Іисуса отцу дивися, и рече Іосифу: И се глаголеши отроча мудрое, и да его да вивчимъ грамотѣ. Поемъ отроча Іосифъ веде его и рече: учителю брате, пойми его ко себѣ. Слышавъ же Іисусъ отца своего глаголюща разсмѣяся и рече майстру дидаскалевѣ: Во истину вѣмъ ти елико рече отецъ мой. Истинну глаголю, ижъ всему тому я Господь есмь, вы же чужди есте и не вѣсте, яко мнѣ единому власть есть дана, азъ есмь прежде всѣхъ вѣкъ, нынѣ родихся и не вѣсте азъ откуда есмь или кто азъ, вѣдаю колико лѣтъ живота нашего. Воистинну глаголю ти учителю, егда ты раждаешися и азъ ту стояхъ прежде рождества твоего и видѣхъ азъ. Воистинну, аще хочеша совершенъ быти учителю, то послушай ты мене, азъ ти научу премудрости, ея же никтоже не вѣсть развѣ мене, яко вамъ истинну реки и егда узрите крестъ тогда речеша: Отецъ мой еси ты. Сущіи же то жидове слышавши словеса глаголюще: Пять лѣтъ, что отроча сіе глаголетъ, иже не слышахомъ ни отъ архіереи ни отъ фарисеи ни отъ учителей. Рече же имъ Іисусъ: не дивитесь тому, вѣдаю, егда миръ созданъ бысть. Слышавши словеса сіа жидове и оубояшася и ничтоже можаху рещи. Іисусъ же рече: Вѣдаю, учителю, яко есте слѣпи—горе вамъ!—и хроміе—горе вамъ! яко мене оучите а себе хвалите. Закхей же емъ его за руку и веде его ко отцу и рече учитель: горе мнѣ! Пойми отроча сіе Іосифе, яко не могу его учить, аще онъ меня учить. Іисусъ же играя по обычаю со жидовскими дѣтьми вошедши въ жидовскій храмъ тече предъ ними по солнцу и ста высоко, и повелѣ всѣмъ ити по солнцу и стати высоко, и повелѣ стремглавъъ раскипаться солнцу и побишася вся, и нача Іисусъ смѣяться, избѣгшу Іисусу по солнцу. Прииде другій маистеръ ко Іосифу и рече ему: приведи отроча свое, да научу его грамотѣ. Іосифъ емъ его за руку и веде его ко маистру и умоли его да научить его алфавита. Вопросы же маистеръ Іисуса дальняго слова алфавита, Іисусъ же не рече ничтоже и молчаше, маистеръ же удари Іисуса въ ланту. Іисусъ же рече ему: почто мя біеша, злодѣиху! Азъ ти повѣдаю, да что мя учини, а самъ не вѣдаешъ. Аще

еси правый учитель протолкуй мнѣ (что) зовется алфавита? И рече по сихъ: азъ есмь единъ и книги во мнѣ суть яко мѣдъ звѣняющая. Слышавши учитель и сматеса и неумѣ слова отвѣщати ко Іисусу, и рече: Охъ мнѣ окаянному, азъ измѣнихся, самъ на себе срамоту наведохъ, отроча сіе ¹⁾... наставляючи его на всю ревность: пойми брате Іосифе его къ себѣ, не стерплю страсти его, и сіе отроча нѣсть отъ земного роду, но прежде сотвореннаго. Потомъ уноша младо и посьбоша дрова во сосудѣ (должно быть сосѣдѣ) Іосифовѣ и удариса секвирою и растерза плѣснѣ и нозѣ надъ и вмираше и въ мовѣ велицен бываше. Іисусъ же емъ его за правую ногу и простягъ и бысть нога цѣла болящая и глаголя Іисусъ: уноша востани. И прехвативши уноша сонній и облобиза и, народъ же много дивися и рѣша Іисусу: Воистинну Богъ живетъ въ немъ. Бывшу же Іисусу шѣсть лѣтъ и посла мати его по воду, а онъ тече скоро и разби корчажець и нѣвчомъ ему воды принести. Онъ же бояся матери своей и зная сорочку и начерпа воды полну и принесе матери. Видѣвши то жидове и двивешеса, и прихватившися ко матцѣ облобиза и. И каки во время сѣянія иде Іисусъ со отцемъ сѣяти пшеницѣ на ниву. Егда же отецъ его обѣдаше, и посьявъ пшеницѣ одну спудъ, въ единъ же день пожне и сотре и принесе десять спудовъ пшеницѣ отцу своему, и взялъ Іосифъ и цѣлова его, призвавъ же убогихъ и розда пять мѣръ, а себѣ пять мѣръ оставилъ. Вгоежъ время созда Іосифъ полату мужу богату зѣло во градѣ. И не имѣяше мѣры и коротко бысть едно бервено и печаленъ бысть Іосифъ велми. Прииде же ко отцу Іисусъ и рече ему: Печаленъ еси отче мой? И рече Іосифъ: зле ми ся стало. И рече Іисусъ: положи правило на земли? И положи Іосифъ правило на земли, и приступи Іисусъ, емъ его за конецъ краткое бервено и протягъ равно съ другимъ. И рече Іисусъ: Не тузи отче мой, что ти покажу (тъ), призови мене, а тебѣ сотвору дѣло свое. И рече Іосифъ: Болозѣ мнѣ Богъ такое отроча далъ! И емъ его за руку Іосифъ и веде его ко майстру, иже полотенца робить. А майстеръ далъ Іисусовѣ тридцать хамо(въ) бѣлихъ и рече: Уклади оуровніе цвѣти, ово въ червленное, ово въ зеленое, ово въ багровое, ово въ втканое, азъ же на орудіе иду. Іисусъ же вземъ хами усѣ у чермну кадъ (вложи). И принѣдъ майстеръ и рече: чи уложилъ еси хами? Іисусъ же рече: уложилъ всѣ въ чермну кадъ. Онъ же возопи великимъ гласомъ и разорва ризы своя: чему еси

¹⁾ Здѣсь не доскачетъ, кажется, двухъ страницъ рус. писи.

укладъ у одну кадѣ? Азъ тебѣ рекохъ у различніе кади оуложи! И восхити нанѣ коніе, Іисусъ же убояся и побѣже, и ста за Іисусомъ дерево велико яко дубъ, и видѣ сіе чудо майстеръ и оубояся. Потомъ призва его и пришедъ Іисусъ Христосъ Господь Богъ царь и ста надъ кадію червленною и рече: не тужи майстру, якихъ тебѣ хамовъ надобѣ? Онъ же рече всякіе, и вынималъ Іисусъ Христосъ Господь Богъ Царь Вседержитель хами отъ различныхъ цвѣтовъ ис червонои кади. И пришовъ ко Іисусовѣ Христовѣ Господу Богу Царевѣ Вседержителю майстеръ и удари чоломъ: Воистину сынъ чело-вѣчскій, Сынъ Божій Царскій ты! И приведе его ко отцу его. Помни, Іосифе, се дивная чудеса видѣхъ. Поемъ его Іосифъ и веде его ко майстру книжному, да научить его алфавита. Глаголи жидовинъ ста многажды Іисусъ же глаголи ему: Ащо ты правый оучитель и научоній добре писма, то рци мнѣ алфавита, азъ же ты отвѣщаю. Разгнѣвався (учитель) и удари Іисуса Христа Царя Господа Бога по ланитѣ. Іисусъ же рече: Проклятый оучителю! (И) падъ оній оучитель и воумре. Іисусъ же приде ко отцу, и соскорбѣ Іосифъ о чадѣ. Приде ко Іосифу другій майстеръ и рече: Приведи сына своего въ наказаніе, низли мою легко научити его еллинскимъ книгамъ. И рече Іосифъ: пойми, брате, его съ собою. И уземъ учитель со опасеніемъ и веде его: Іисусъ же иде съ нимъ; ввійде въ домъ его ко другимъ учителемъ (и) обрѣте книги лежащія на лавицѣ (и) разгнувъ книгу лежащую великую нача чтати духомъ сватымъ. Учитель же приде и послуша его глаголи, да боліе глаголетъ. Народъ же много приде и послуша его. И рече учитель: Іосифе азъ поихъ (его) яко ученика себѣ, а онъ исполненъ благодати Божіей и премудрости. И рече: брате Іосифе, поами его ко себѣ. Утру же бывшу посла Іосифъ сына своего по хврастіе. И се змія лютая усѣкнула его за руку, падъ Іаковъ и здше. Іисусъ же дунувъ на лице, и угризновеніе аспиду испаде. Іаковъ же прозрѣ, а змія распадеся на три части. И паки женѣ его (вѣроятнo д. б. одной) отроча умре, и плакася жена. Слышавъ Іисусъ и пришедъ тамо, видѣвъ отроча мертво и рече: Отроча не умирай но живо буди! И абіе размѣяся отроча и воста, и рече Іисусъ: Жено, приими отроча свое и дай ему ясти. Видѣвши же народи многи и рѣша: Воистину Богъ живеть въ немъ. И паки, бывши висотѣ созданной, и спаде челоуѣкъ свисоти и разбяся, и умираше, пстеченну бывшу много людей. Слыша Іисусъ Христосъ тече тамо и видѣ челоуѣка мертва лежаща, и емъ его за руку и рече ему: Челоуѣче востани и твори дѣло свое. И абіе воста и по-

клонися ногамъ Иисусовымъ. И видѣвши народи многи и чудяшася. Утру же бывшу Иосифъ и мати его исваста его тужаща и ищуща и по трехъ днехъ обрѣтоша его во церкви стоящи посредѣ учителей и послушаша его да разумѣють отъ него, дивляхуся же и мысляху въ себѣ: како отроча приидеть страшная книжники. Иосифъ и мати рекоста къ нему: что сотворилъ еси намъ чадю: тако мы скорбяще и боляще о тебѣ! Рече же Иисусъ: что ищете мене, се суть обители Отца моего и повелѣ мнѣ быть въ оныхъ. Или не вѣмъ, яко Отецъ мой на небесе живеть. Фарисеи же рѣша ко матери: Ты ли еси мати отроча сего? Она же рече: Азъ есмь. И рѣша ей фарисее: Блаженна ты во женахъ и благословенъ плодъ чрева твоего! Таковыя силы не видѣхомъ ни отъ когоже. И воста Иисусъ Христосъ Господь Богъ Царь Вседержитель и иде во слѣдъ Матери своея. Отроча же растяше и крѣпяшася духомъ и силою. Нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ Аминь.

*Б) Слово о Господѣ нашемъ Иисусъ Христѣ како играяся со дѣтьми
жидовскими и сотвори ѿ птицъ.*

Во едино лѣто играющася Господу нашему Иисусу Христу со дѣтьми жидовскими на одномъ мѣстѣ, и вземъ Иисусъ Христосъ валу, и сотворивъ ѿ птицъ, и плеснувъ надъ ними руками, оне птицы ожили и полетѣли. Оучоувша же тое жидове, и зійшися до ради, и пошли до Иосифа и мовлять: Иосифе, отрокъ твой играетъ въ рѣчи дивніе: взялъ валу, излѣпилъ ѿ птицъ и сплѣснувъ руками надъ птицами, а птицы ожили и полетѣли, и осквернилъ намъ субботу. Пойдеже Иосифъ ко Иисусу, Иисусъ же играяся и скочилъ ему на рамена. Иосифъ же принесе Иисуса на мѣсто свое и научи его. Иисусъ же рече жидовинамъ: се по нимѣ обидисте мя еси! И жидовинъ недовдоша до дому, и абіе надоша и умреша. Другіи же жидове возопиша и глаголюще: откуда сіе отроча? И напача Иосифа глаголюще: что такое отроча имаешь хитрое! Учи его на доброе, нехай не кланетъ и не искушаетъ нашихъ дѣтей, бо ти Иосифе не будешь жити съ нами во градѣ, але тя виженемъ. Призвавше Иосифъ Иисуса и глаголетъ: Почто ти кланешъ чужихъ дѣтей, що мрутъ? Прето хотять насъ вигнати изъ града. Иисусъ же рекъ отцу своему Иосифу: отче мой, ти иже на насъ глаголють противу дѣломъ своимъ, нехай оглухнутъ и ослѣпнутъ. И тое увѣдавше жидове вси оубояшася и не

смѣяши ничтоже на Иисуса рещи и гнѣватись. Учитель же едень именовъ Затхей слышавъ Иисуса глаголюща ко Іосифу и рече: Іосифе брате, се отроча имаешъ, дай его мнѣ, нехай учить грамоту. Поемъ Іосифъ отроча и воведѣ его ко учителю и рече: Оучи брате отроча сіе. Слѣша же Іисусъ Іосифа глаголющаго и засмѣяся рече: Даскале, воистинну вѣмъ елико ти рече отецъ мой Іосифъ. Азъ есмь Господь, ви же не вѣсте, якая мнѣ одному власть, яко азъ есмь прежде всѣхъ вѣкъ, а нынѣ родихся съ вами. И азъ вѣмъ, колко лѣтъ живота вашего. Учителю, послужи мѣне, азъ ти научу премудрости, ея же никто не вѣсть развѣ мѣне и пославшаго мѣ ко вамъ. Сущія жидове услышавши словеса сія, глаголюща (вм. глаголаша): Ё лѣтъ отрочати сему и глаголетъ еже не слышомъ ни отъ архиерей ни отъ учитель ни отъ фарисей. Рече Іисусъ: что сему дивитесь? вѣдаю, егда былъ миръ созданъ. Въ той часъ оуслышавши жидове и убояшася и не смѣяху ничтоже рещи на Иисуса. Христосъ же играася и скаща глаголюще: Вѣдаю, учителю, яко ви есте слѣпіе. Горе вамъ, яко мене учите, а сами не знаете, хвалитесь. Затхей же вземъ его Иисуса за руку, и приведе его ко Іосифу и рече: Поими, брате Іосифе, отроча сіе, я не могу его учить, о горе мнѣ! Отроча тое мѣна учить. Іисусъ же ввійде по обичаю во жидовскій храмъ, играася со дѣтьми многими жидовскими. Іисусъ же побѣгне по слонцу по променяхъ предъ дѣтми и ста высоко, а дѣти жидовскіе пошли за Іисусомъ и полетѣли стремглавъ и побилися вси, и нача Іисусъ смѣятися и збѣже по слонцу. И рече другій майстеръ ко Іосифу: приведи мѣ отроча и научу его грамоти. Іосифъ же емъ Іисуса за руку и веде его ко майстру. Майстеръ же вземъ его учить грамоти, Іисусъ же молчаше, не рече ему ничтоже, майстеръ же удари его въ главу. Іисусъ же рече ему: Почто мѣ еси оударилъ въ главу, разбойнику, злодѣятелю? Горе тебѣ! Да чого мѣ учиши, а самъ ничтоже не вѣдаеши. Аще правый учителю, протолкуй мѣ что мовить алфита (д. б. алфавита). Азъ же и по сихъ книги во мнѣ суть. Майстеръ же въ той часъ ужасеся и не смѣя ничтоже взрещи противно отрочати. И рече: охъ мнѣ, азъ окаянній самъ на себя срамоту наведохъ. И рече: Поими брате Іосифе отроча сіе! Сіе отроча вѣсть отъ земнаго рода, но прежде сотворенія. Единъ юноша младій рубавъ дрова въ сусѣда Іосифоваго, и ударилъ секирою, и ста секира плесень ноги его и надъ умираше, и у молвѣ велицей бивши, в стеченію тамо народа много. Іисусъ же поиде тамо, ледви пришедъ сквозь народъ и црїиде идеже лежа отрочъ и емъ его Іисусъ за правую руку зарубан-

ную и протягъ и бысть нога болящая здравна. И рече Иисусъ: юноша тебѣ глаголю востани! Юноша же абіе воста, народъ же вельми чудашася и рече: Воистину въ семъ отрочати Богъ живеть. Потомъ же Иисусъ хождаше по водѣ и созда себѣ храмину каменную, народи же іудейскіе зѣло чудашася такому виденію. Потомъ же Іосифъ послалъ сына своего Іакова по хвастъ и змія лютая укусила его за руку, и надъ Іаковъ и умираше. Иисусъ приде тамо и дунуль на лице его и угризновеніе зміино испадеть, Іаковъ прозрѣвъ а змія распадеса на три части. Потомъ женѣ одной отроча умереть и плакася жена злѣ за отрочемъ. Сливаше Иисусъ и тече тамо, и видѣ отроча мертво и дунуль Иисусъ на уста его и рече: Востани отроча и живо будь! И абіе воста отроча и разсмѣяся. И рече Иисусъ: Жено пріими отроча и дай ему ясти. Видѣвши тое народи многи и рѣша: Воистину въ семъ отрочати Богъ живеть. И наки бывше созданію високому и впадѣ человекъ з будинку вельми високаго и разбвися и умираше, И зійшлося людей много надъ онаго человекѣа. И приде Иисусъ тамо и видѣ человекѣа лежаща, и емъ его за руку и рече: Тебѣ человекѣе глаголю, востани и сотвори дѣло свое! И абіе человекъ воставъ и поклонился Иисусови. И видѣвши тое народи и чудашася вельми. Іосифъ же и мати его ищуща во Іерусалимѣ и обрѣтоста его зо трехъ днехъ во церкви посредѣ оучителей. И послушавша его да разумѣють, и дивляхуся, како отроча перейдетъ старшія книжници и фѣлѣозофи. Іосифъ же и мати рекоста Иисусови: Почто чадо сотворилъ намъ, како намъ вельми была скорбъ. Иисусъ же рече: Почто ищете мене? Многи суть обители у Отца моего, повелѣ ми въ нихъ бити. Не вестѣ ли, яко Отецъ мой есть на небесехъ? Фарисее же слишавше и рѣша: Ты ли еси мати сему отрочати? Марія же рече: Азъ есмъ. Фарисей же рѣша: Благословена ти во женахъ и благословенъ плодъ твоего чрева. Таковія слави, таковія сили не видѣхомъ николиже. Воставше Иисусъ и иде во слѣдъ матере своей и бысть слушаий и повинуюся. Иисусъ же слѣяше мудростію и тѣломъ и благодать и исцѣленіе творяше. Ми же прославимъ Отца и Сына и Святаго Духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ Аминь.

В) Слово о двоихъ разбойникахъ о Гестѣ и Дизмѣ како ся зачали и како зросли и како распято ихъ на обѣ страны Господа нашего Иисуса Христа.

Егда изби Иродъ младенци ищущи Господа нашего Иисуса Христа, тогда Іосифъ поемъ Пресвятую Богородицу со Иисусомъ Христомъ

и прїиде во Египетъ, якъ ему казалъ ангель Господень. Бяху бо во горѣ два разбойники со женами и со чадами своими. И маху бо ихъ жени два младенца. Едва же жена разбойническая больная бѣ ѿ дни, отроча же ея малодушно бѣ гладомъ, а другаго же разбойника жена не взираше на тое болнїа чадо. Тогда увидѣли Іосифа со Богородицею носящаго Іисуса Христа. Увидѣлъ же разбойникъ болнїа жени Марїю со отрочатемъ и возрадовася вельми, жеби святая Богородица накормила сосцами своими отроча его. И рече другому разбойнику: Не сотворимъ брате, мужеви сему зла нѣ женѣ его. Поемше же разбойници Іосифа со Марїею во свою храмину, возьмъ разбойникъ отроча свое и дасть его Богородици Марїи и рече: накорми жено сосцами своими отроча мое сіе, не сотворимъ тебѣ никоея печали ни мужеви твоему. Святая Богородица взявши отроча разбойническое и прекормитъ е ѿ днїй сосцами своими святыми, жена же разбойническая возрадовася. Разбойникъ же къ ней глаголюще. Аще би не прїйшла жена сія къ намъ, то ужеби отроча наше оумерло. И тако отпусти Іосифа и Марїю со великими дарами. Младенца же разбойническія возрасташа, и биша разбойници якоже и родителіе ихъ. Егда же распяша Господа нашего Іисуса Христа на горѣ Голгоѣѣ, въ тое же время поймано тихъ двоухъ разбойниковъ на разбоу и приведше ихъ до Пилата. Пилать же повелѣ ихъ осудити и распяти на той же горѣ Голгоѣѣ. И сотворили ѿ креста: съ певга, кипариса и кедра. На кедрѣ же распяша Іисуса Христа, на кипарисѣ Дизму праведна разбойника, на певгѣ Гесту невѣрнаго разбойника, Дизму на правой странѣ Господа, Гесту на лѣвой странѣ Господа. Господень же крестъ бѣ закопанъ на главѣ Адамовѣи, и въ той часъ окрестился кровїю Христовою. Онїй разбойникъ, яже бѣ на правици, возопивъ гласомъ: Помяни мя Господи егда прїидеши во царствїи своемъ, и язикомъ рай отверзе. А той иже бѣ ошуюю похулилъ Господа и за тое во адъ вселилъ ся.

Посольство Якова Смяровского къ Богдану Хмельницкому во время осады Замостья въ 1648 году¹⁾.

(по рукописнымъ источникамъ).

I.

Среди кровавой исторической трагедіи, разыгравшейся во второй половинѣ XVII вѣка и носящей названіе козацкаго возстанія, среди сценъ политическихъ и племенныхъ страстей, стремившихся пожрать въ своемъ пламени цѣлость общественнаго склада древней Рѣчи-Посполитой, среди физическихъ и нравственныхъ поражений, понесенныхъ вооруженной силой Польши, разбитой и разсѣянной козаками и татарами въ длинномъ рядѣ битвъ, начиная отъ кровопролитной расправы подъ Желтыми Водами до взятія Львова, когда казалось, что осиротѣлая послѣ смерти Владислава IV Рѣчь-Посполитая, какъ корабль, лишенный кормчаго, должна безнадежно затонуть,—есть одна сцена, безспорно высокаго драматизма, когда побѣдоносный вождь козаковъ Богданъ Хмельницкій, ободренный цѣлымъ рядомъ побѣдъ, одержанныхъ надъ войсками Рѣчи-Посполитой, и

¹⁾ Статья эта принадлежитъ современному польскому историку Александру Краусгару, автору „*Исторіи евреевъ въ Польшѣ*“, „*Подвиги Кристофа Арцишевскаго*“, „*Альбрехта Ласкаго, воеводы Сградзкаго*“, „*Новыя эпизоды изъ жизни Паска*“ и множества мелкихъ статей. Она помѣщена въ сборникѣ „*Kartki historyczne i literackie*“, Kraków 1894, въ ряду статей, не имѣющихъ никакого отношенія къ исторіи Малороссіи. Помѣщаемъ ее въ переводѣ, чтобы она не была забыта въ изданіи, гдѣ интересующійся исторіей Малороссіи врядъ-ли вздумаетъ ее искать.

взятіемъ въ плѣнъ польскихъ военачальниковъ, вдругъ останавливаетъ свое побѣдоносное шествіе къ столицѣ страны и въ отвѣтъ на первое слово вразумленія, обращенное къ нему Яномъ-Казимиромъ, отдаетъ своимъ недовольнымъ полчищамъ приказъ къ отступленію и мирно возвращается на Украину.

До настоящаго времени главный мотивъ этой загадочной перемѣны фронта со стороны Богдана Хмельницкаго—оставался невыясненнымъ. Даже если принять, согласно съ утвердившимся въ этомъ вопросѣ взглядомъ, что ожидаемые результаты Варшавскаго совѣщанія, которые, казалось, должны были соотвѣтствовать духу стремленій Хмельницкаго, могли служить для него достаточнымъ поводомъ для временной пріостановки военныхъ дѣйствій, тѣмъ не менѣе остаются важными для исторіи всякія подробности первоначальныхъ переговоровъ съ Хмельницкимъ, особенно въ ту минуту, когда онъ, упоенный предыдущими побѣдами, усиливается преодолѣть послѣднее препятствіе—крѣпость Замостье, чтобы въ столицѣ Королевства предложить побѣжденнымъ унижительныя условія мира.

Почти всѣ изслѣдователи тогдашней эпохи принимаютъ за неоспоримый фактъ, что первое слово примиренія обращено было Яномъ-Казимиромъ къ Богдану Хмельницкому уже послѣ совершившагося избранія, въ качествѣ короля польскаго ¹⁾, и что исполненіе этой миссіи поручено было, по мнѣнію однихъ, двумъ королевскимъ посланцамъ: Якову Смяровскому и Станиславу Олдаковскому; по мнѣнію другихъ, миссію эту долженъ былъ выполнить одинъ только королевскій секретарь Яковъ Смяровскій, имя котораго различно передается въ разныхъ источникахъ.

¹⁾ Коховскій: *Ann. Pol. ab obitu Vlad. IV. Climater primus 1683*, стр. 92; Анонимъ: *Hist. Jana Kazim. (Коховскаго) 1859*, т. I, стр. 31 изд. Рачинскаго; Войццикій: *Pamiętniki do ranow. Zyg. III, Wład. IV, Jana Kazim.*, т. II, стр. 40; Рудавскій: *Hist. Polsk.* переводъ Спасовича, т. I, стр. 41; Лѣтопись Самовидца о войнахъ Хмельницкаго въ Чтеніяхъ Имп. Моск. Общ. Исторія и древн. 1846, т. I; изъ новѣйшихъ историковъ: Костомаровъ, *Богданъ Хмельницкій*, Спб. 1889, т. II, стр. 49; Шуйскій, *Dzieje*, т. III, стр. 323; Морачевскій, *Dzieje Rzeczy-pospolitej*, т. VIII, стр. 48; *Pamiętniki o wojnach kozackich za Chmielnickiego* (съ рукописи), Бреславль 1842, стр. 27.

На основаніи выписокъ Августа Бѣлевскаго, которыми воспользовался Шайноха въ „*Двухъ годахъ нашей исторіи* 1)“, этотъ посланецъ именуется Свяховскимъ 2) или Смяравскимъ. Ксендзь Садокъ Барончъ въ „*Памятникъ польской исторіи* 3)“ даетъ ему имя Сѣвескаго, а Морачевскій въ своей „*Исторіи* 4)“ называетъ этого посланца Рафаломъ Смяровскимъ. Однако у большей части историковъ преобладаетъ имя „Яковъ Смяровскій“ и это имя—несомнѣнно подлинное.

Какъ по отношенію къ имени посланца, такъ и по отношенію ко времени исполненія имъ посольской миссіи—господствуетъ въ историческихъ источникахъ неразрѣшимая запутанность.

Въ анонимномъ изданіи „Климактеровъ“ Коховскаго 5) сказано, что Смяровскій выѣхалъ изъ Варшавы 27 сентября 1648 г. и прибылъ къ Замостью съ увѣдомленіемъ объ избраніи Яна-Казимира 1 октября 1648 г. Латинскій „Климактеръ“ Коховскаго даетъ иную дату, а именно: выѣздъ изъ Варшавы олъ назначается на 27 ноября (слѣдовательно послѣ избранія, состоявшагося 20 ноября 1648 г.), а пріѣздъ въ Замостье на начало декабря 1648 г. 6); въ „Памятникахъ“ Войцицкаго, представляющихъ подъ 1648 годомъ копию съ I-го Климактера, днемъ выѣзда Смяровскаго изъ Варшавы указано 27 ноября 1648 г., а днемъ пріѣзда его въ Замостью—1 декабря 1648 г. 7) Шуйскій въ своей „Исторіи“ относитъ исполненіе Смяровскимъ его миссіи ко времени, послѣдующему за полученіемъ Яномъ-Казимиромъ отъ Хмельницкаго письма, привезеннаго ксендзомъ Мокрскимъ въ Варшаву 23 ноября 1648 г. 8).

Одинъ только Шайноха въ „Двухъ годахъ“ (сочиненія, томъ X, страница 170), подкрѣпляя себя указаніями „Памятниковъ“ князя Альбрехта Радзивилла 9) и „Памятной

1) Сочиненія, т. X, стр. 230.

2) Тамъ-же, т. X, стр. 231.

3) Львовъ 1855, стр. 49.

4) Т. VIII, стр. 48.

5) Познань, 1859, стр. 31 тома 1-го.

6) *Varsavia dimissus, die 27 Novbris, ad Zamoscium sub initium Decembris venit*, стр. 92.

7) Т. II, стр. 40.

8) Т. III, стр. 323.

9) Т. II, стр. 350.

книги Михаловскаго ¹⁾“, близко подходит къ дѣйствительному факту, когда утверждаетъ, что еще до совершенія избранія Янъ-Казимиръ, будучи уже королемъ шведскимъ, но еще только въ качествѣ королевича польскаго, писалъ письмо къ Хмельницкому, осаждавшему Замостье, со словами вразумленія ²⁾. Не будучи однакоже убѣжденнымъ въ дѣйствительности этого факта, Шайноха выражается въ примѣчаніи въ гипотетичной формѣ, что „кажется“, какъ будто письмо Хмельницкаго было отвѣтомъ на письмо королевича Казимира, и что Радзивилль „вѣроятно“ упоминаетъ объ этомъ послѣднемъ письмѣ въ „Дневникѣ“ элекційнаго сейма подъ 23 ноября. Однако въ текстѣ своего разсказа Шайноха уже безъ всякихъ оговорокъ заставляетъ обоихъ пословъ, Станислава Олдаковскаго и Смяровскаго, ѣхать къ Замостью съ увѣдомленіемъ короля о вступленіи его на тронъ Рѣчи-Посполитой польской,

Изъ приведенныхъ выше разногласій видно, что сомнительность какъ по отношенію ко времени завязки первоначальныхъ переговоровъ съ Хмельницкимъ въ послѣдніе дни избирательнаго сейма 1648 г., такъ и по отношенію къ личности пословъ, которымъ была поручена эта важная миссія, до сихъ поръ еще не устранена.

Вслѣдствіе этого не безъ дѣйствительнаго значенія для исторіи будетъ замѣтка, стремящаяся на основаніи не бывшихъ въ пользованіи ученыхъ рукописныхъ источниковъ выяснитъ тотъ именно эпизодъ изъ козацкаго возстанія, который въ ряду несчастій, какъ-бы сговорившихся погубить Рѣчь-Посполитую, явился какъ-будто поворотнымъ пунктомъ и послужилъ къ первоначальной завязкѣ сношеній съ главнымъ двигателемъ этихъ кровавыхъ несчастій—съ Богданомъ Хмельницкимъ.

II.

Въ Варшавскихъ бібліотекахъ: Университетской и графовъ-ординатовъ Красинскихъ—въ отдѣлахъ рукописей находятся два

¹⁾ Стр. 241 и 359.

²⁾ Сочиненія, т. X, стр. 170.

документа, взаимно другъ друга дополняющіе и выясняющіе затронутый выше вопросъ. Въ Университетской библиотекѣ подъ знакомъ 3. 7. 10. сохраняется бумажный кодексъ, идущій несомнѣнно изъ XVII вѣка, составленный изъ нѣсколькихъ десятковъ листовъ въ четверку, писанный различными почерками и, вѣроятно, нѣсколькими переписчиками, и озаглавленный общимъ заглавіемъ: *Kilka dokumentów publicznych z epoki 1629—1649 r.* (Нѣсколько публичныхъ документовъ изъ эпохи 1629—1649 г.), а въ немъ на стр. 81 и слѣдующихъ находится документъ, озаглавленный: *Relacya P. Śmiarowskiego, Posła K. I. M. do Chmielnickiego.* (Донесеніе г. Смяровскаго, посла Е. К. В. къ Хмельницкому).

Въ библиотекѣ-же графовъ-ординовъ Красинскихъ между рукописями, оставшимися послѣ Константина Свидзинскаго, находится книга *in folio*, переплетенная, означенная № 452, извѣстная подъ именемъ „рукописи, прибрѣтенной отъ І. І. Крашевскаго“, а въ ней на стр. 252 помѣщенъ документъ съ заглавіемъ: *Przyjęcie gońca Króla I. M-ci u Chmielnickiego, pod Zamościem* (Принятіе посланца Его Величества Короля Хмельницкимъ подъ Замостьемъ), напечатанный правда отчасти нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ (*Oređownik naukowy* за 1841 г. стр. 161), но до сихъ поръ не оцѣненный въ польской исторической литературѣ.

Этотъ послѣдній документъ находится въ связи съ современнымъ донесеніемъ о посольствѣ Смяровскаго, списаннымъ на стр. 452 той-же рукописи и повторяющимъ подробности доклада самого Смяровскаго, изложенныя въ рукописи Университетской библиотeki.

Во всѣхъ этихъ документахъ Смяровскій титулуется какъ посолъ Его Величества Короля, хотя изъ содержанія ихъ вытекаетъ, что козаки по прочтеніи письма Яна-Казимира, видя печать королевства шведскаго и подпись не польскаго короля, говорили: „посолъ этотъ пришелъ къ намъ съ измѣной“; это наводитъ на мысль, что, дѣйствительно, Смяровскій не былъ посломъ Яна-Казимира, какъ короля польскаго, но только посломъ королевича польскаго, а короля шведскаго, въ то время, когда

не было уже сомнѣнія, что результатъ выборовъ склонится въ пользу одного изъ братьевъ умершаго короля Владислава IV и несомнѣнно въ пользу Яна-Казимира (королевичъ Карль-Фердинандъ отрекся уже отъ притязаній на тронъ Рѣчи-Посполитой въ фарномъ костелѣ 11 ноября 1648 г.)¹⁾. Во всякомъ случаѣ въ ту минуту, когда Смяровскій отправлялся подъ Замостье къ Хмельницкому, результатъ выборовъ не былъ еще извѣстенъ и не былъ еще обнародованъ. Несомнѣнный и близкій уже въ то время результатъ выборовъ былъ причиною, почему Смяровскій предсталъ предъ козаками какъ посоль въновь избраннаго короля Яна-Казимира, но „когда онъ показалъ имъ письмо“ (слова рукописи библіотеки ордин. Красинскихъ стр. 243), „то они бросились къ печати и сейчасъ-же сказали, что письмо это не отъ короля, такъ какъ запечатано печатью съ кардинальской шапкой, да и короля еще нѣтъ“. На это Смяровскій, объясняясь предъ козаками, отважно отвѣчалъ: „не можетъ этого быть, чтобы, какъ только выбрали короля, сейчасъ сдѣлали-бы и печать“.

Въ свѣтѣ современныхъ источниковъ этотъ характерный фактъ представляется слѣдующимъ образомъ:

Почти за мѣсяць до отреченія со стороны Карла-Фердинанда отъ притязаній на тронъ Рѣчи-Посполитой на засѣданіи сената, происходившемъ въ Варшавѣ 13 октября 1648 г., великопольскій генераль Богуславъ Лещинскій предложилъ, какъ способъ примиренія съ козачествомъ, чтобы оба королевича написали отъ своего имени къ Хмельницкому.

Нѣсколько дней спустя²⁾, но еще до обнародованія результата выборовъ, королевичъ Янъ-Казимиръ, котораго, какъ извѣстно, Хмельницкій желалъ видѣть на тронѣ, послалъ отъ себя Смяровскаго съ порученіями къ вождю козаковъ, о чемъ „Памятная книга Михаловскаго³⁾“ выражается слѣдующимъ

¹⁾ Альбр. Радзивилль, *Pamiętniki*, т. II, стр. 340.

²⁾ I. Михаловскій, *вс. pamiętn.* стр. 291.

³⁾ (Стр. 354 подъ 22 числомъ ноября 1648 г., изъ чего слѣдуетъ, что замѣтка Михаловскаго сдѣлана два дня спустя послѣ выборовъ т. е. относится къ 15 ноября 1648 г.

образомъ: „панъ Смяровскій уже восьмой день, какъ посланъ отъ Его Величества Короля къ Хмельницкому“.

Тѣмъ временемъ и въ лагерѣ козаковъ подѣ Замостьемъ думали надѣ переговорами. Осада крѣпости, защищаемой полками храбраго Вейхера, не обѣщала въ ближайшемъ будущемъ благопріятнаго окончанія. Холодъ и голодъ томили осаждающихъ. Пули, выпускаемыя съ валовъ Замостья, причиняли козакамъ тяжкія утраты. Уже 15 ноября, т. е. почти одновременно съ выѣздомъ Смяровскаго изъ Варшавы, выѣхалъ изъ Лабункъ, главной квартиры Хмельницкаго подѣ Замостьемъ, ксендзъ-іезуитъ Гунцель Мокрскій, давній учитель и любимецъ Хмельницкаго, съ порученіемъ къ королю шведскому и съ заявленіемъ готовности служить ему оружіемъ при выборахъ¹⁾; къ сенату-же съ просьбою о мирѣ²⁾.

Прежде чѣмъ перейти къ изображенію результатовъ обоихъ перекрестныхъ посольствъ, мы сообщимъ въ нѣсколькихъ словахъ предшествующія обстоятельства, относящіяся къ особѣ посла Смяровскаго, о которыхъ мы теперь только въ первый разъ получаемъ свѣдѣнія, благодаря рукописной „реляціи“ университетской бібліотеки.

Яковъ Смяровскій извѣстенъ былъ изъ источниковъ какъ „русскій шляхтичъ“ (*nobilis Roxolanus*). Ближайшихъ подробностей, относящихся къ его особѣ, мы не имѣли. Теперь мы знаемъ, что онъ жилъ въ мѣстечкѣ Полонномъ на Волыни и что во время нападенія козацкой черни въ 1648 г. на тамошній замокъ, когда послѣ истребленія всего гарнизона полковникъ Кривоносъ устроилъ страшную рѣзню жителей, жертвою ея сдѣлалась и семья Смяровскаго: жена и дѣти были замучены, восьмилѣтній сынокъ былъ проданъ въ Орду, а имущество, цѣною около 40.000 злотыхъ, было разграблено. Яковъ Смяровскій предъ козацкимъ возстаніемъ поддерживалъ, какъ сосѣдъ, прия-

¹⁾ Ошибочной является версія Шуйскаго (Ист. т. III, стр. 323). будто-бы Мокрскій получилъ порученіе передать письмо уже избранному королю польскому. См. Кs. pamiętn. стр. 359: „Отдалъ (Мокрскій) письмо отъ Хмельницкаго Его Величеству Королю съ надписаніемъ: Королю Шведскому“.

²⁾ Кs. pamiętn. стр. 213.

тельскія отношенія съ Хмельницкимъ и это было причиною, почему королевичъ Янъ-Казимиръ именно его выбралъ посломъ въ Хмельницкому. Очутился онъ въ Варшавѣ, потому-что убѣгалъ вмѣстѣ съ остальной мѣстной шляхтой отъ наступленія козаковъ и спѣшилъ на конвокацію съ жалобами по поводу испытанныхъ бѣдствій.

Содержанія письма королевича мы не знаемъ. Ни одинъ источникъ не сообщаетъ его. Извѣстно только изъ „Памятниковъ“ Радзивилла (II, 350), что въ этомъ письмѣ выражена была вождю козаковъ просьба—добровольно отступить отъ Замостья.

„Съ милостью и миромъ я пріѣхалъ сюда“—выражается повѣствователь въ рукописи Свидзинскаго, говоря какъ-будто словами Смяровскаго. „Его Величество Король, какъ добрый Государь, не только хочетъ простить Вамъ Ваши чамѣренныя преступленія, но и сдѣлать для Васъ то, о чемъ Вы будете основательно просить“.

Послѣ такого объясненія мы перейдемъ къ существу донесенія Смяровскаго по копіи его, разысканной въ Университетской библіотекѣ.

III.

„Ноября 15 дня я выѣхалъ изъ Варшавы. Былъ это день воскресный. Я достигъ козацкаго лагеря подъ Замостьемъ въ четвергъ, а видѣлся съ Хмельницкимъ въ пятницу, *in solenni forma*. Онъ выслалъ навстрѣчу мнѣ 6 тысячъ всадниковъ и они провели меня мимо стѣнъ Замостья до Лабунекъ¹⁾ въ милѣ отъ Замостья, гдѣ стоялъ самъ гетманъ съ артиллеріей. Прежде чѣмъ этотъ отрядъ окружилъ меня и мой конвой, который достигалъ вмѣстѣ съ людьми князя Корецкаго²⁾ до 100 коней,

¹⁾ Лабунки, деревня и фольварекъ въ Замостскомъ уѣздѣ надъ рѣчкою Лабункою при шоссе изъ Замостья къ австрійской границѣ. *Slownik geogr.* т. V, стр. 564. Описаніе Лабунекъ въ *Tug. illustr.* за 1881 г.

²⁾ Здѣсь рѣчь идетъ о князѣ Самуилѣ Корецкомъ, который, когда его собственные подданные осадили его въ Корецкомъ замкѣ, спасся только благодаря хитрости, которую онъ сохранилъ на свой счетъ. Коховскій. *Hist. Jan-Kazim.* т. I. стр. 45. Былъ и другой Корецкій, Карлъ,—также собственникъ военной дивизіи (ib стр. 49).

вся старшина выѣхала впередъ и расположилась особой группой. Слѣзши съ лошадей, они пѣшо привѣтствовали меня, оставшагося на конѣ, а затѣмъ окружили меня вышеупомянутымъ большимъ отрядомъ и, давши мнѣ мѣсто въ первомъ ряду, подъ звуки трубъ, бубновъ и сюрмъ повели меня къ названнымъ Лабункамъ.

Передъ Лабунками выѣхалъ на встрѣчу обозный Чернота съ нѣсколькими десятками козаковъ на прекрасныхъ и богато убранныхъ коняхъ съ извиненіемъ отъ гетмана, что ради слабости здоровья онъ не могъ выѣхать самъ; „вмѣсто себя онъ меня выслалъ“, говорилъ Чернота, „привѣтствовать Васъ, Милостивый Государь, а самъ ожидаетъ Васъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ“.

Когда я въѣхалъ на Лабунскій дворъ, то самъ гетманъ вышелъ мнѣ на встрѣчу до половины двора. Я также, слѣзши съ коня, привѣтствовалъ его. Онъ провелъ меня въ свою избу и приказалъ выстрѣлить изъ пушекъ въ знакъ радости, что слышалъ о новомъ Государѣ. Въ тотъ день наступилъ уже вечеръ; я отложилъ исполненіе моихъ обязанностей до слѣдующаго дня, а между тѣмъ изучалъ какъ самого гетмана, такъ и другихъ знакомыхъ мнѣ козаковъ, *faciem status eorum*, а также соображалъ, что мнѣ можетъ помочь, а что—повредить; я понималъ, что Кривоносъ съ Гловацкимъ стояли на томъ, чтобы не отступать изъ этихъ мѣстъ и, воспользовавшись достигнутыми успѣхами, кончить эту войну выгоднымъ миромъ. Это очень меня обезпокоило и, желая предупредить подобный исходъ дѣлъ, я сталъ поступать такимъ образомъ:

Разговаривая секретно съ Хмельницкимъ, я говорилъ ему:

„Ты имѣешь въ своемъ войскѣ заклатаго врага, который стремится лишить тебя твоей славы, подорвать твою власть и повредить твоему здоровью. Я имѣю вѣрныя свѣдѣнія объ этомъ изъ нѣсколькихъ признаній плѣнниковъ изъ запорожскаго войска (*res ficta*), кторые на пыткахъ достаточно объ этомъ рассказали. Я хочу тебя объ этомъ предупредить, чтобы ты принялъ мѣры, если самъ хочешь сберечь здоровье и сохранить славу. Второе я прошу тебя, какъ давняго пріятеля и дружески расположен-

наго сосѣда, чтобы Кривонось не присутствовалъ на моей аудіенціи; скорбь моя неутѣшима, такъ какъ этотъ измѣнникъ ограбилъ въ Полонномъ все мое имѣніе и забралъ на 40.000 злотыхъ моего достоянія; но еще болѣе того: онъ убилъ мою жену и дѣтей, а восьмилѣтняго сына моего продалъ въ Орду; не допускай меня смотрѣть на него, а иначе я разрублю его на куски, я утоплю въ немъ мою саблю!“

Хмельницкій принялъ мою рѣчь милостиво и подъ присягой обѣщаль не ласкать Кривоноса, также не позвалъ его на раду.

Въ день субботній я имѣлъ аудіенцію согласно съ данной мнѣ инструкціей, во время которой Хмельницкій отвѣчалъ мнѣ:

„Какъ предки мои самоотверженно и съ пролитіемъ крови служили королямъ Польскимъ, такъ и я, не измѣняя имъ, съ подчиненнымъ мнѣ рыцарствомъ, хочу вѣрно служить Его Величеству Королю, моему милостивому Государю, и Рѣчи-Посполитой, и по приказу Его Королевскаго Величества сейчасъ-же отступлю съ войскомъ на Украину“.

При этомъ онъ обѣщаль скоро меня отпустить.

Нѣсколько часовъ спустя, иная трудность представилась для исполненія моей задачи. Нѣкоторые изъ полковниковъ и старшинъ, которые не присутствовали при аудіенціи, при чемъ къ нимъ присоединилось и множество черни,—начали бунтовать и просили гетмана передать имъ порученія посла и показать королевское письмо; прочитавши послѣднее, они разбирали каждое слово, и когда увидѣли печать королевства шведскаго и подпись не польскаго короля, то *invalescebat fremitus eorum* (усилился ихъ шумъ) и они говорили, что посоль этотъ пришелъ къ намъ для измѣны; вѣроятно, войска на насъ наступаютъ, а потому—задержать его до дальнѣйшихъ извѣстій, или отправить въ Трахтемировъ.

Я имѣлъ на этой радѣ своего подслушивателя. Когда онъ мнѣ обо всемъ этомъ сообщилъ, то я очень смутился, но раздумавши самъ съ собою, я пошелъ храбро на раду и стремился преодолѣть ихъ сомнѣнія своими доводами; подъ присягой я утверждалъ, что все то, что я передалъ имъ, передано по волѣ Его Королевскаго Величества, моего милостиваго Государя.

Поддержалъ меня и самъ гетманъ, которому я отдалъ королевское письмо, взявши его изъ рукъ козаковъ, съ такими словами: „Всѣ короли и монархи на свѣтѣ имѣютъ обычай руководствоваться не письмомъ, которое является только удостовѣреніемъ личности посла (*credens*), но устнымъ сообщеніемъ каждаго посла; рѣчь посла составляетъ сущность дѣла.

Такимъ образомъ по милости Божіей и эта трудность была устранена и сдѣлалось возможнымъ разрѣшеніе мнѣ возвратиться восвояси.

Затѣмъ по козацкому обычаю подали обѣдъ изъ шести блюдъ и хорошее вино. Какъ только гетманъ пилъ за здоровье Его королевскаго Величества, такъ сейчасъ стрѣляли изъ всѣхъ пушекъ, а затѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ (*ipso affectu*) исполнилъ то, что обѣщалъ.

Прежде всего тронулась артиллерія съ своимъ конвоемъ, въ которомъ могло быть до 20.000 человѣкъ.

На третій и на четвертый день трогались различныя полки отъ стѣнъ Замостья, которыя кругомъ опоясаны были лагеремъ, а ставъ былъ спущенъ черезъ разрытую плотину; всѣ предмѣстья и отдѣльныя дворы вокругъ Замостья были сожжены.

Между тѣмъ вмѣстѣ съ козацкимъ лагеремъ снялся и я. Вскорѣ, описавши успѣшное выполненіе возложеннаго на меня порученія, я отправилъ впередъ къ королевскому двору слугу Его Милости Архіепископа Гвѣзненскаго, но этого посланца, хотя онъ имѣлъ и паспортъ отъ Хмельницкаго, убили въ пяти миляхъ отъ козацкаго лагеря.

Поэтому извѣстіе это пришло не скоро.

Откланявшись передъ Хмельницкимъ, я поѣхалъ въ Замостье и тамъ переночевалъ. Величайшая бѣда тамъ была: люди болѣли и умирали, чувствовался недостатокъ пива, хлѣба и другихъ припасовъ, лошади и скотъ отъ недостатка кормовъ поиздыхали, улицы были ими наполнены, ощущался страшный смрадъ; хотя гарнизонъ предъ моимъ отъѣздомъ выстроился въ военный порядокъ, но врядъ-ли могъ-бы онъ выдержать дальнѣйшую осаду.

Я выѣхалъ изъ Замостья 24 ноября. Дорога была уже болѣе безопасной, но всетаки требовалась осторожность.

Проѣзжая далѣе, я попадалъ въ большія затрудненія при встрѣчѣ съ разными „загонами“, какъ козацкими, такъ и татарскими. Много мѣшали мнѣ также наши подѣзды, которые подступали къ непріятельскому войску въ то время, когда я къ нимъ ѣхалъ, и не могли понять, что я ѣду отъ Хмельницкаго. Хмельницкій говорилъ: я пойду къ Каменцу-Подольскому, чтобы переправить тамъ орду черезъ р. Днѣстръ. Онъ не долженъ былъ миновать Бродовъ, замокъ которыхъ сдался вслѣдствіе болѣзней, распространившихся среди гарнизона.

Кодакъ также сдался.

Такъ я наскоро пишу“.

Въ дополненіе къ вышеприведенному личному донесенію Смяровскаго мы приведемъ отрывокъ изъ рукописи Свидзинскаго (стр. 251) ¹⁾, очевидно редактированный на основаніи разсказа посла неизвѣстнымъ авторомъ и заключающій въ себѣ картинныя подробности о первой встрѣчѣ посла съ Хмельницкимъ.

„Когда посоль Его Королевскаго Величества панъ Смяровскій подѣзжалъ къ Замостью, то Хмельницкій выслалъ на встрѣчу послу шестсотъ козаковъ на добрыхъ коняхъ въ полномъ вооруженіи. Встрѣтивши посла, они его проводили. Когда подѣзжали къ тому двору, гдѣ остановился Хмельницкій, полки, которыхъ было необозримое множество, выстрѣлили изъ ружей, такъ—что какъ-будто громъ раздался. Передъ самымъ дворомъ обозный Хмельницкаго, по имени Остапъ, встрѣтилъ во главѣ восьмисотъ особъ и онъ-же ввелъ посла въ избу, гдѣ ждалъ его Хмельницкій.

Хмельницкій былъ одѣтъ въ пурпурный жупанъ съ серебряными петлями для пуговиць, сверху наброшена была суконная фerezія фіалковаго цвѣта, подшитая великолѣпными соболями; булава лежала передъ нимъ на столѣ.

Когда посоль вошелъ, то самъ Хмельницкій бросилъ булаву со стола на землю. При передачѣ письма Его Королев-

¹⁾ См. также *Ogędownik naukowy* 1841, стр. 161.

скаго Величества, когда посолъ, надѣвши шапку, началъ излагать цѣль своего прїѣзда, то старшины, которые могли только помѣститься въ избѣ Хмельницкаго, слушали съ обнаженными головами; какъ только упоминалось имя Его Королевскаго Величества, всѣ они били челомъ. Когда же Хмельницкій началъ отвѣчать и пожелалъ здоровья Его Величеству Королю, то сейчасъ же стали стрѣлять и это продолжалось полчаса.

Когда перестали стрѣлять, то Хмельницкій, продолжая свою рѣчь, объяснилъ, что еслибы королемъ сдѣлался не королевичъ Казимиръ, которому онъ хочетъ служить и за честь котораго онъ готовъ пролить свою кровь, то онъ пошелъ бы прямо на Краковъ и, взявши корону, отдалъ бы ее тому, кому нашелъ бы лучшимъ. Теперь онъ принимаетъ подданство, прекращаетъ войну, возвратится на Запорожье, гдѣ будетъ спокойно ждать комиссаровъ, и при походѣ на Запорожье не будетъ производить никакихъ опустошеній.

Тотчасъ же начали трогаться въ путь, а именно посольство было принято въ среду 18-го ноября, а въ субботу 21-го ноября Хмельницкій выслалъ уже артиллерію изъ-подъ Замостья на Запорожье съ отрядомъ въ 20.000. На другой день, въ воскресенье, онъ отправилъ обратно въ Орду татаръ, которыми предводительствовалъ Тугай-бей и которыхъ было не болѣе 5.000. Въ воскресенье же онъ отправилъ свои подводы со всѣми своими вещами. Во вторникъ т. е. 24 ноября, отпустивши посла, онъ самъ тронулся изъ-подъ Замостья, имѣя при себѣ болѣе 200.000 войска. При этомъ онъ нѣсколько разъ напоминалъ, что хотя теперь отступаетъ, но не прекращаетъ войны, пока Конецпольскій и князь Вишневецкій не дадутъ ему удовлетворенія“.

IV.

Разберемъ теперь въ иныхъ историческихъ источникахъ для той эпохи, чтобы подтвердить несомнѣнный уже на этотъ разъ фактъ, что первымъ посломъ къ Хмельницкому, до обнаруженія еще результата выборовъ, поѣхалъ Яковъ Смяровскій.

Въ засѣданіи сената, происходившемъ 23 ноября 1648 года, братъ брацлавскаго воеводы Адама Киселя новгородскій хорунжій Григорій Кисель проситъ слова, чтобы объяснить за-сѣдающимъ опасность, какая можетъ грозить странѣ, если черезъ-чуръ положиться на уступчивость гетмана, выказанную имъ при приѣмѣ посольства Смяровскаго.

„Вѣроятно Вы, Милостивые Государи“,—говорилъ хорунжій, „полагаетесь на посольство пана Смяровскаго къ Хмельницкому; поэтому такъ плохо беретесь за защиту страны и не думаете о томъ, гдѣ мы изгнанники можемъ опереть ногу (*figere pedem*) 1)“.

Одновременно съ выѣздомъ Смяровскаго изъ Лабунекъ, т. е. 24 ноября 1648 г., посланецъ гетмана ксендзь Гунцель Мокрскій вручилъ королю Яну-Казимиру письмо отъ него съ надписаніемъ *Королю Шведскому* и съ выраженіемъ въ немъ готовности служить королю оружіемъ противъ всѣхъ, кто хотѣлъ-бы устранить его отъ принятія короны 2).

Три дня поздиѣе, а именно 27 ноября 1648 г., Янъ-Казимиръ, на этотъ разъ уже въ качествѣ избраннаго короля польскаго, посылаетъ гетману Хмельницкому письмо, въ которомъ между прочимъ ясно выражается:

„Какъ ранѣе письмомъ нашимъ, посланнымъ предъ счастливымъ выборомъ нашимъ, мы выразили свое расположеніе къ войску запорожскому и къ вождю того войска за то, что они, помня благодаренія всемилостивыхъ королей, отца и брата нашихъ, просили Господа Бога и желали, чтобы никто иной, а только мы были избраны на тронъ; такъ теперь, сдѣлавшись уже королемъ и государемъ Вашимъ, къ вѣщему удовольствію Вашему, мы объявляемъ Вамъ объ этомъ устроеніи Промысла Господня и выражаемъ нашу королевскую милость вождю и всему войску запорожскому 3)“.

Въ концѣ этого письма король прибавляетъ:

1) Кв. рamięтн. стр. 358.

2) Тамъ же, стр. 359.

3) Изъ рукописей библиот. Осолнскихъ № 225, стр. 193. Шайноха, Сочин., т. X. стр. 227, 228. Сл. Радзивилль Рат. т. II, 351.

„Для объявленія нашей королевской милости мы посылаемъ благороднаго Станислава Холдаковскаго и ожидаемъ въ возможно скоромъ времени прибытія къ намъ вмѣстѣ съ нимъ пословъ Вашихъ“.

Прежде чѣмъ Холдаковскій съ вышеприведеннымъ письмомъ прибылъ къ Хмельницкому, пріѣхалъ съ отвѣтомъ гетмана на первое письмо Яковъ Смяровскій и 1 декабря 1648 г. король вручилъ ему новое письмо къ Хмельницкому, въ которомъ, упоминая объ отправкѣ посла Холдаковскаго, обѣщаетъ, что вскорѣ вышлетъ булаву и знамя вождю козаковъ¹⁾.

4 декабря 1648 г. Смяровскій прибываетъ съ вторичнымъ посольствомъ къ Хмельницкому, о чемъ упоминаютъ выписки Бѣлевскаго на стр. 43²⁾. Въ этотъ разъ посольство Смяровскаго продолжалось болѣе продолжительное время, такъ какъ только послѣ вторичнаго его возвращенія въ Варшаву король Янъ-Казимиръ 21 декабря 1648 г. посылаетъ Хмельницкому подробный отвѣтъ на пункты соглашенія съ козаками и пишетъ: „Послѣ того, какъ мы приказали отправить ксендза Мокрскаго съ отвѣтомъ нашего Величества на Ваше письмо, возвратился нашъ посолъ, благородный Яковъ Смяровскій, который передалъ намъ второе письмо отъ Васъ и сдѣлалъ устное сообщеніе³⁾“.

Изъ дневника второй памятной книги Михаловскаго, находящейся еще въ рукописи, Гельцель помѣстилъ въ своемъ изданіи отрывокъ, составляющій какъ бы вариантъ извѣстной реляціи львовскаго подкоморія Мясковскаго, напечатанной въ „Собраніи матеріаловъ“ Нѣмцевича (Т. IV, стр. 252) и въ „Источникахъ“ Малиновскаго и Пржездѣцкаго (Т. I, стр. 19). Изъ этого отрывка мы узнаемъ, что 12 января 1649 г. новгородскій хорунжій Кисель вмѣстѣ съ паномъ Смяровскимъ были отправлены изъ Гвоздовы къ Хмельницкому съ порученіемъ уговорить его пріѣхать въ Кіевъ на засѣданія комиссіи.

¹⁾ Шайноха, Сочин., т. X, стр. 229. Изъ рукописей Осолинскихъ № 225, стр. 192.

²⁾ Шайноха, Сочин., т. X, стр. 231.

³⁾ Ks. pamiętn. стр. 217, 218.

Ходъ этихъ переговоровъ, невыразимо удручающій, извѣстенъ уже въ подробностяхъ.

Секретаремъ комиссіи былъ назначенъ Смяровскій и его, въ виду его давняго знакомства съ Хмельницкимъ, избирали для переговоровъ съ вѣроломнымъ гетманомъ, не имѣвшихъ однако удовлетворительнаго результата ¹⁾.

Во время этихъ переговоровъ воевода кіевскій Кисель назначилъ Смяровскаго постояннымъ своимъ уполномоченнымъ при Хмельницкомъ и на этомъ основаніи Смяровскій постоянно жилъ въ Чигиринѣ. Однако козаки, подозрѣвая, что Смяровскій сносится тайными письмами съ воеводой, арестовали его ²⁾, а потомъ зарубили топорами какъ его, такъ и всю его свиту ³⁾. По другимъ источникамъ, Смяровскій былъ утопленъ козаками ⁴⁾.

Таковъ былъ печальный конецъ человѣка, который, потерявъ во время рѣзни въ Полонномъ семейство и имущество, остатокъ дней своихъ посвятилъ Рѣчи Посполитой и палъ жертвой служебнаго долга.

¹⁾ *Multis persuasionibus et rationibus przez pana Podczaszego Braclawskiego i pana Smiarowskiego, sekretarza komisyj, laboravimus: ale duram petram et obstinatam cervicem oporu ruszyć żadnym sposobem nie mogie. Ks. pamiętn. стр. 381.*

²⁾ *Ks. pamiętn. стр. 394, 396.*

³⁾ *Latopisiec Jerlicza T. I, стр. 98. Quem regis legatum contra ius gentium non gladio ut militem, non securi ut victimam, sed runcina ut arborem percutiunt. Гудавскій, исторія, стр. 44.*

⁴⁾ Памятника кіевской комиссіи, стр. 413—429. Костомаровъ. Богд. Хмельн., т. II, стр. 89.

Юбилейное чествованіе памяти Григорія Саввича Сквороды въ Харьковѣ¹⁾.

29 октября 1894 г. исполнилось 100 лѣтъ со дня смерти знаменитаго украинскаго философа Григорія Саввича Сквороды. Состоящее при университетѣ Харьковское историко-филологическое общество издало ко дню юбилея его сочиненія²⁾, съ приложеніемъ біографіи, составленной М. И. Ковалинскимъ, вновь открытой переписки (преимущественно на латинскомъ языкѣ) и обширной вступительной статьи проф. Д. И. Багалѣя; этому послѣднему принадлежитъ и трудъ разысканія рукописей, и трудъ редактированія ихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ историко-филологическое общество на свои средства поставило на могилѣ Сквороды (въ с. Панъ-Ивановкѣ, Харьковскаго уѣзда и губерніи) новую желѣзную ограду взамѣнъ прежней деревянной, пришедшей въ полную ветхость.

29 октября въ с. Панъ-Ивановѣ была отслужена заупокойная литургія. Литургію совершали соборнѣ—свящ. с. Рогозянки о. Вас. Ковалевъ и мѣстный свящ о. Іоаннъ Найдовскій съ двумя діаконами. Послѣ литургіи о. Вас. Ковалевымъ было сказано нѣсколько словъ о жизни и дѣятельности въ Бозѣ по-

¹⁾ Въ началѣ будущаго года редакція помѣститъ въ своемъ журналѣ статью, посвященную Г. С. Сквородѣ и обѣщанную ей проф. Д. И. Багалѣемъ; при статьѣ будетъ приложенъ и портретъ.

²⁾ Сочиненія Григорія Саввича Сквороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣемъ. Юбилейное изданіе (1794—1894 г.). Съ портретомъ его, видомъ могилы и снимками почерка. 7-й томъ Сборника харьк. ист.-фил. общ. СХХІV, 132, 352. Цѣна 4 р.

чившаго Григорія Саввича, а потомъ совершенъ крестный ходъ изъ церкви на могилу, въ садъ священника, гдѣ совершена была панихида, также соборнѣ. Народъ собрался у могилы и затѣмъ молился объ упокоеніи усопшаго. На литургіи и панихидѣ пѣлъ хоръ пѣвчихъ—школьниковъ подъ управленіемъ школьнаго учителя въ с. Кадницѣ П. Θ. Лазарева. Послѣ панихиды пропѣта была хоромъ школьниковъ одна изъ пѣсенъ Г. С. Сковороды, разученная ими по указанію мѣстнаго землевладѣльца Е. С. Гордѣенка. Изъ харьковской интеллигенціи въ Панъ-Ивановѣ не было никого.

Въ этотъ день предполагалось въ Харьковѣ устройство публичнаго засѣданія историко-филологическаго общества для чествованія памяти Г. С. Сковороды; но его рѣшено было перенести на другое время въ виду смерти и похоронъ Государя Императора Александра III-го.

Засѣданіе состоялось 13-го ноября въ воскресенье въ часъ дня въ торжественномъ залѣ университета. Хотя особыхъ приглашеній и не было, но публики собралось довольно много. Торжество почтили своимъ присутствіемъ г. попечитель учебнаго округа Н. П. Вельяминовъ-Воронцовъ, г. ректоръ университета М. М. Алексѣенко, профессора университета, преподаватели семинаріи и гимназій, представители духовенства и т. п. Въ залѣ было выставлено нѣсколько портретовъ Г. С. Сковороды и его автографы.

Открылъ засѣданіе краткою рѣчью предсѣдатель общества проф. М. С. Дриновъ, въ которой указалъ на мотивы, побудившіе общество почтить память Г. С. Сковороды. Секретарь, проф. Н. Θ. Сумцовъ, прочелъ привѣтственныя телеграммы, полученныя обществомъ къ этому дню.

Рѣчи были произнесены 3 членами историко-филологическаго общества—проф. Θ. А. Зеленогорскимъ, проф. А. С. Лебедевымъ и проф. Д. И. Багалѣемъ.

Помѣщаемъ ихъ въ краткомъ извлеченіи, какъ онѣ напечатаны въ Харьк. Губ. Вѣдом.

Рѣчь проф. Ѳ. А. Зеленогорскаго. „Г. С. Сковорода, какъ философъ“.

Настоящій юбилей представляетъ отрадное, но вмѣстѣ съ тѣмъ исключительное явленіе для Россіи; мы чествуемъ въ лицѣ Сковороды русскаго философа XVIII вѣка. Это былъ истинный философъ, говорившій, что философія составляетъ главную цѣль человѣческой жизни; это жизнь его духа. Творецъ, давши человѣку разумъ, не сообщилъ ему истины, а предоставилъ самому отыскивать ее—и эта дѣятельность мысли служить для человѣка источникомъ величайшихъ удовольствій. Самъ Сковорода съ давнихъ поръ чувствовалъ влеченіе къ нравственно-философскимъ книгамъ, затѣмъ онъ уединялся въ пустынные мѣста и тамъ предавался размышленіямъ: ловилъ птицу—истину; въ душѣ его нерѣдко происходила при этомъ внутренняя борьба, но она всегда оканчивалась побѣдой его надъ самимъ собою.

Сковорода любилъ природу, любилъ наблюдать ее и поучаться отъ нея. Его философскій взглядъ на природу проникнутъ *оптимизмомъ*, „Вся экономія Божія, говорилъ онъ, во всей вселенной исправна, добра и всѣмъ намъ всеполезна есть“. Есть мѣста въ сочиненіяхъ Сковороды, гдѣ міръ и Богъ отождествляются, что подало поводъ считать его пантеистомъ. На самомъ дѣлѣ отношенія Бога къ міру, по его ученію, таковы. Причина появленія міра есть воля Божія, а виновникомъ непосредственнаго происхожденія его было Слово Божіе. Нашъ міръ представляетъ отобразы, тѣни идей Божественнаго Разума. Изъ ученія о вѣчности Божественнаго Разума Сковорода выводилъ и ученіе о *вѣчности* міра и о господствующемъ въ немъ дуализмѣ (послѣднему вопросу онъ посвятилъ даже особое сочиненіе). Но этимъ отношеніе Бога къ міру не оканчивается. Еще ближе къ намъ и природѣ находится Божественный Духъ. Онъ обнаруживаетъ свое дѣйствіе во многихъ дѣлахъ природы, которыя сами по себѣ ничтожны. Въ мірѣ животныхъ Сковорода особенно подчеркиваетъ ихъ природныя склонности, выражающіяся въ инстинктѣ. Тѣже дары Божественнаго Духа въ изобилии сообщаются и людямъ въ видѣ тѣхъ же природныхъ склон-

ностей, но при этомъ человѣку дана еще и *свободная воля*; вотъ почему человѣкъ не всегда слѣдуетъ своей природѣ, отъ чего происходитъ вредъ, какъ для общества, такъ и для самаго индивидуума. Здѣсь источникъ нравственнаго и общественнаго зла. Но сама природа мститъ за нарушение ея законовъ и требованій, ибо нарушители лишаются того душевнаго мира, который составляетъ высшее благо человѣка; отсюда и *пессимизмъ* среди людей. Только жизнь по природнымъ наклонностямъ доставляетъ истинное удовольствіе. Благодареніе Богу за то, что онъ нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ. Самъ Г. С. Сковорода не сразу выбралъ свой образъ жизни: первоначально онъ останавливался, повидимому, на священническомъ санѣ; но онъ видѣлъ, что и тутъ, какъ въ монашествѣ, дѣйствительность далеко отстоитъ отъ его идеала, а потому удалился въ уединеніе. Та же философія привлекла его къ общественному труду и дѣятельности. И вотъ мы видимъ его учителемъ—сначала домашнимъ и школьнымъ, а потомъ народнымъ въ болѣе широкомъ значеніи этого слова (на подобіе Сократа или апостола Павла); онъ служитъ своей родинѣ просвѣтительною дѣятельностью. Въ самомъ уединеніи онъ не отдавался исключительно созерцанію, а писалъ сочиненія, которыя пускалъ въ обращеніе между друзьями. Главными предметами ихъ были—*религія и нравственность*. Тутъ онъ боролся, съ одной стороны, противъ суевѣрія, а съ другой—противъ атеизма. Въ области нравственной Сковорода также возставалъ, съ одной стороны, противъ утилитарнаго направленія XVIII в., заглушавшаго всѣ высшіе запросы духа, а съ другой—противъ узкаго пониманія христіанской морали, ограничивающейся нерѣдко выполненіемъ лишь церковной обрядности. Особенному осужденію онъ подвергаетъ лицемѣровъ. Въ противоположность этому онъ указывалъ на истинную святость древнихъ христіанскихъ подвижниковъ. Въ нравственной проповѣди Сковорода видѣлъ свой долгъ и даже свое призваніе свыше.

Сковорода былъ философъ въ классическомъ смыслѣ этого слова, воплотившій въ себѣ единство мысли и жизни. Онъ понималъ, что безъ стремленій и дѣятельности нѣтъ жизни, безъ

труда нѣтъ истинныхъ удовольствій, будетъ-ли то трудъ умственный, нравственный или физическій. Жизнь его самого представляла непрерывный трудъ и подвигъ—примѣръ для насъ всѣхъ достойный подражанія.

Рѣчь проф. А. С. Лебедева: „Г. С. Сковорода, какъ богословъ“.

Въ раскрытіи христіанскаго вѣроученія церковными учителями въ христіанской древности съ самаго же начала ясно обозначились два направленія богословской мысли. Одно, которому слѣдовали преимущественно западные—латинскіе писатели и крайнимъ представителемъ котораго былъ Тертуліанъ, полагало раскрывать христіанское вѣроученіе только на основаніи Писанія, понимаемаго при томъ въ его только непосредственномъ, буквальномъ смыслѣ, и преданія, не придавая въ дѣлѣ вѣры, по крайней мѣрѣ—принципіально, никакого значенія дѣйствию разума, какъ склоннаго только къ заблужденію. Съ принятіемъ христіанства, по мнѣнію Тертуліана, разрѣшаются всѣ вопросы ума, удовлетворяются всѣ потребности духа, такъ что всякое дальнѣйшее изслѣдованіе и вообще всякое внѣшнее, не изъ христіанства же заимствуемое, знаніе становится дѣломъ совершенно ненужнымъ, бесполезнымъ: „что общаго имѣютъ между собою Аѳины и Іерусалимъ, академія и церковь, ересь и христіанство?“ Языческая философія, въ глазахъ Тертуліана, есть порожденіе духовной лжи и представляетъ собраніе ложныхъ мнѣній, взаимно противорѣчивыхъ и уничтожающихся въ этомъ противорѣчии. Вѣра есть критерій нашего знанія и „незнать ничего противъ правила вѣры значитъ все знать“ (*Adversus regulam nil scire est omnia scire*).

Другое направленіе, которому слѣдовали преимущественно „восточные“ отцы и учителя церкви, въ особенности—писатели Александрійской школы (Климентъ, Оригенъ), старалось, напротивъ, привести въ связь, примирить вѣру съ знаніемъ; она допущала, что человѣкъ и естественными силами, безъ внѣшняго—положительнаго откровенія, при одномъ внутреннемъ воздѣйствіи на эти силы Божества, всегда близкаго къ человѣку, мо-

жетъ, если не вполне овладѣвать истиной, то по крайней мѣрѣ, значительно приближаться къ ней, какъ доказала это въ особенности эллинская философія, а тѣмъ болѣе можетъ активно своимъ умомъ воспринимать, разъяснять и утверждать для своего сознанія уже открытую истину. Такъ, св. Іустинъ, философъ и мученикъ, утверждалъ, что „сѣмя Божественнаго Слова“ насаждено Безконечнымъ Умомъ въ душѣ каждаго человѣка, благодаря чему язычники и могли познавать Бога; поэтому Іустинъ не затрудняется называть читателями Божественнаго Слова и даже прямо христіанами тѣхъ изъ язычниковъ, въ которыхъ полнѣе раскрывалось это Божественное Сѣмя (Сократа, Гераклита...), такъ какъ и они, въ сущности, были учениками того же Бога Слова, которое просвѣщаетъ людей и въ христіанствѣ. Подобно Іустину, и Климентъ Александрійскій училъ, что и въ мірѣ до-христіанскомъ „Слово Божественное ни отъ кого не было сокрыто; это—общій свѣтъ, свѣтящій всѣмъ людямъ; въ отношеніи къ слову нѣтъ Киммерійца“. Философія, по мнѣнію Климента, дана была Божественнымъ Провидѣніемъ для эллиновъ съ такою же цѣлю, съ какою законъ былъ данъ для іудеевъ, то есть—для путеводительства ко Христу. Какъ для спасенія іудеевъ Богъ благоволилъ посылать пророковъ, такъ и среди эллиновъ Онъ воздвигалъ отличнѣйшихъ мужей, которые имѣли такое же значеніе въ язычествѣ, какъ пророки въ іудействѣ. Изъ этихъ пророковъ въ язычествѣ Климентъ съ особымъ уваженіемъ относится къ Платону, называя его другомъ истины, боговдохновеннымъ, учителемъ благочестія—и въ своихъ сочиненіяхъ нестѣсненно пользуется его идеями (также, какъ идеями и другихъ философовъ, даже Епикура, только не называя его), особенно въ области этики. Подобнымъ же образомъ смотрѣлъ на эллинскую философію и знаменитый ученикъ Климента—Оригенъ, а также и такіе высокіе авторитеты, такіе столпы церкви на востокѣ, какъ Василій Великій, Григорій Богословъ, Максимъ Исповѣдникъ. Цѣня высоко философію, какъ путеводительницу ко Христу, восточные учителя церкви полагали, что ея просвѣтительное значеніе, ея служеніе интересамъ христіанства не кончаются и въ христіанствѣ: здѣсь она служитъ къ

сознательному усвоенію и утвержденію вѣры, къ возведенію вѣры на степень высшаго знанія. По мнѣнію Климента, весьма важна услуга философіи (и вообще научнаго образованія), между прочимъ, и для изъясненія Писанія: какъ при обработкѣ и воздѣлываніи виноградника примѣняются разнообразныя работы при помощи разнообразныхъ орудій—съ цѣлью полученія отъ виноградника наилучшаго и обильнѣйшаго плода, такъ и при изъясненіи Писанія, съ цѣлю постиженія въ немъ истиннаго смысла—этого драгоцѣннаго въ духовномъ виноградникѣ (Писанія) плода, нужно пользоваться, какъ бы орудіями для обработки этого виноградника, разнообразными знаніями, съ философіей во главѣ. Въ Библии церковные учителя разсматриваемаго направленія, само собою понятно, видѣли, согласно со всѣмъ христіанскимъ міромъ, высшее откровеніе божественной истины, заключенной въ этой священной книгѣ; для этого, по понятіямъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ особенности—опять тѣхъ же александрійцевъ, никакъ нельзя довольствоваться буквальнымъ смысломъ Писанія, а нужно посредствомъ аллегорическихъ объясненій открывать въ немъ внутренней смыслъ, скрытый подъ покровомъ образнаго представленія. Этотъ аллегоризмъ въ изъясненіи Писанія особенно широкое примѣненіе имѣлъ у Оригена, который находилъ, что буквальное пониманіе Писанія ведетъ къ заблужденіямъ, и въ буквѣ Писанія видѣлъ только скорлупу, скрывающую зерно,—тѣло, заключающее духъ.

Въ писаніяхъ богослововъ восточной церкви съ такимъ направленіемъ богословской мысли, въ особенности въ писаніяхъ Александрійцевъ, несомнѣнно и заключается источникъ богословствованія Сковороды; здѣсь—полное объясненіе его богословскаго метода, а вмѣстѣ съ нимъ, въ значительной степени, и самыхъ воззрѣній. Глубокое убѣжденіе Сковороды, что „дышетъ вездѣ оживляющій всѣхъ Духъ Господень“, что „истина открывалась Богомъ не однимъ іудеямъ и христіанамъ, но и язычникамъ, равно какъ добрая нравственность не есть принадлежность однихъ христіанъ, такъ какъ и въ древнемъ языческомъ мірѣ перѣдко процвѣтала высокая нравственность“, признаніе за языческими филозофами высокаго просвѣтительнаго

значенія и вслѣдствіе того широкое пользованіе ихъ идеями (идеями Сократа, Платона, Стоиковъ и самаго даже Епикура), въ убѣжденіи, что „не очень погано изъ языческаго навоза собирать золото“, и наконецъ, вообще признаніе Сквородою за разумомъ права широкаго участія въ дѣлахъ вѣры, участія въ разъясненіи религиозныхъ вопросовъ, между прочимъ—въ изъясненіи писанія, которое можетъ спасать и губить, просвѣщать и омрачать, смотря потому, какъ относиться къ нему, какъ объяснить и понимать его,—все это, очевидно, имѣетъ прямую аналогію съ приемами богословской мысли и богословскими воззрѣніями означенныхъ учителей христіанской древности.

Согласіе Сквороды, по его богословствованію, съ древними церковными учителями, повидимому понимали и его современники, конечно болѣе просвѣщенные. Этимъ-то, можетъ быть, и нужно объяснить то обстоятельство, что Скворода могъ свободно развивать свое богословствованіе, не подвергаясь за то, со стороны власть имущихъ, какимъ либо непріятностямъ. Только крайнее и пошлое невѣжество ополчалось на Сквороду, да и оно, повидимому, мало касалось самой сути его богословскаго міросозерцанія, а больше нападало на Сквороду съ другихъ сторонъ, выдвигая нелѣпныя обвиненія: будто онъ осуждаетъ употребленіе мяса и вина, чуждается общества, не имѣетъ любви къ ближнему, живетъ мизантропомъ. Все же болѣе просвѣщенное—и не только въ свѣтскомъ обществѣ, но и въ духовенствѣ—положительно было на его сторонѣ. Просвѣщенный епископъ Бѣлогородскій Іоасафъ Миткевичъ весьма благосклонно относился къ Сквородѣ, предложилъ ему должность учителя въ Харьковскомъ коллегіумѣ и усердно склонялъ его къ принятію монашества, обѣщая довести его скоро до высокаго іерархическаго сана, чего, конечно, ни въ какомъ случаѣ не могло-бы быть, если-бы архипастырь сомнѣвался на счетъ образа его мыслей. Съ нѣкоторыми лицами благаго духовенства, какъ видно—лучшими и достойнѣйшими членами клира, Скворода находился въ дружеской перепискѣ. Наконецъ, сами монахи, убѣждая его принять монашество, говорили: „намъ извѣстны твои таланты, ты

будешь столпомъ церкви и украшеніемъ обителя“.—Значить, то же не имѣли ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ доброкачественности его убѣжденій.

Рѣчь проф. Д. И. Багалѣя. „Ученіе, жизнь и значеніе Г. С. Сковороды“.

Для того, чтобы рѣшить вопросъ о значеніи Г. С. Сковороды, необходимо обратить вниманіе на его ученіе и жизнь. Прежніе изслѣдователи называли Сковороду то украинскимъ Сократомъ, то украинскимъ Діогеномъ, Пифагоромъ, Лейбницемъ, Оригеномъ, Ломоносовымъ, Новиковымъ. Но онъ уже самъ запротестовалъ противъ этихъ сравненій (Ломоносовъ, говорилъ онъ, не есть казенная сажень, которою можно мѣрять всѣхъ). Не дали ключа къ разъясненію его ученія и клички „мистикъ“ и „раціоналистъ pure sang“. Поэтому мы постараемся охарактеризовать его міросозерцаніе на основаніи всей совокупности его учено-литературныхъ трудовъ, какъ изданныхъ, такъ и неизданныхъ.

Сковорода въ одно и то же время былъ и философомъ и религиознымъ мыслителемъ: философія была его религіей и религія философіей. Всѣ его сочиненія проникнуты религиознымъ направленіемъ и въ общей совокупности своей отличаются необыкновенною цѣльностью, стройностью и послѣдовательностью; вотъ почему нельзя ихъ расчленять на философскія и богословскія; оба эти элемента у него сливаются органически и образуютъ нѣчто единое и цѣльное. Да и самъ Сковорода называлъ свою философію *христіанской философіей* и давалъ одинаковыя опредѣленія ей и Библии. Но будучи религиознымъ мыслителемъ, онъ въ то же время оставался истиннымъ философомъ, ибо ставилъ цѣлью жизни разысканіе истины. Сущность его христіанской философіи заключалась въ проповѣди *господства единой субстанции—Духа, царящаго надъ матеріей, которая является его вѣчнымъ атрибутомъ*. Во всемъ мірѣ мы видимъ два начала—Духъ и матерію: въ природѣ, въ мірокосмосѣ (маленькомъ мірѣ или человѣкѣ) и символическомъ мірѣ

(или Библии); оба эти начала совмѣщаются другъ съ другомъ, какъ тѣнь съ деревомъ; но изъ нихъ имѣетъ значеніе только одно (Вѣчность), хотя люди очень часто отдають предпочтеніе видимому надъ невидимымъ. И вотъ Скворода старается опровергнуть это заблужденіе; къ этому направлены всѣ его сочиненія; въ этомъ его *новый* взглядъ на вещи, діаметрально противоположный тому, который господствовалъ съ современнымъ ему обществѣ. Особенно важное значеніе придавалъ онъ духовному началу въ человѣкѣ, которое отождествлялъ съ человѣческой мыслью, давая движенію этой послѣдней полный просторъ, и съ этой же высшей точки зрѣнія (аллегорически) онъ объяснялъ и Священное писаніе, въ которомъ особенно замѣтны слѣды Божіи, слѣды Духа, слѣды Вѣчности. Такимъ образомъ, его міросозерцаніе, не смотря на проповѣдь *двухъ* началъ, должно быть названо *монизмомъ*. Происхожденіе міра тлѣннаго онъ объясняетъ, какъ актъ воли Вѣчнаго, пожелавшей облечь совершенство свои въ явленіе видимости. Но между другими тварями и человѣкомъ огромная разница: ихъ отдѣляетъ свободная воля этого послѣдняго. Цѣль человѣческой жизни состоитъ въ Богопознаніи и самопознаніи, которыя въ конечныхъ цѣляхъ своихъ сходятся; они же необходимы и для міропознанія. Средствомъ познанія является разумъ, но на ряду съ нимъ нужна и вѣра: она начинается тамъ, гдѣ кончаются предѣлы разума; вѣра же необходима и для любви, составляющей основу христіанской этики.

Изъ такого міросозерцанія Скворода логически выводилъ и свою *теорію счастья*. Доказавъ, что верховное начало во всемъ мірѣ есть Вѣчность, Скворода заключаетъ, что и свое счастье мы должны основывать на немъ, какъ на единственно прочномъ, ибо все остальное, на чемъ обыкновенно стараются утверждать свое благополучіе (богатство, здоровье и т. п.), неустойчивое и не всеобщее. Только въ такомъ случаѣ счастье окажется достижимымъ для всѣхъ и даже нетруднымъ. Счастье внутри насъ: оно есть нашъ душевный миръ; познавъ себя, мы найдемъ этотъ душевный миръ; а познать себя—значитъ подмѣнить свои природныя наклонности, которыя даетъ намъ Богъ,

подобный „богатому фонтану, наполняющему различные сосуды, по ихъ вмѣстимости. Надъ фонтаномъ надпись: *неравное всѣмъ равенство*. Льются изъ разныхъ трубокъ разные токи въ разные сосуды, вокругъ фонтана стоящіе. Меньшій сосудъ менѣе имѣетъ, но въ томъ равенъ есть большому, что равно есть полный“. Исходя изъ такого пониманія счастья, Сковорода, естественно, восхвалялъ простоту жизни (но не аскетизмъ) и удовольствія, вытекавшія изъ непосредственнаго общенія съ природой. Изъ своей мысли о самопознаніи и врожденности способностей онъ выводилъ и *систему воспитанія*. И здѣсь онъ выступаетъ на защиту внутренняго духовнаго начала и потому на первый планъ выдвигаетъ нравственное развитіе, но рядомъ съ нимъ ставитъ умственное, физическое и эстетическое образованіе. Главное дѣло въ воспитаніи подмѣтитъ природныя склонности ребенка; природа—это единая истинная наставница; нужно только не мѣшать ей, а очищать дорогу. Эту же идею *господства Духа надъ внѣшностью* Сковорода проводитъ и въ своихъ воззрѣніяхъ на христіанство. Источникомъ христіанской религіи онъ признаетъ Библию, хотя и вооружается противъ буквальнаго ея пониманія; но между нимъ и французскими скептиками XVIII в. огромная разница. Для него Библия это болѣе чѣмъ священная книга, это единственная книга познанія, это—Самъ Богъ, говорящій къ людямъ образнымъ языкомъ. Однако, ставя такъ высоко Библию, Сковорода относится съ полнымъ уваженіемъ и къ свѣтской наукѣ. Ратуя за духовную сторону христіанства, онъ сильно вооружается противъ всѣхъ тѣхъ, которые сводили его къ одной обрядности, ибо одинъ обрядъ, безъ высшаго смысла, въ него вложеннаго, безъ глубокой вѣры и любви, недостаточенъ. Особенно рѣзко онъ возставалъ противъ ханжей и лицемѣровъ.

Таково въ общихъ чертахъ ученіе Сковороды. Въ немъ стройно сочетались взгляды на міръ, человѣка и Бога, гармонически слились умозрѣніе и мораль. Сковорода создалъ высокій нравственный *идеалъ* и самъ для себя выбралъ, съ житейской точки зрѣнія, наиболѣе трудный путь. Въ немъ мы, такимъ образомъ, видимъ довольно рѣдкій примѣръ полнѣйшей

гармоніи между ученіемъ и жизнью: онъ жилъ такъ, какъ училъ, и училъ такъ, какъ жилъ. Начертанный имъ идеаль онъ осуществилъ въ своей собственной жизни во всей его цѣлостности, полнотѣ и неприкосновенности. Онъ *сознательно* избралъ себѣ жизненный путь и шелъ по немъ прямо до самой смерти, не свернувъ ни разу ни направо, ни налево. Ему нѣсколько разъ дѣлали самыя заманчивыя предложенія, но онъ постоянно отказывался отъ нихъ и оставался бездомнымъ, безсемеиннымъ стражникомъ, чтобы быть мудрецомъ и учителемъ народа въ широкомъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Его „недѣланіе“ состояло на самомъ дѣлѣ въ непрерывной работѣ ума и сердца,—въ составленіи философскихъ трудовъ, въ нравственномъ совершенствованіи. Его жизнь требовала сильнаго подъема духа и съ этой точки зрѣнія можетъ быть названа постояннымъ *подвигомъ*; иногда въ такомъ состояніи онъ доходилъ до религіознаго экстаза и тогда изображалъ и себя самого (напримѣръ, въ „Борьбѣ архистр. Михаила съ сатаною“). Но какъ въ ученіи, такъ и въ жизни, онъ не былъ мрачнымъ *пессимистомъ*; его міросозерцаніе и жизнь, гармонически примиренныя, давали ему внутреннее счастье и оптимизмъ. Конечно, такой полной гармоніи онъ достигъ не сразу. Критическимъ, переходнымъ моментомъ въ его жизни было то время, когда онъ оставилъ педагогическую дѣятельность и предался въ „пустынь“ философскимъ трудамъ. Создавъ своимъ разумомъ себѣ міросозерцаніе, онъ окончательно укрѣпилъ его въ себѣ чувствомъ и сдѣлалъ изъ него религію. Жизнь его отличалась простотою, благодушіемъ, удаленіемъ отъ всякихъ излишествъ, близостью къ природѣ, дѣятельною любовью къ ближнему, полнымъ безсребренничествомъ. Сосредоточившись исключительно на духовномъ Богопочтаніи, онъ *лично* для себя считалъ ненужными нѣкоторые обряды, но не былъ фанатикомъ и здѣсь и умеръ, выполнивъ ихъ, по просьбѣ своего друга и по любви христіанской. Умеръ онъ такъ, какъ подобало философу, съ его взглядами на смерть, какъ на средство сбросить съ себя ветхую временную ризу и слиться съ Вѣчностью, съ Богомъ.

Въ вопросѣ о значеніи Сковороды нужно различать 2 стороны—вліяніе его идей на общество и степень ихъ оригинальности. Сковорода былъ не только *мыслитель*, но и *проповѣдникъ*, стремившійся къ распространенію своего ученія въ современномъ ему обществѣ и достигавшій этого, какъ посредствомъ сочиненій, такъ и посредствомъ живой устной проповѣди; огромное значеніе имѣлъ также примѣръ его собственной жизни. Сочиненія его (въ рукописяхъ) находили себѣ широкое распространеніе не только въ Украинѣ, но и далеко за ея предѣлами. Въ теченіе 30 лѣтъ своей *страннической* жизни Сковорода сталкивался съ массою лицъ изъ всѣхъ слоевъ общества; у многихъ изъ нихъ онъ проживалъ подолгу. Онъ жилъ въ монастыряхъ и у священниковъ, съ которыми велъ потомъ дружескую переписку и проводилъ въ ней свои взгляды. Лучшіе представители дворянскаго сословія считали его своимъ другомъ (его ученикъ тайный совѣтникъ и прокуроръ Ковалинскій, А. Ковалевскій, Шидловскій, Тевяшовъ, Розальонъ-Сошальскій и др.). Самъ Сковорода прямо призывалъ дворянство къ дѣлу умственнаго и нравственнаго просвѣщенія всего народа; онъ же подготовилъ его и къ воспріятію мысли объ основаніи въ Харьковѣ университета. Не меньшимъ уваженіемъ и вліяніемъ Сковорода пользовался и среди горожанъ, о чемъ свидѣтельствуетъ дружба его съ ревнителемъ просвѣщенія городскимъ головою Е. Е. Урюпинымъ. Но особенно любилъ онъ простой народъ, который платилъ ему тѣмъ же и доселѣ удержалъ въ памяти его нравственныя наставленія, сдѣлавъ ихъ своимъ духовнымъ достояніемъ. Сковорода родился и въ свое время и на своемъ мѣстѣ: онъ является естественною реакціей противъ исключительнаго господства матеріальныхъ интересовъ въ Слободско-Украинскомъ обществѣ XVIII в.; самая проповѣдь и жизнь его вылились въ ту форму, которую давно уже выработала старая Малороссія съ ея „мандрованными“, т. е. странствующими учителями. Его ученіе не умерло вмѣстѣ съ нимъ; и онъ могъ сказать о себѣ: *не всуе текохъ, се умираю не безчаденъ*.

Сковорода—самородокъ; и ученіе его не было *эклектичскимъ*; наибольшее духовное родство у него было не съ мисти-

нами, не съ массонами, а съ отцами церкви. Узнавъ теперь Сквороду, какъ писателя, мы должны будемъ отвести ему извѣстное мѣсто и въ исторіи русской литературы XVIII в., и въ исторіи русскаго языка, и въ исторіи украинской словесности XVIII и XIX вѣка. Но онъ имѣеть не одно только *антикварное* значеніе. Если привести богатое содержаніемъ идейное наслѣдіе Сквороды къ общимъ формуламъ, то окажется, что онъ проводилъ *общечеловѣческіе идеалы, которыми живетъ и наше время*: стремленіе къ нравственному возрожденію личности, неуклонное исканіе истины, принципъ широкой религіозной терпимости, борьбу съ суевѣріями, демократизмъ, выражавшійся въ желаніи дать просвѣщеніе и низшимъ классамъ общества, полное соотвѣтствіе между словомъ и дѣломъ. И не повторяется ли теперь то просвѣтительное движеніе, которое одиноко велъ у насъ въ степной глуши Скворода, а среди цвѣта московской интеллигенціи Новиковъ? Помянемъ же добрымъ словомъ „старичка“ Сквороду, работавшаго для своего края, но внесшаго свою лепту и въ культурное богатство всей Россіи и чело-вѣчества.

Омельянъ Огоновскій.

(Некрологъ).

16 октября текущаго года скончался во Львовѣ одинъ изъ наиболѣе сильныхъ представителей науки и общественной жизни въ Галиціи, докторъ философіи, профессоръ русскаго языка и литературы во Львовскомъ университетѣ, членъ разныхъ обществъ и академій *Омельянъ Огоновскій*.

Безспорно, для науки и галицкой жизни смерть эта, и притомъ неожиданная (отъ удара), чувствуется очень и очень сильно. Личность покойнаго и его ученые труды вполне заслуживаютъ обстоятельнаго знакомства съ собой, для чего въ данный моментъ редакція наша не имѣетъ еще всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ, почему и откладываетъ болѣе обширную статью съ оцѣнкой дѣятельности О. Огоновскаго до ближайшихъ номеровъ будущаго года; теперь-же она считаетъ себя обязанной и передъ читателями, и еще болѣе передъ памятью покойнаго сказать хоть нѣсколько словъ о немъ, передавъ краткія біографическія свѣдѣнія, а также указавъ на главнѣйшіе труды его въ области науки, литературы и общественности.

Омельянъ Огоновскій родился въ 1833 г. въ с. Григоровѣ (стрыйскаго округа), гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Дѣтство провелъ онъ въ домѣ родительскомъ, среди 11 душъ братьевъ и сестеръ, гдѣ, конечно, получилъ и первые уроки грамоты. Школьную науку, сначала въ нормальной школѣ, а затѣмъ въ шести классахъ гимназическихъ, прошелъ онъ въ Бережанахъ,

седьмой и восьмой классы закончилъ въ академической гимназiи во Львовѣ въ 1853 году. Пропедши затѣмъ курсъ Богословія, въ 1857 году онъ получилъ первое преподавательское мѣсто „мовы руской“ въ академической гимназiи во Львовѣ, а затѣмъ послѣдовательно, выдерживая новые экзамены, занималъ онъ мѣсто гимназическаго преподавателя и по другимъ предметамъ. Въ 1865 году выдержалъ онъ испытаніе на доктора-философіи и свободныхъ искусствъ, вслѣдствіе чего „школьна рада краева“ утвердила его въ званіи *дѣйствительнаго учителя гимназiи* и дала ему титулъ *профессора*. Почти одновременно съ этимъ, когда извѣстный Яковъ Головацкій покинулъ кафедру во Львовскомъ университетѣ, переселившись въ Россію, О. Огоновскій появляется на кафедрѣ „руской мовы“ въ качествѣ „суплента“ въ университетѣ; затѣмъ, прослушавъ курсъ у такой знаменитости филологіи, какъ Миклошичъ, онъ получилъ кафедру *дѣйствительнаго профессора* университета, а написавъ научное изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Ueber die Praepositionen in der Altslovenischen Sprache“, съ 3 ноября 1870 года сталъ именоваться „звычайнымъ публичнымъ профессоромъ“ и занималъ это положеніе до самой смерти, т. е. 24 года.

Этотъ труженикъ науки въ теченіе своей жизни выступалъ въ разныхъ родахъ писательства, почему оцѣнку его литературной работы произвести не легко. Начались его первые опыты еще тогда, когда онъ былъ ученикомъ 5-го класса гимназiи, но писательство это, почти еще дѣтское, было на нѣмецкомъ языкѣ и не носило на себѣ и по основной мысли никакихъ національных примѣтъ. Выступаетъ-же онъ впервые, какъ сознательный патріотъ, въ 50-хъ годахъ, помѣщая въ альманахахъ стихи и повѣсти на „рускомъ“ языкѣ. Между прочимъ, когда въ 1860 году изданъ былъ знаменитый въ своемъ родѣ альманахъ „Зоря Галицка на 1860 годъ“, О. Огоновскій выступилъ въ немъ съ своей стихотворной повѣстью „Крестъ; оповѣданье изъ временъ наѣздовъ татарскихъ“ (стр. 86—99), гдѣ рѣчь является слишкомъ еще колеблющеюся и мало имѣющею отпечатка народности, какъ напр.:

„Чѣмъ разь ближе мчатся тучи,
Окружили гдѣсь дремучій
Повитались съ деревьями,
Обнимаю ихъ крылами.

Начавъ, такимъ образомъ, дѣятельность свою, какъ сознательный патріотъ, О. Огоновскій съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе энергично выступаетъ на литературномъ и научномъ полѣ, давъ большое разнообразіе не только темъ своихъ работъ, но и самаго характера ихъ. Не имѣя возможности теперь останавливаться на подробномъ перечнѣ всѣхъ ихъ, мы отсылаемъ пока интересующихся этимъ вопросомъ къ статьѣ Василя Лукича (Зоря 1892 г. число 1), гдѣ указаны пять главныхъ отдѣловъ его учено-литературныхъ работъ: 1) произведенья научныя и литературныя на родномъ языкѣ 2) статьи критическія; 3) книжки для народнаго чтенія; 4) книжки школьныя; 5) научныя произведенія на иностранныхъ языкахъ.

Изъ всѣхъ этихъ произведеній для насъ оказываются наиболѣе интересными тѣ его работы, которыя больше всего доставили ему славу и извѣстность въ украинскомъ мірѣ и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ больше всего порождали всякихъ толковъ и пересудовъ. Мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ два его труда: одинъ—на нѣмецкомъ языкѣ „*Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache*“; другой—„Исторія литературы русской“, громаднй трудъ, который начался печатаніемъ въ 1886 г. въ газетѣ „Зоря“ и выходилъ затѣмъ отдѣльными томами, но которому такъ и не суждено быть оконченнымъ.

Что касается перваго труда, то онъ представляетъ обстоятельно прослѣженный рядъ явленій фонетическихъ и словообразовательныхъ на всемъ пространствѣ малорусской рѣчи, какъ въ Россіи, такъ и въ Галиціи, служа основой для изученія современнаго народнаго языка и созданія на этихъ основахъ формъ литературныхъ, хотя на это послѣднее обращено очень мало вниманія самимъ авторомъ, который, предоставляя другимъ воспользоваться этой своей работой для цѣлей практическихъ, самъ впоследствии составилъ, въ видѣ практическаго результата своихъ прежнихъ работъ, „Граматику рускаго языка для школъ середнихъ“ (изд. 1889 г.).

Объ „Исторіи литературы русской“ говорить теперь много не буду, такъ какъ работа эта заслуживаетъ обстоятельной и серьезной оцѣнки, тѣмъ болѣе, что о части ея высказано было не такъ давно мнѣніе А. Н. Пыпина, произведшее въ разныхъ кругахъ нашего и галицкаго культурнаго общества самыя разнородныя впечатлѣнія. Разбираться въ этомъ сложномъ и запутанномъ вопросѣ теперь не такъ-то просто и легко; скажемъ только, что хотя на сравнительно очень рѣзкій отзывъ А. Н. Пыпина отгѣчалъ самъ авторъ (въ газ. „Дѣло“ 1890 г. и отд. оттиски подъ заглавіемъ „Моему критику“), но къ его отвѣту можно-бы прибавить еще много, за то и въ статьѣ А. Н. Пыпина не все можно отвергать. Однимъ словомъ, мы считаемъ теперь умѣстнымъ оставить совершенно въ сторонѣ этотъ спорный пунктъ и обратить вниманіе только на то, что какого-бы мнѣнія кто ни былъ объ исторіи литературы О. Огоновскаго, но всякій безпристрастный критикъ долженъ признать, что трудъ этотъ, по кропотливости работы, по многосложности собранія разрозненныхъ свѣдѣній, безспорно составляетъ громадную заслугу автора, открывая будущимъ изслѣдователямъ болѣе расчищенный путь и предоставляя въ ихъ распоряженіе богатые бібліографическія справки.

Нельзя не указать и еще на одну, послѣднюю изъ крупныхъ его работъ—изданіе въ прошломъ году полного „Кобзара“ Т. Шевченка съ опытомъ научнаго толкованія и разъясненія разныхъ мѣстъ его поэзіи, а также съ большою біографическою и критическою статьею о немъ.

Но помимо научныхъ и литературныхъ трудовъ, какъ мы сказали, Омелянъ Огоновскій былъ извѣстенъ во всей Галиціи, какъ искренній, горячій патриотъ, честный борецъ за свою народность, для котораго, среди научныхъ занятій, живымъ огнемъ всегда свѣтилъ лучъ надежды на лучшее будущее для своего народа. Живучи вдали отъ галицкаго міра, мы не станемъ высказывать нашихъ мнѣній о роли О. Огоновскаго, какъ политическаго дѣятеля, а повторимъ только слова одного изъ некрологовъ его, помѣщенныхъ въ галицкихъ газетахъ, вѣря, что въ словахъ этихъ звучитъ искренняя нота сознательнаго галиц-

каго патріота. „Неожиданная смерть этого многозаслуженнаго челоѣка глубоко опечалила Львовскихъ русиновъ; вѣроятно, чувство печали такъ-же глубоко сознаетъ и вся Русь, когда услышитъ, что не стало д-ра Омеляна Огоновскаго, одного изъ наилучшихъ сыновъ Руси-Украины, котораго издавна мы привыкли видѣть въ ряду первыхъ подвижниковъ нашихъ не только на полѣ науки, но и на полѣ практической работы для нашего народнаго дѣла; что не стало челоѣка непоколебимыхъ національныхъ убѣжденій, челоѣка съ характеромъ, способнаго всегда неустрашимо постоять за каждое народное дѣло; что не стало челоѣка рѣдкихъ общественныхъ и личныхъ добродѣтелей“.

В. Н—ко.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Риторика двадцатыхъ годовъ въ Волынской семинаріи. Въ 1816 г. императоръ Александръ I посѣтилъ Волынскую семинарію. Въ день посѣщенія (3 декабря) ему была поднесена волынскими семинаристами ода, начало которой мы здѣсь приводимъ.

Великъ, кто Россами владѣя,
Чудесной славой гремитъ;
Полсвѣта областей имѣя,
Народомъ править, правду зрить,
Отъ льдистыхъ береговъ полночныхъ,
До тихихъ струй морей восточныхъ,
Свой простирая скиптръ и тронъ;
Кого чтутъ Иверски народы,
Чей слышать гласъ Хвалынски воды,
Сарматамъ пишетъ кто законъ;
Великъ,—но болѣе сіяетъ величіемъ,
Величіемъ своихъ добротъ,
Любовью кротостью блистаетъ,
Источникъ многихъ льетъ щедротъ
Великій внукъ Екатерины.
Въ Россіи насаждая крины
Безсмертія—вновь древній Титъ
Воскресъ въ душѣ Маріи сына.
Въ немъ видна кротость Антонина,
Народъ Славянъ отца въ немъ зрить...

Это «юныхъ музъ стихотворенье», полное «жара Менандра» и испещренное классическими кринами,—вполнѣ отвѣчало характеру энциклопедическаго, классико-риторическаго образованія того времени.

«Scientia rerum divinarum humanarumque» въ семинаріи было такъ обширно, обнимало такое множество разныхъ наукъ, что со-

временный педагогъ, принимающій въ соображеніе умственные силы ученика, затруднился бы разсчитать для своего воспитанника сложный и тяжелый курсъ семинарскаго обученія 20-хъ годовъ. Въ составъ прежняго семинарскаго курса входили всѣ извѣстныя въ то время богословскія науки. Словесность, языки и философія преподавались въ широкомъ объемѣ. Математикѣ и естествовѣдѣнію отводилось почетное мѣсто. Медицина и сельское хозяйство тоже не были забыты старымъ семинарскимъ курсомъ.

Другой вопросъ, насколько основательно все это усвоилось учениками. Можно думать, что эта именно многопредметность и была причиною недостаточности семинарскаго образованія. Дидактика, построенная на энциклопедической системѣ знаній, самая слабая. А такая именно система и господствовала въ семинарской дидактикѣ прошлыхъ временъ. Знать *все* въ неопредѣленномъ, силуэтическомъ видѣ и *ничего* основательно—было удѣломъ семинариста. Только въ самое послѣднее время система многознанія значительно ослаблена въ семинаріяхъ предпочтеніемъ специальныхъ богословскихъ наукъ предъ другими науками не богословскаго характера.

До какой степени широка была въ семинаріяхъ 20-хъ годовъ программа обученія, объ этомъ можно судить между прочимъ по сохранившимся старымъ семинарскимъ запискамъ (печатныхъ учебниковъ тогда было немного). Познакомимъ читателей съ небезынтересными записками одного изъ учениковъ волынской духовной семинаріи 20—30-хъ годовъ по словесности.

Толстая книжка in 4°, въ 528 страницъ толстой синей бумаги, исписана очень мелкимъ почеркомъ и озаглавлена «Курсъ словесныхъ наукъ». Курсъ дѣлится на слѣдующіе отдѣлы и главы.

Отдѣлъ первый заключаетъ предварительныя о словесности свѣдѣнія и слѣдующія три части. Часть первая—«словесныхъ наукъ теоретическая»—показываетъ «метафизическое свойство» произведеній» и дѣлится на три главъ: первая трактуетъ объ изящномъ вкусѣ съ субъективной стороны; вторая объ изящномъ съ объективной стороны (о прекрасномъ и высокомъ); третья—о гениі. Каждый изъ отдѣловъ имѣетъ подотдѣлы съ многочисленными рубриками (въ родѣ—опредѣленія сего качества вообще и въ частностяхъ, возможность, необходимость сего качества, согласіе его съ умомъ, волею и сердцемъ и т. п.). Часть вторая—«словесныхъ наукъ практическая»—изъясняетъ «физическое или внѣшнее свойство словесныхъ произведеній». Эта часть имѣетъ введеніе къ

своему отдѣлу и двѣ главы. Первая глава— «аналитика человѣческаго слова» или «всеобщая грамматика (съ отдѣлами о словѣ устномъ, о словѣ письменномъ)». Вторая глава— два главные вида слова внѣшняго съ отдѣлами— о поэзіи, вообще, и, въ частности, о поэзіи божественной и поэзіи человѣческой. Въ отдѣлѣ послѣдней излагается исторія поэзіи человѣчества съ древнѣйшихъ временъ до послѣдняго времени. Часть третья— о родахъ поэзіи:— лирической (къ ней относятся: гимны, пеаны, дифирамбы, оды торжественныя, схолиа, рапсодіи, элегіи и героиды), дидактической (воспѣваніе «дѣяній отличныхъ людей», поэзія историческая и философская), эпической (эпопеи), драматической (комедіи, трагедіи, драма въ собственномъ смыслѣ и опера) и о поэзіи смѣшанной (ораторія, романсъ, простая пѣснь, идиллія, эклога, баснь, баллада, ироикомическая поэма, поэзія эпиграмматическая, каламбуры, эпитафіи, эпиталамы, саркофасы, портретграммы, урнограммы, мадригалы, сонеты, рондо, тріолеты, загадочная поэзія, логографы, шарады, омонимы и анаграммы).

Второй отдѣлъ «курса словесныхъ наукъ» заключаетъ ученіе о краснорѣчии. Послѣ многихъ опредѣленій краснорѣчія (Аристотеля, Θεодора Гадарійскаго, Корнелія-Цельса, Аѳеней, Квинтиллиана и друг.) и предварительныхъ разсужденій о краснорѣчии, слѣдуетъ изложеніе «исторіи краснорѣчія» (у древнихъ грековъ, римлянъ, первенствующихъ христіанъ, у англичанъ, у французовъ, германцевъ и россіянъ).

Затѣмъ, подробныя изслѣдованія въ трехъ членахъ: первый— о рѣчи ораторской (о расположеніи и изложеніи рѣчи, о видахъ и качествахъ слова), второй— о краснорѣчии древнемъ (роды древняго краснорѣчія: изобразительный— *demonstrativum*, совѣщательный— *deliberativum* и судебный), третій— о краснорѣчии новѣйшемъ— гражданскомъ, церковномъ и общеупотребительномъ. Къ гражданскому краснорѣчію относятся рѣчи воинскія, судебныя и др. Обыкновенное или внѣшнее краснорѣчіе составляютъ: письма, разговоры, исторіи и похвальные рѣчи.

Третій отдѣлъ «о критикѣ»— послѣдній, самый краткій изъ всѣхъ отдѣловъ. Критика опредѣляется, какъ судъ произведеній истинныхъ для отличія ихъ отъ ложныхъ, и раздѣляется на критику божественныхъ писаній и человѣческихъ. Въ заключеніи изложены правила критики.

Особенною обстоятельностью изложенія отличается второй отдѣлъ—ученіе о краснорѣчїи. Слѣды разныхъ замѣтокъ на поляхъ, поправокъ и замѣтокъ свидѣтельствуютъ, что онъ проходилъ обстоятельно прочихъ. «Исторія краснорѣчїа» изложена полно и представляетъ собою длинную номенклатуру поэтовъ и ихъ произведеній. Вотъ между прочимъ, перечень греческихъ поэтовъ, характеристикъ которыхъ посвящены въ курсѣ *особые параграфы*: Ореей («уроженецъ еракійскій», спутникъ аргонатовъ, жилъ около 2748 лѣтъ отъ сотворенія міра), Музей, Гомеръ, Гезіодъ, Тиртей, Солонъ, Θεогнисъ, Фонимедъ, Пивагоръ, Анакреонъ, Сафо («славная стихотворица»), Пиндаръ, Эсхиль, Софокль, Эврипидъ, Мекафронъ, Аристофанъ, Филемонъ, Менандръ, Θεокритъ, Каллимахъ, Аратъ, Клеанъ, Аполлоній родосскій (который въ 3880-хъ годахъ отъ сотворенія міра преподавалъ въ Родосѣ «правила реторики»), Мосхъ, Біонъ, Никандръ, Онпїенъ, Ноннъ, Мелеагръ, Филиппъ Θεссалійскій, Стратонъ, Агаѳіасъ, Константинъ Кефеласъ. Этотъ длинный перечень греческихъ поэтовъ, начатый Орееемъ, оканчивается Максимомъ Плакудїемъ (константинопольскимъ монахомъ XIV в.). Затѣмъ слѣдуютъ римскіе поэты, солійскіе жрецы, Ливій Андроникъ, Кней Нэвій, Квинтъ Энній, Акцій Плавтъ, Пакувій, Акцій-Аттей, Терренцій-Африканъ, Луциллій, Лукрецій-Коръ, Валерій-Катуллъ, Альбій Тибулъ, Вестъ Аврелій Проперцій, Корнелій Галлъ, Публій Виргилій Маронъ, Горацій Флаккъ, Овидій Назонъ, Корнелій Северъ, Педо Альбинованъ (отъ котораго до насъ дошла только одна «удивительная поэма»), Грацій Феликсъ, Публій Сирусъ, Маркъ Манилій, Кесарь Германикъ, Федръ Фракійскій, Авлъ Персїй Флаккъ, Люцій Анней Сенека, Анней Луканъ, Валерій Флаккъ, Силій Италикъ, Петиній Сацій, Валерій Марціалъ, Децимъ-Юлій-Ювеналъ, Авій-Флавій, Діонисій Катонъ, Аврелій-Олимпій Немезіанъ, Титъ-Юлій-Канкурній, Магнусъ-Авзоній, Клавдій-Клавдіанъ, Аврелій-Пруденцій, Целій Седулій и Клавдій-Рутилій-Нумензіанъ. За греко-римскою литературою слѣдуетъ литература «у Персовъ и Аравлянъ» у древнихъ галловъ, британцевъ и скандинавцовъ и, наконецъ, у новѣйшихъ народовъ: у италіанцевъ (у которыхъ встрѣчаются впервые трубадуры—«сіи искры поэзіи»), французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, поляковъ и, наконецъ, «россіянъ».

«Россійская» поэзія изложена сжато и неполно. Авторъ курса словесности обогатилъ свой курсъ богатымъ историко-литературнымъ матеріаломъ, касавшимся классическихъ и западно-европейскихъ

литературь, но оказался совершенно слабымъ при изложеніи русской литературы, которая въ то время, впрочемъ, имѣла очень немного изслѣдованій и пособій.

«Слово о полку Игоревѣ», «нѣсколько богатырскихъ повѣстей» и «народныя пѣсни» составляютъ, по словамъ автора, «все наше наслѣдіе до XVIII в.» Авторъ полагаетъ, что «Слово о полку Игоревѣ», описывающее «необыкновенное происшествіе», есть «отрывокъ несравненно большаго произведенія, вѣроятно заключавшаго въ себѣ повѣствованіе происшествій отъ Владиміра до Игоря».

«Богатырскія повѣсти», подъ которыми авторъ разумѣетъ былины, «суть позднѣйшія памятники поэзіи нашихъ предковъ». Излагается кратко содержаніе сихъ повѣстей. О повѣстяхъ «въ честь князя Владиміра» замѣчено, что въ нихъ Владиміръ князь представляется «роскошнымъ и, можно сказать, романическимъ». Но, вообще, о повѣстяхъ авторъ не высокаго мнѣнія. Любопытна характеристика богатырскаго эпоса. «Вообще богатырскія русскія повѣсти, замѣчаетъ авторъ, представляютъ странную смѣсь истиннаго и ложнаго, благороднаго и низкаго, смѣшнаго и вздорнаго. Сочинены онѣ людьми необразованными. Планъ почти всѣхъ весьма дуренъ». Учителя словесности 30-хъ годовъ весьма удивляло, что въ древнихъ повѣстяхъ нѣтъ «ни связи происшествій, ни страстей, ни характеровъ», что «изображенія витязей похожи болѣе на уродливыя каррикатуры, нежели на портреты. Слогъ сухъ, рассказы растянуты и наполнены частыми повтореніями одного и того же. Словомъ, грубый вкусъ и невѣжество,—характеристика сихъ повѣстей». Впрочемъ, авторъ не отказываетъ былинамъ въ «нѣкоторыхъ хорошихъ сравненіяхъ, удачныхъ вымыслахъ и счастливыхъ выраженіяхъ», что даетъ автору право согласиться «съ однимъ почетнымъ любителемъ отечественнаго слова, что сіи искры свидѣтельствуютъ о горѣвшемъ нѣкогда пламени»... Происхожденіе повѣстей авторъ относитъ къ XVI вѣку.

Въ параграфѣ «о народныхъ пѣсняхъ», «составляющихъ третій и послѣдній памятникъ поэзіи предковъ», замѣчено, что «несмотря на пренебреженіе, оказываемое отъ нѣкоторыхъ народнымъ пѣснямъ, онѣ заслуживаютъ уваженія со стороны литератора». Пѣсни дѣлятся на обрядовыя, повѣствовательныя, лирическія и забавныя.

Обзоръ русской поэзіи оканчивается общими поверхностными разсужденіями о духовныхъ стихотвореніяхъ XVII и XVIII вѣка Симеона Полоцкаго, Іоанна Максимовича, Стефана Яворскаго, Тео-

фана Прокоповича, Димитрія Ростовскаго, князя Кантемира. Относительно духовно-драматическаго сценическаго искусства замѣчено, что эти зрѣлища стали появляться въ семинаріяхъ въ праздничные дни, а особливо на масляницѣ. Въ кievской бурсѣ и въ училищѣ законоспасскомъ представляли акты ораторическія изъ библейскихъ исторій такіе, какіе нѣкогда были и на французскомъ театрѣ, въ которыхъ ничего не было видно, кромѣ грубыхъ фарсовъ, безъ всякихъ декорацій, каррикатурныхъ актеровъ и неприличныхъ костюмовъ». Обзорніе русской поэзіи оканчивается краткой характеристикой поэзіи Тредьяковскаго и Ломоносова — «рѣдкаго генія», «который стоитъ выше всякой похвалы». «Въ продолженіи 70 лѣтъ, протекшихъ отъ Ломоносова до настоящаго времени, отечество наше видѣло и видитъ множество стихотворцевъ во всѣхъ родахъ поэзіи, обогатившихъ и продолжающихъ обогащать російскую словесность своими произведеніями. Но исчисленіе всѣхъ ихъ оставляется потому, что не всѣ они извѣстны, а оцѣнка извѣстныхъ — потому, что не о каждомъ можно дать вѣрное сужденіе и предлежитъ опасность, чтобы не умалить или не увеличить достоинства особливо новѣйшихъ и современныхъ». Вообще, о русской поэзіи авторъ говоритъ небрежно, кратко и какъ бы вынуждено.

Но за то поэзія нѣмцевъ, у которыхъ авторъ заимствовалъ значительную часть матеріала своего курса, излагается подробно и обстоятельно, начиная съ эпохи бардовъ — минезингеровъ и кончая современными автору нѣмецкими писателями Клинггеромъ, Грифомъ (который можетъ сравниться по нѣкоторымъ мѣстамъ своихъ произведеній съ Шекспиромъ), Кронюгомъ («любезный авторъ, который имѣлъ даръ истиннаго трагика»), Титче и Коцебу («любезный авторъ всею Европою»)

Пособіемъ автору при составленіи его словесности служили свыше 50 источниковъ, какъ напр.

- 1) Четыре разговора Платона объ изящномъ.
- 2) Три книги Аристотелевой риторики.
- 3) Его же «пiитика».
- 4) Трактатъ о сочиненіи словъ Діонисія Галикарнаскаго.
- 5) Риторическія сочиненія Гермогена.
- 6) Книга о низложеніи Димитрія Фалерейскаго.
- 7) Риторическія сочиненія Цицерона.
- 8) Ораторскія сочиненія Квинтиллиана.

9) Разсужденіе о высокомъ Лонгина, перев. на російск. Марышкина, и т. п.

Количество источниковъ и характеръ изложенія, доходящаго по своей формальной выдержанности во многихъ мѣстахъ до педантизма и пустословія, показываютъ, что въ давномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ образцомъ лучшаго изъ семинарскихъ курсовъ «Риторики» 30-хъ годовъ.

Читатель видитъ, что это не наука, а цѣлая система наукъ, энциклопедія разныхъ свѣдѣній, сводъ которыхъ въ одно мѣсто тѣмъ страннѣе, что эти свѣдѣнія имѣютъ иногда между собою очень мало общаго. Ихъ объединяетъ не столько сродство мысли, сколько обманчивая система трансцендентальнаго единства человѣческихъ знаній, которая носилась тогда въ головахъ нашихъ педагоговъ подъ влияніемъ философской системы Гегеля, одного изъ величайшихъ систематиковъ, какихъ только знала исторія человѣческой мысли. Въ риторикѣ скопленъ значительный матеріалъ по разнымъ отдѣламъ знанія. Современный преподаватель библейской археологіи найдетъ здѣсь библейско-археологическія свѣдѣнія; современный филологъ-языковѣдъ, быть можетъ, нѣсколько удивится, когда узнаетъ, что въ волинской семинаріи 30-хъ годовъ преподавалось въ отдѣлѣ «Риторики» о письменномъ словѣ — начертаніе кадмовой азбуки, ведущей свое начало отъ Кадма-финикійца и состоявшей только изъ 16 буквъ. Послѣ кадмовой азбуки слѣдовало начертаніе древнѣйшей еврейской, греческой и латинской азбукъ (при чемъ приведены образцы латинскаго письма и орфографіи V вѣка отъ Рождества Христова по Квинтиліану, отрывки изъ присяги, данной 846 года Людовикомъ германскимъ Карлу. Послѣднее приводится, какъ образецъ измѣненія языка латинскаго въ романскій). Въ этомъ же отдѣлѣ находимъ свѣдѣнія о веществѣ, на которомъ писали, веществѣ, которымъ писали, орудіяхъ письма, форматѣ древнихъ книгъ и пр. Этнографъ-оріенталистъ можетъ найти въ «Риторикѣ» таблицу о разселеніи народовъ Азіи и Африки съ возвышенностей Кавказа по всему свѣту (по изслѣдованіямъ германскаго ученаго Фесслера)...

И чего-чего только нѣтъ въ толстой книгѣ на полутысячѣ съ лишнимъ страницъ, тщательно исписанныхъ мелкимъ почеркомъ. Поля книги по мѣстамъ наполнены обильными выдержками изъ Иліады, Одиссеи, Энеиды, сочиненій Цицерона, Квинтиліана и другими латинскими, греческими и даже еврейскими цитатами разныхъ

авторовъ и сочиненій. Въ примѣчаніяхъ приводятся мнѣнія Якоба, Було Сильвена, Лонгина, Паскаля, Локка, выдержки изъ «Ковлеева Давиденда», датской исторіи Маллета, и ведется полемика съ Руссо и Свифтомъ, которые «по своему человѣконенавистничеству описали человѣка неспособнымъ къ общежитію и ненавистнѣйшимъ чудищемъ».

Теоретическія разсужденія риторики проникнуты отвлеченностью и той очень туманной, напыщенной фразеологіей, которою отличалась философская мысль 30-хъ годовъ. Историческія свѣдѣнія, наоборотъ, страдаютъ педантизмомъ и мелочностью фактовъ. Въ абстрактныхъ разсужденіяхъ автора много системы, но мало фактовъ; въ фактической части изложенія слишкомъ много фактовъ и отсутствіе опредѣленной системы изложенія.

Отношеніе къ классикамъ проникнуто уваженіемъ, доходившимъ до благоговѣнія и исключавшимъ возможность критическаго къ нимъ отношенія. «Αὐτὸς ἔφη» — было принципомъ семинарской мысли 30-хъ годовъ. Научное положеніе казалось слабымъ, если оно не снабжалось ссылкой на какого-нибудь классика (Аристотеля, Платона, Горація). Но за то облеченное въ громоздкую классическую цитацію, оно получало авторитетъ и полную убѣдительность.

Обиліе источниковъ русскихъ и иностранныхъ замѣняло автору необходимость самостоятельной мыслительной дѣятельности при составленіи курса. Русскій педагогъ старой риторики съ рѣдкимъ трудолюбіемъ пережевывалъ всѣхъ нѣмцевъ-риторовъ, какіе только были извѣстны ему въ то время; онъ обратилъ самое добросовѣстное вниманіе на многія стороны предмета, даже такія, которыя въ строгомъ смыслѣ не имѣли никакого прямаго отношенія къ дѣлу, но, къ сожалѣнію, опустилъ изъ вниманія только одно — ученика, волынскаго бурсака, на несчастную долю котораго приходился весь этотъ педагогическій сумбуръ литературнаго, разрозненнаго матеріала и который, не смотря на все свое равнодушіе ко всякимъ родамъ scientiæ, порою не выдерживалъ и съ озлобленіемъ писалъ: «чортъ бы васъ побралъ», или «такого то года и числа къ сему талмуду руку приложилъ NN».

Курсъ риторики составлялся безъ справокъ съ умственными силами тѣхъ, кому онъ предназначался. Педагогу-ритору смутно представлялась дидактическая цѣль его сложнаго курса, но за то для него было несомнѣннымъ убѣжденіе, что образованіе ученика

пострадаетъ, если онъ не сообщитъ ему необходимыхъ свѣдѣній о «оракійскомъ уроженцѣ» Орееѣ, или о какомъ-нибудь нѣмцѣ Коцебу. Учитель риторики безъ затрудненія отвѣтилъ бы на вопросъ «что преподавать», но онъ былъ бы поставленъ въ большое недоумѣніе, если бы его спросили: «зачѣмъ все это»? Этотъ балластъ всестороннихъ свѣдѣній о древнемъ и новомъ краснорѣчіи, авторитетно сообщавшійся довѣрчивымъ ученикамъ въ формѣ каталогическаго перечня знаній, обременявшихъ память, и былъ тою «риторикою», одно названіе которой нѣкогда звучало такъ почтительно. Масса латинскихъ, греческихъ цитатъ этой науки уносила учениковъ въ отдаленное прошлое, а отвлеченныя схоластическія разсужденія держали науку высоко надъ почвою, по которой ходилъ бурсакъ метафизикъ. И не удивительно, что онъ часто попадалъ въ яму. Семинаристъ стараго времени имѣлъ полное право сѣтовать:

„Или бурсакъ на то родился,
 Чтобъ вздоръ старинный разбирать,
 Или онъ въ дѣло не годится,
 Когда не знаетъ „до“ сирягать?
 Не лучше-ль спяч. умъ и время
 На трудъ полезный посвятить
 И жизни тягостное бремя
 Наукой свѣтлой облегчить?“...

Методика вырабатываетъ свои лучшіе принципы послѣ того, какъ практически признана непригодность старыхъ. Своимъ долготѣмъ пребываніемъ, въ качествѣ учебнаго семинарскаго предмета, риторика изобличала самое себя и практически показала, насколько, вообще, непригодна для цѣлей правильнаго развитія система многознанія безъ соображенія цѣли и смысла знанія. Смыслъ риторики въ томъ, что она была...

Ө. Кудринскій.

Деревенская оргія. (*Картинка сельской свадьбы*). Было темно и холодно. На тихое село только что надвинулся ноябрьскій вечеръ. Изрѣдка прорѣзывался сквозь тучи мѣсяцъ и, освѣтивъ узкую полосу воды, скрывался. Блѣдными, желтыми четырехольниками выдѣлялись окна хатъ изъ мрака. На дворѣ угольнаго дома стояла нучка молодежи. Здѣсь, подъ звуки скрипки и бубна, скромно толелись дивчата, танцунъ кружкомъ. Иногда вылеталъ на свѣтъ кто-нибудь изъ смѣнившихъ ихъ парней въ темной свиткѣ, или кожужѣ и опять

исчезалъ въ темнотѣ. Между тѣмъ въ хатѣ сидѣли гости за длинными столами, предъ ними лежалъ мягкій хлѣбъ и дымилась въ мискахъ капуста. Разговоръ шель степенный: о молотѣбѣ хлѣба и объ извозѣ. Въ сторонѣ, на такъ называемомъ полу--доскахъ у печи, служащихъ постелью—женщины сочувственно слушали молодицу, жаловавшуюся, что власти выбросили ея конопли изъ рѣки.

Хозяева безирестанно потчивали гостей водкой, и бутылки пустѣли. Самъ женихъ, высокій варень, показывался только минутами въ избу и тотчасъ же уходилъ къ товарищамъ. Вскорѣ музыкантовъ также позвали со двора ужинать, и молодежь разошлась по вечерницамъ. Послѣ ужина остался только большой столъ подъ образами, а меньшій убрали. Лысый старичекъ скрипачъ сѣлъ на лавѣ противъ печи и началъ методически наигрывать «лудочку». Ему вторилъ на бубнѣ молодой человекъ, русый съ толстыми щеками. Между печью, столомъ, лавами и раскрытой въ сѣни дверью, всего на пространствѣ нѣсколькихъ аршинъ, тихо, едва перебирая ногами, начали танцевать молодицы. Грудь чуть вздрагивала и бедра лѣнливо шевелились. Поминутно подходила къ нимъ хозяйка съ водкой, но оживленія еще не было, мужчины не участвовали въ танцахъ, и только дѣдъ съ лицомъ цвѣта нечищенной красной мѣди къ общему удовольствію галономъ прошелся среди танцующихъ.

Въ воскресенье поздно вечеромъ уже издали слышенъ былъ поѣздъ молодаго. Лошади мчались въ карьеръ, свашки и свѣтилки выкрикивали свадебныя нѣсни, парни гикали и бубенъ гудѣлъ немолкая. Родители приняли молодыхъ и усадили за столъ подъ образами. Здѣсь женщины, еще не выдавшія молодую, съ любопытствомъ осматривали ее, нѣкоторыя стали на доски такъ, что головы почти касались потолка. Трижды въ жизни человекъ бываетъ предметомъ особаго вниманія: когда родится, вѣнчается и умираетъ.

Молодая была уже вполне сложившаяся, высокая дѣвушка съ черной, какъ смоль, косой и темными глазами, опущенными внизъ. Щеки заливалъ яркій румянецъ, она жеманно зажимала губы нѣсколько на сторону. Ея пышный вѣнокъ и ленты замѣтно выдѣлялись яркими тонами среди черныхъ платковъ и темныхъ свить гостей. Вскорѣ красивый дружокъ, весь замотанный въ красныя и бѣлыя широкіе рушники, пригласилъ молодыхъ установленной формулой и повелъ ихъ за платокъ изъ избы въ комнату. Но здѣсь произошло замѣшательство, молодые не пошли въ комнату, а стали шептаться съ дружкоймъ.

— Что то будетъ? спрашивала безпокойно молодая.

— Нужно просить люлей, совѣтывали ей какъ мужъ, виновникъ настоящаго недоумѣнія, такъ и дружокъ. Отецъ также подошелъ къ молодымъ. Между тѣмъ гости съ любонитствомъ наблюдали сцену, особенно женщины вытягивали свои бѣлыя шеи. Тонкія губы одной молодежи искривила улыбка, глаза ея сосѣдки отливали зеленымъ блескомъ. Выяснялось, что калина уже тронута морозомъ. Наконецъ, молодая скрылась въ боковую комнатку и почти тотчасъ же вошла въ избу, уже безъ вѣнка, а въ черномъ платкѣ и смущенная, на колѣняхъ, просила прощенія у родственниковъ мужа, а потомъ и у всего общества, говоря: «простите и вы люди!» Этимъ покаяніемъ кончилась роль молодыхъ въ воскресный вечеръ, и они удалились въ комнату.

Послѣ ужина, за которымъ водка лилась еще обильнѣе, чѣмъ наканунѣ, скрипачъ и его товарищъ заняли прежнее мѣсто на лавкѣ и заиграли козачка; въ растворенныя двери вбѣжали молодежи и начали танцовать вкружкомъ, потомъ раздѣлились на двѣ стороны и понесли одна на другую, иногда обвиняя другъ друга за талии. Кто то изъ гостей, въ насмѣшку молодой, вылилъ воды на полъ, но это какъ будто прибавило жару танцующимъ: бабы приподняли слегка сподницы и отворотили края плахтъ такъ, что свернули бѣлыя колѣни, и продолжали танецъ, выкрикивая:

Ой грай, колы граешъ,
Колы чорны брови маешъ.
Колы таки якъ у мене
Той сядь била мене!

Среди танцующихъ особымъ оживленіемъ выдѣлялась стройная, молодая вдова Солоха. На лбу у ней показались капли пота, ноздри дрожали, даже жилы на шеѣ расширились. Наконецъ, одинъ изъ мужчинъ не выдержалъ и, вмѣшавшись въ танецъ, сталъ приближаться къ ней, но вдова быстрымъ оборотомъ, какъ стрѣла, отлетѣла въ сторону, подскочила къ музыкантамъ, сложила руки на груди и выгибая талию, охваченную короткимъ коричневымъ корсетомъ, начала пѣть, или лучше крпчать.

Музыканты мои,
Вы заграйте меня
Ковали, ковала.
Що я въ свого батенька
Одыныца була.
Трай, рай, ра...

И сейчас же стала прыгать на одной ногѣ. Одушевленіе увеличивалось; уже и мужчины заболтались между танцующими, и женщины хлопали въ ладоши и вскрикивали:

Пытается кулечокъ:

Чы вже, чайко, свитокъ?

— Ище, ище, ище ще

Присуньмося ближче ще!

Онѣ тѣснились другъ къ дружкѣ, обнимались, цѣловались, или вдругъ отталкивали одна другую. Груды высоко поднимались, глаза блистали, плахты разносились въ стороны. Вдова, заломивъ руки надъ головой, высоко взбрасывала ногами. И музыка вторила общему настроенію, скрипка заливалась съ удалью, а бубенъ уже не гудѣлъ, музыкантъ потрясалъ имъ надъ головой такъ, что мѣдныя блишки звякали, а колокольчики звенѣли, покрывая на минуту женскій визгъ.

— Ну, лютыя эти бабы! Смотрите—Солоха какъ ногами перебираетъ! Какъ конь!—замѣтилъ одинъ изъ гостей.

Но пожилой, спокойный человѣкъ, равнодушно наблюдавшій все время и даже мало цившій, ничего не отвѣтилъ на обращенное къ нему замѣчаніе, а только плюнулъ въ сторону.

В. М.

Къ воспоминаніямъ Іосифа Самчевскаго. Воспоминанія почтеннаго и уважаемаго І. А. Самчевскаго, при которомъ я поступилъ въ Новгородсѣверскую гимназію и окончилъ, въ изданіи «Кіевской Старины» дополнены біографическими замѣтками о тогдашнемъ педагогическомъ персоналѣ. Если кое-гдѣ брошены пятна, то отдано и должное благородной памяти другихъ дѣятелей гимназій. Только учитель чистописанія и рисованія Н. Ф. Воробинскій изображенъ авторомъ примѣчаній неполно и односторонне. Воробинскій жилъ въ бѣдности, былъ плохой педагогъ; пожалуй, въ гимназій казался «вполнѣ лежачимъ человѣкомъ», настолько, что даже шалуны сами собой усмирялись (Кіевская Старина, 1894, августъ, 148)... Но, ко всему этому надо прибавить, что онъ былъ честнѣйшій человѣкъ, талантливый и любившій дѣло художникъ.

Лѣтъ пять тому назадъ мнѣ пришлось заѣхать въ одинъ хуторъ на самомъ краю ...скаго уѣзда. Пока въ гостинную вопла хозяйка, я началъ разсматривать цвѣты и картины. Все, какъ обыкновенно. Но, на стереотипномъ мѣстѣ надъ диваномъ,—два портрета: старикъ въ бѣломъ халатѣ и старая женщина, повязанная платкомъ. Такъ повязывается

теньеръ вдова стараго священника, старая кучиха, включница и, изрѣдка, солидная мѣщанка; но когда-то эта повязка встрѣчалась въ простомъ помѣщичьемъ семействѣ. Не трудно было догадаться, что это портреты отца и матери владѣлицъ хутора. Сходство чувствовалось, а жизнь выступала въ каждомъ штрихѣ. «Старосвѣтскіе помѣщики» Гоголя, подумалъ я, писанные Денеромъ; онъ (не Денерь, а старикъ въ бѣломъ халатѣ) тоже когда-то увезъ свою Пульхерію Ивановну... Въ это время вошли хозяйки. Послѣ перваго знакомства, я свелъ рѣчь на портреты: «кто рисовалъ?»

— «Учитель Воробинскій».

Одно время хотѣли, чтобы я бралъ уроки у Воробинскаго; но разнымъ причинамъ это не состоялось; но мнѣ случалось бывать у него. Онъ жилъ въ своемъ домѣ на великолѣпномъ мѣстѣ, съ небольшимъ, но старымъ садомъ когда то скрипача Рачинскаго. 10—12-лѣтнимъ мальчикомъ, я, бывало, пересматриваю папки съ рисунками, въ то время, когда Воробинскій, а болѣе его жена, передавали моей матери о своихъ злоключеніяхъ. На стѣнахъ помню копіи съ Лампи и Бруни (портретъ Екатерины II и Моленіе о чашѣ); должно быть, онѣ были недурны, если врѣзались въ дѣтское воображеніе.

У Воробинскаго была большая, но очень дружная семья. Изнывая подъ гнетомъ общественнаго равнодушія, онъ душою отдыхалъ въ семьѣ.

Феодоръ Уманецъ.

Какъ баба замирала. Въ с. Гладоссахъ елисаветградскаго у. Евфросинья Бежанова рассказывала, что она видѣла въ то время, когда «замирала», лѣтъ 50 тому назадъ. Прежде всего, говорила она, увидѣла я огонь въ той сторонѣ, гдѣ м. Ревуцкое и Одесса; я пошла къ нему и начала водить по нему рукою, но потомъ испугалась, отступила отъ него и увидала свою сестру Настю; спрашиваю ее: «чего це мене огонь не пече?» — а она отвѣчаетъ: «якъ бы ты была мертва, то твоя бь сорочка згорела,— а тоби уже на цимъ свити серце сиебла маркурія и ценопрія» (а меня этими лѣкарствами лѣчили). Потомъ я увидѣла двухъ коровъ, которыя паслись на лугу и изъ которыхъ молоко лилось, какъ вода изъ чопы; оно текло по землѣ рѣкой. Вдругъ сестра моя толкнула меня и говорить: «дывись, шо то лытыть!» Я посмотрѣла на западъ и говорю: «саранча!» А она говорить: «ось побачышь, якъ прылытять!» Какъ прилетѣли они, а я даже испуга-

лась: то были маленькія дѣти! Подлетятъ къ молоку, скажутъ: «крещены!» и тотчасъ принимаются пить молоко; напьются и улетаютъ прочь, а за ними летятъ другія, и все съ запада. Дальше я видѣла дивчатъ, сидящихъ въ травѣ; онѣ срывали траву, дѣлали изъ нея мячики и перебрасывались ими; маленькимъ трава была по шею, а гдѣ сидѣли пожилыя, тамъ трава была сухая. Дальше видѣла я ручеекъ; изъ ручейка люди пили воду тѣ, родственники которыхъ по смерти ихъ подавали пить изъ посуды, а безъ посуды пили тѣ, родственники которыхъ не давали пить по ихъ смерти. Тутъ видѣла я и отца своего, и мать: они пили тоже воду—и безъ посуды. Потомъ вижу я: обѣдаютъ люди,—одни за столами, а другіе просто за скатертями: за столами—тѣ, родственники которыхъ по ихъ смерти устраивали поминальный столъ, а за скатертями—тѣ, родственники которыхъ не дѣлали стола, а кормили на скатертяхъ. Между обѣдающими замѣтила я покойнаго Брагу; передъ нимъ, на столѣ стояла пища похожая на холодецъ; у всѣхъ шелъ паръ отъ пищи, а у него нѣтъ. Я спрашиваю у сестры: «чего оце у его ны йде пара?» а она говоритъ: «ты-жь оживешь,—то скажи доцци, шобъ вона рано, до сходъ сонця набрала повинъ глечикъ молока и однесла—у кого нема!..» Въ самомъ концѣ видѣла я, что я лежу по серединѣ двухъ жидовъ, а близъ меня стоитъ старикъ съ большой бородою; старикъ и говоритъ мнѣ: «сотвори молитву!»—а я отвѣчаю: «якъ я сотворю Богу молитву, якъ ось лыжатъ два жида!»—а старикъ говоритъ: «скажи: дай, Господы, мини на память!»—какъ только сказала я эти слова, такъ тотчасъ и ожила.

Разсказъ этотъ записанъ крестьяниномъ Харитономъ Самойликомъ на общемъ литературномъ языкѣ, за исключеніемъ разговоровъ, которые переданы по малороссійски. Въ самомъ разсказѣ мы нашли себя вынужденными исправить нѣкоторыя стилистическія шероховатости.

В. Ястребовъ.

Нѣсколько заговоровъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ настоящаго мѣстожителства моего (м. Шпола) въ бѣдномъ и захолустномъ селѣ проживаютъ двѣ знахарки. Мнѣ много разъ приходилось слышать отъ людей, близко знающихъ ихъ, довольно комичный способъ лѣченія ими больныхъ. Сколько разъ ни старался я узнать болѣе подробныя свѣдѣнія, какъ у близко знающихъ ихъ, такъ и у лѣчи-

вшихся, но положительно всё отказывали мнѣ въ этомъ — первые, по причинѣ недостаточно вѣрныхъ слуховъ, вторые же, — давъ слово лѣчившимъ ихъ сохранять все въ тайнѣ. Однажды ко мнѣ прибѣгаетъ одинъ крестьянинъ, знающій мое желаніе узнать способъ лѣченія высказанными знахарками, и сообщаетъ, что у знакомаго мнѣ крестьянина болятъ зубы и для лѣченія ихъ имъ приглашена знахарка, пользующая способомъ заговора. Не медля ни минуты, я отправляюсь къ указанному мѣсту. Захожу въ избушку и застаю бѣгающаго изъ угла въ уголъ крестьянина и только что пришедшую женщину. Обращаюсь къ крестьянину съ вопросомъ: что съ вами? и получаю въ отвѣтъ: «дуже и дуже болятъ зубы». Женщина, недружелюбно посмотрѣвъ на меня, проситъ уходить, такъ какъ я мѣшаю ей дѣлать нужныя приготовленія. На высказанное мною желаніе присутствовать, она отчаянно замахала руками и начала кричать, что я прошу невозможнаго. Кое-какъ, съ помощью крестьянина, мнѣ удалось убѣдить ее, объяснивъ, что услышанное мною не можетъ принести ей вреда, такъ какъ я не думаю заниматься одною съ ней профессіей. Тогда, подошедши къ крестьянину, она просила показать ей больной зубъ. Вынувъ изъ кармана какую-то старую трипочку, она обмотала ею зубъ и начала заговоръ, который, опять таки, стоило мнѣ не мало трудовъ переписать. Вотъ содержаніе его:

«Ты, мисяць, Адаме, молодыць! пытай ты мертвыхъ и живныхъ: у мертваго зубы не болятъ? У мертваго зубы николи не болятъ; кости задубили, зубы занимилы; николи не будутъ болить. Даруй, Господы, щобъ у мене раба Божого нароженого, молитвенного, крещеного Ивана, *зубы занимилы, николи не болилы*». Подчеркнутое она повторила три раза. Не знаю, случайно ли, или вѣра въ возможность исцѣлить заговоромъ, но только крестьянинъ мой, по истеченіи четверти часа, былъ совершенно здоровъ, щедро награждая знахарку. Поговоривъ еще немного и оставшись довольна исходомъ своего лѣченія, она вышла изъ избы; я послѣдовалъ за нею. И вотъ на ходу, незамѣтно, я началъ записывать и другіе заговоры, которые она довольно любезно сообщала мнѣ.

— «Якъ бы не помогло съ першого разу, оце що я заговорила, то я ще знаю другу таку, що якъ бы тамъ дуже не болилы зубы, заразы помога». Слушайте: «Мисяць у неби, мертвецъ у гроби, камень у мори; якъ три браты до купи зберуться и будутъ бенкетъ робыты, тоди у мене зубы будутъ болиты». —

«Якъ проговорыть оце, пился перваго заговору, то заразы пройде».

На вопросъ мой, не знаетъ ли она противъ другихъ болѣзней заговора, она отвѣтила, что знаетъ отъ укушенія змѣй и отъ сглазу. Отъ укушенія змѣй слѣдующій: «Заклынаю васъ, гадюки, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, и святого великомученника и побидоносца Георгія и всеми небесными силами. Заклынаю три царицы: Куфію, Невію и Полию, щобъ не вредылы (по имени) волосомъ (цвѣтъ волосъ)». Потомъ треба читаты молитву: Отче нашъ сямъ разъ, а Пресвятую Троицю пять разъ. Якъ гадюка дуже ядовыта, то треба чытаты заговоръ тры разы».

Отъ сглазу заговоръ слѣдующій:

«У моря калына, пидь калыною дивчына; вона не знала ни пыты, ни ирсты, ни золотомъ гаптоваты; тыльки умила и знала отъ раба Божого (имя) уроки и презоры выкыкаты й вызываты, на сухы лиса посылаты. Уроки, урочища чоловичи й жиночи, парубочи й дивочи, хлопчачи, дивчачи и дытачи вамъ уроки, урочища у раба Божого (имя) не стояты, жовтой косты не ломаты, червоной кровы не пыты, сердца его не нудыты, билаго тила не сушыты; вамъ иты на мха, на темны луга, на густы очерета, на сухы лиса».

Сообщ. Сав. Линденбергъ.

Разсказъ о вовкулакахъ. Къ ряду разсказовъ о вовкулакахъ, помѣщенныхъ въ «Кіевской Старинѣ» за прежніе и текущій годы, сообщая еще одинъ, найденный мною въ старыхъ замѣткахъ. Разсказъ этотъ записанъ мною еще въ 1891 г. въ с. Нагорянахъ, Каменецкаго уѣзда, Подольской губерніи отъ кр. Карпа Чорнаго.

— Не вси вовкулаки иднакови, разсказывалъ мнѣ Чорный; вони бувають ружни. Есть вовкулаки вични, що винъ до смерти звиромъ вовкулакою, и никола до смерти чоловичого образа не берутъ на себе и такъ вовкулакою и вмирають, а есть и таки, що тылько передъ смертю робляца зновъ людмы.

А зновъ есть таки вовкулаки, що вони тылько на де який часъ робляца вовкулаками; на скільки литъ, а бо що, зробыца звируюю, пробігае въ лиси свій часъ,—на який его заклывъ злый чоловикъ, або видьма,—потимъ зновъ робыца чоловикомъ, вертаеца до села, до дому и жые, якъ ничего й не було. То я чувъ, що колысь дуже давно була така жинка, що не любила своего чоловика, а другого; вона взяла злякала своего чоловика и зробыла его на завше вовкулакою, и той якъ пишовъ въ лисъ, то больше й не прыходывъ.

Тылько потимъ, по якимъ часи, вовкы зимою въ сели роздерлы коханка теи живкы.

А зновъ, на решти, бувають таки вовкулаки, що вниъ вирукою робыця або тылько килько разъ на ригъ,—якъ прыйде ему вже та поря, що треба иты до лиса, а то все людыною; або въ день людою, а кожну ничь робыця звирукою и бвжыть въ лисъ.

Вовкулаки з вовкамы жывуть въ прыязни; и вовкамы и вовкулакамы, якъ и всимы звирамы и птахамы—ошикуеця св. Юрый.

— То бувъ колысь дуже давно у идного старого чоловпка сынъ, и той сынъ, лито и зиму, абы вечеръ, то завше кудысь на цилу ничь ходыть, а рано спыть, що не можна его добудыця: нобы цилу ничь працевавъ.—Перше батько думавъ, що сынъ ходыть до дивчатъ, на вечерныци,—алежъ литомъ яки вечерныци, а сынъ про те ходыть, тай ходыть: абы вечеръ, змерклось—то его вже й нема, и зо свичкою не найдешъ. На решти пытаеця батько сына: «куды ты сынку, кожної нocy ходышь?»,—а сынъ не хоче сказаты.

— «Чыкай, думаеть соби старый, а тебе дослижу». Отъ разъ вечеромъ, якъ уже повечералы, погасылы свитло и ляглы снаты,—сынъ тыхенько вставъ, тай на двиръ; старый швыдео одився, та й тыхенько соби за нымъ. Сынъ выйшовъ на городъ, упавъ на землю, покачався, «зробывся звирукою», схопывся, стременився, тай побигъ до лиса, за село; а старый скилько мигъ, здаля, на доглядци соби за нымъ.—Прыбиглы до лиса: сынъ-вовкулака впереди, а батько за нымъ; а въ лиси превелька галява; а на ти галяви звиривъ, нибъ то вовкивъ, выдымо-невыдымо, вовкулака прыйшовъ до нихъ, тай ставъ; колы дывыця батько, а по середени межъ вовкамы пидъ деревомъ, сыдыть дидъ; догадався чоловікъ, що то св. Юрый, тай шанбу здыйнявъ. А той дидъ и каже до звиривъ:—Идите вы тутъ въ лиси на дорогу; тамъ буде ихаты чоловікъ зо млына;—вы его пропустите, и его не чипайте; а за нымъ мужыкъ буде весты корову з ярмарку; винъ ту корову кувывъ обманомъ; вы ту корову можете зысты; а мужыка не чыпайте».

Звири побиглы на дорогу, побигъ зъ ными и вовкулака; а чоловікъ помежъ деревья тыхенько и соби за ными. Тылько выбиглы на дорогу—справди иде, чоловікъ з мишкамы зомлына; звири его пропустилы; дали веде мужыкъ на мутузку корову; звири кинулысь, въ моментъ часу розирвалы ту корову и зылы такъ, що тылько кисты зосталысь, и то тылько котри велькы. Дывыця чоловікъ, а его сынъ

вовкулака, рве корову и йисть ей цилымы шматкамы не гирше за правдывого вовка.

Зѣлы ту корову та й побиглы назадъ въ лисъ на ту саму галяву; чоловикъ з отдали соби за нмы; прыбиглы, а св. Юрый сыдытъ на тому самому мисци, пидъ деревомъ— «ну вже вгамовалы голодь. Теперъ розсходьтися» сказавъ винъ, и звіри розыйшлись. Вовкулака прыбигъ въ село, на городъ, покачався по земли, та й зновъ зробывся парубкомъ, прыйшовъ тыхенько до хаты, та й лигъ спаты; а батько раньше него вйшовъ и лигъ.

На другый день батько и сынъ пишли въ поле ораты, отъ батько и каже сынови, що винъ цей ночи бачывъ все.

А сынъ и каже: якъ вы все бачылы,—то вы мене тылько и бачылы.

Кынувся до земли, зробывся вовкулакою, та ягъ пишовъ до лису, то на сей день: бильше и не прыходывъ, и ниhto его бильше не бачывъ.

Сообщивъ Ив Вѣньковскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Разборъ этнографическихъ трудовъ Е. Р. Романова, составленный проф. Харьковскаго университета Н. О. Сумцовымъ. Спб. 1894 г.

Разборъ сдѣланъ по порученію Академіи Наукъ и напечатанъ въ отчетѣ о присужденіи въ 1893 году премій Макарія, митрополита Московскаго; передъ нами — отдѣльный оттискъ изъ «Отчета».

Проф. Сумцовъ разсматриваетъ и оцѣниваетъ слѣдующіе труды г. Романова: 1) Бѣлорусскій сборникъ, 2) Опытъ Бѣлорусскаго народнаго снотолкователя, 3) Катрушницквій Лемезень и 4) Очеркъ быта нищихъ Могилевской губ. и ихъ условный языкъ.

Коснувшись отрицательныхъ сторонъ «Бѣлорусскаго сборника» г. Романова, а именно недостатковъ въ выборѣ и расположеніи пѣсенъ и сказокъ и лексической неточности записей, рецензентъ обращается прежде всего къ частному разсмотрѣнію пѣсенъ, помѣщенныхъ въ «Сборникѣ». Онъ указываетъ въ послѣднемъ 90 пѣсенъ, представляющихъ собою весьма близкіе варианты малорусскимъ, и 22, являющихся передѣлками и повтореніями великорусскихъ пѣсенъ; при этомъ оказывается, что многія изъ пѣсенъ, напечатанныхъ г. Романовымъ, есть грубое искаженіе художественныхъ пѣсенъ, записанныхъ во многихъ вариантахъ въ Великороссіи и Малороссіи, и потому не заслуживали и изданія. Къ формѣ стиха г. Романовъ, по замѣчанію рецензента, относится съ пренебреженіемъ, чему приведены въ «Разборѣ» примѣры. «Бѣлорусская пѣсня, говоритъ проф. Сумцовъ, насколько можно судить о ней по сборнику г. Романова, слаба, безцвѣтна и часто груба. Нѣтъ въ ней великорусской широты, малорусской мягкости и задумчивости. Бѣлорусская литературная почва воспріимчива; на ней легко прививаются великорусскіе, малорусскіе и польскіе мотивы; но всякая прививка здѣсь вырождается и даетъ хи-

лмы растеньица. Оригинальныя пѣсенныя произрастенія отличаются бѣдностью фактическаго содержанія и грубостью выраженій». Заявленіе г. Романова, что онъ исключаетъ изъ своего «Сборника» произведенія искусственныя, псевдонародныя, вызываетъ рецензента на разъясненіе, что, въ виду доказаннаго фактически значенія книжныхъ вліяній на народную словесность, народная оригинальность въ этой послѣдней является понятіемъ относительнымъ и что, поэтому, опредѣленіе псевдонароднаго искусственнаго въ ней—дѣло очень трудное. Затѣмъ рецензентъ останавливается съ большей подробностью на балладахъ «Вѣлорускаго Сборника» и предлагаетъ рядъ сравнительныхъ экскурсовъ о сюжетахъ ихъ, при чемъ и здѣсь всегда почти оказывается, что бѣлорусскія пѣсни есть слабое и искаженное отраженіе малорусскихъ, великорусскихъ и польскихъ. Проф. Сумцовъ разсматриваетъ слѣдующія темы балладъ: 1) о мужѣ разбойникѣ, 2) мужъ топить жену, 3) о злой свекрови, 4) объ отравленіи брата сестрой, 5) о кровосмѣшеніи, 6) объ уводѣ и соженіи дѣвицы, 7) о смерти солдата (козака).

О сказкахъ «Вѣлорускаго Сборника» проф. Сумцовъ отзывается значительно благосклоннѣе, хотя и здѣсь дѣлаетъ нѣсколько справедливыхъ замѣчаній объ искусственности распредѣленія ихъ по рубрикамъ, а въ частности—объ искусственности и устарѣлости мифологическаго отдѣла. Послѣ нѣсколькихъ общихъ замѣчаній по вопросу о народности сказокъ г. Романова и о вліяніи христіанской легенды на сказочные сюжеты рецензентъ приступаетъ къ сравнительному изученію и оцѣнкѣ сказочныхъ и легендарныхъ мотивовъ «Сборника», подобно тому, какъ сдѣлано это имъ выше съ сюжетами балладъ, при чемъ привлекаются къ сравненію апокрифы, талмудическія сказанія и сказки малорусскія, великорусскія и многія иноплеменныя. Для сбереженія мѣста, мы укажемъ только на тѣ легендарныя и сказочныя мотивы, которые привлекли особенное вниманіе рецензента и въ тоже время находятъ себѣ аналогію въ сказкахъ малороссійскихъ.

Останавливаясь на тѣхъ сказкахъ, содержаніе которыхъ состоитъ въ томъ, что въ древности стариковъ «на саньчки посодзюць да завязуць у большой ровъ да й мусьцюць съ саньчками туды: енъ покуль доляциць дыкъ и забѣтца», проф. Сумцовъ оспариваетъ мнѣніе гг. Кулишера и Каллаша, что въ преданіяхъ этого рода можно видѣть воспоминаніе объ убійствѣ стариковъ въ древности; полагая, что обычай убіенія стариковъ относится къ такой глубокой древно-

сти, остатковъ которой невозможно ожидать въ народной словесности, онъ усматриваетъ въ разсматриваемыхъ сказаніяхъ воспоминаніе о практиковавшемся въ древности способѣ похоронъ въ ладѣ, но ничѣмъ не аргументируетъ своего мнѣнія; намъ же объясненіе гг. Кулишера и Каллаша кажется естественнѣе; впрочемъ, оба эти объясненія возможно согласить между собою, допустивши, что въ древности обрядъ убіенія стариковъ приведеннымъ способомъ сливался съ похороннымъ обрядомъ, т. е. не требовалъ особаго похороннаго обряда.

Подробно разсматриваетъ проф. Сумцовъ сказки о шутѣ, варианты которыхъ находятся и въ малорусскихъ сборникахъ. Содержаніе ихъ въ существенныхъ чертахъ состоитъ въ томъ, какъ три брата или обмануты своимъ сосѣдомъ-шутомъ. Кромѣ малороссійскихъ, тесь варианты у великоруссовъ, поляковъ, литовцевъ, французовъ, итальянцевъ, шотландцевъ, басковъ, ирландцевъ и норвежцевъ; сказка проникла въ одну поэму на латинскомъ языкѣ (XI в.) и въ сборникъ разсказовъ Страпаролы.

Со сказками о шутѣ переплетаются иногда мотивы о скатерти-самобранкѣ, о чудесномъ ослѣ и цалкѣ-самобойѣ, замѣчаемые и въ сказкахъ малорусскихъ. Весьма близкіе варианты записаны во Франціи, Сиріи, Индіи и Монголіи.

Сказки «о лучшемъ свѣѣ» бытуютъ, кромѣ Бѣлоруссіи, у малоруссовъ. Любопытно, что этотъ мотивъ находится въ одной южно-русской интермедіи XVII в.; источникомъ его считаютъ одну повѣсть въ *Gesta Romanorum* (XIII в.); существуютъ, кромѣ того, варианты арабскій и еврейскій.

Въ сборникѣ г. Романова помѣщено 824 номера заговоровъ—собраніе, равнаго которому въ русской наукѣ не было. Проф. Сумцовъ, разсматривая собраніе г. Романова, даетъ краткія бібліографическія справки о заговорахъ и заклинаніяхъ у великоруссовъ и малоруссовъ. Нѣкоторые заговоры у Романова сопровождаются наразными поясненіями, какъ говорить заговоръ, съ какой обрядностью, имѣющими самостоятельное значеніе.

Въ V томѣ «Бѣлорускаго Сборника» напечатаны «Загадки царя Давида», интересная гадательная книга. Языкъ книги, по мнѣнію рецензента,—старинный книжный малорусскій (XVII в.).

Въ журналахъ «Живая Старина» и «Этнографическое Обзорѣніе» г. Романовъ помѣстилъ небольшой словарь условнаго языка шерстобитовъ м. Дрибина могилевской губ., называемаго тамъ «катушницъ»

камъ лемезнемъ», и интересный «Очеркъ быта нищихъ могилевской, губерніи и ихъ условный языкъ—любецкій лементъ». Проф. Сумцовъ сравниваетъ словари г. Романова съ словарями условнаго языка харьковскихъ нищихъ-слѣпцовъ, языка лирниковъ въ Подоліи, — шановаловъ черниговской губ. и польскихъ воровъ изъ окрестностей Дубровы Горничей и приходитъ къ заключенію о родствѣ ихъ между собою, при чемъ предполагаетъ заимствованіе бѣлоруссами у малороссовъ. Условный языкъ нищихъ проф. Сумцовъ ставитъ въ связь съ корпоративнымъ устройствомъ нищихъ еще въ древней Руси и находитъ возможнымъ, что онъ возникъ въ XVII в., или даже ранѣе. Онъ характеризуетъ приемы народнаго сочинительства въ этомъ языкѣ, указываетъ слова, заимствованныя съ греческаго языка, и отмѣчаетъ значеніе знакомства съ условными языками при изученіи личныхъ и фамильныхъ прозвищъ.

Разсматривая «Опытъ бѣлорусскаго народнаго снотолкователя», помѣщенный г. Романовымъ въ «Этнографическомъ Обзорѣніи», проф. Сумцовъ находитъ въ однихъ случаяхъ большое сходство между бѣлорусскими и малорусскими снотолкователями, въ другихъ—большое различіе.

Въ послѣднихъ трудахъ г. Романова, напечатанныхъ въ «Этнографическомъ Обзорѣніи», рецензентъ замѣчаетъ новыя, сравнительно съ «Бѣлорусскимъ Сборникомъ», и крупныя достоинства.

В. Я.

Извѣстія Импер. Общ. Любит. естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Томъ LXXXIII. Труды Географическаго Отдѣленія. Выпускъ I. А. Н. Красновъ. Трапезныя степи сѣвернаго полушарія. Москва. 1894.

Относительно происхожденія степей до сихъ поръ господствовала климатическая теорія, а именно главною причиною безлѣсія степей считалась сухость климата; послѣдователи этой теоріи видѣли въ увеличеніи сухости воздуха условіе для распространенія степей внутрь лѣсной области, побѣды степи надъ лѣсомъ; многіе изъ нихъ въ уничтоженіи лѣса видѣли также причину увеличенія сухости воздуха. Попадающіеся повсюду въ степной области лѣсные острова подали поводъ къ полемикѣ о томъ, не были ли нѣкогда степи Россіи сплошь покрыты лѣсомъ, не сталъ ли югъ Россіи степнымъ лишь въ позднѣйшія времена, когда кочевники выжгли лѣса. Вопросъ этотъ

и доселѣ еще не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Положительнымъ результатомъ этой полемики былъ только тотъ фактъ, что въ историческое время степи были стенами, хотя мѣстами лѣсные оазы среди нихъ многочисленнѣе и обширнѣе, чѣмъ теперь. Неудовлетворительное положеніе вопроса о происхожденіи степей, по мнѣнію автора новаго, названнаго нами въ заголовкѣ, изслѣдованія, происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что представители различныхъ мнѣній не принимаютъ во вниманіе особенностей и свойствъ всѣхъ травяныхъ степей въ совокупности, но стараются лишь обобщить собственные наблюденія въ одной или другой мѣстности. А. Н. Красновъ, руководствуясь сравнительно-географическимъ методомъ, совершаетъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ своего рода кругосвѣтное путешествіе по степямъ, при чемъ пользуется не только существующею литературою вопроса, но и своими личными наблюденіями въ европейской и азиатской Россіи, въ Венгріи и въ Америкѣ.

Собственно югу Россіи посвящены въ диссертациі г. Краснова двѣ главы (стр. 69—113): глава 4-я (Степи центральной части Россіи или Днѣпровско-Донского междурѣчнаго пространства) и 5-я (Степи юго-западной Россіи и Галиціи); сверхъ того, въ 6-й главѣ вложены общіе выводы о характерѣ степей европейской Россіи, т. е., тоже, главнымъ образомъ, южно-русскихъ степей.

Въ историческомъ журналѣ нѣтъ надобности слѣдить за ходомъ аргументациі специальной естественно-исторической диссертациі. Но южно-русскія степи служили и служатъ понынѣ ареною для исторической жизни и въ послѣднее время сдѣлались житницей Россіи; поэтому, оставляя специалистамъ рѣшающее слово о методологической сторонѣ изслѣдованія г. Краснова, изложимъ здѣсь лишь общіе выводы, къ которымъ онъ приходитъ; считаемъ это тѣмъ умѣстнѣе, что они отличаются самостоятельностью и идутъ въ разрѣзъ съ господствующими теоріями.

Главною характерною чертою русскихъ степей, точно также, какъ и всѣхъ травяныхъ степей вообще, г. Красновъ признаетъ ихъ полную равнинность; въ этой послѣдней и въ отсутствіи легкаго и быстраго стока водъ онъ видитъ и причину происхожденія степей и ихъ безлѣсія; разъ только рельефъ мѣстности дѣлается изрѣзаннымъ, холмистымъ, изрытымъ оврагами,—является лѣсъ, и лѣсовъ бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ неровнѣе, изрытѣе мѣстность. Ровный, не изрѣзанный, лишенный дренажа рельефъ безлѣсной степи онъ почитаетъ первичнымъ, неизмѣненнымъ остаткомъ тѣхъ условій, въ которыхъ

должна была находиться большая часть наших степей, дающих картину далекаго прошлаго русской равнины; съ появленіемъ балокъ появляются лѣса; эти, измѣненныя балками и рощами, степи авторъ называетъ вторичными; обликъ ихъ носить большая часть территории русской равнины. Сухость воздуха, по его мнѣнію, не оказываетъ существеннаго вліянія на безлѣсіе степи: тамъ, гдѣ отъ засухи не растетъ дерево, не можетъ расти и трава.

В. Я.

Baron de Bay. Rapport sur le Congrès international d'Anthropologie de Moscou. P. 1893.

Baron de Bay. Souvenir du congrès international d'Anthropologie de Moscou. P. 1893.

Baron de Bay. La bijouterie des goths en Russie. P. 1892.

Baron de Bay. Rapport sur les découvertes faites par M. Savenkov dans la Sibirie orientale. P. 1894.

Баронъ де Бай принадлежитъ къ числу западноевропейскихъ ученыхъ, наиболѣе интересующихся Россіей, и его имя, благодаря частымъ его путешествіямъ и участію въ русскихъ археологическихъ сѣздахъ, приобрѣло у насъ въ послѣднее время уже очень почетную извѣстность. Будучи официальнымъ представителемъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія на послѣднемъ антрополого-археологическомъ сѣздѣ въ Москвѣ, онъ опубликовалъ свой отчетъ объ немъ, а также и читанные имъ рефераты. Въ отчетѣ этомъ, излагая болѣе или менѣе подробно наиболѣе важныя сообщенія, относившіяся къ доисторическому періоду, онъ особенно останавливается на рефератѣ графа Бобринскаго о его раскопкахъ такъ называемыхъ кургановъ скифскаго типа, доказывающихъ несомнѣнно восточный характеръ скифскаго искусства въ Южной Россіи. Кромѣ того, онъ обращаетъ особое вниманіе на коллекцію проф. Самоквасова и выражаетъ сожалѣніе, что этотъ ученый не сдѣлалъ на сѣздѣ никакого сообщенія о своихъ раскопкахъ. Въ своихъ собственныхъ рефератахъ Баронъ де Бай занимается главнымъ образомъ значеніемъ нѣкоторыхъ кжно-русскихъ находокъ въ вопросѣ о передвиженіи готскаго искусства съ востока на западъ и о восточномъ происхожденіи *orfèvrerie cloisonnée*. Этому вопросу посвящена также и отдѣльная работа *La bijouterie des goths en Russie*, напечатанная въ Мемуарахъ Общества французскихъ Антикваріевъ. Въ ней авторъ обращаетъ вни-

маніе на произведенія варварскаго, какъ называютъ въ Западной Европѣ, или меровингскаго, какъ называли въ Россіи, искусства главнымъ образомъ, на фибулѣ, найденныя въ Крыму, къ которымъ въ послѣдствіи присоединились подобныя же находки на сѣверномъ Кавказѣ и въ Украинѣ, а именно въ Харьковской губ. (упоминаемыя въ извѣстномъ сочиненіи Chantre'a о раскопкахъ на Кавказѣ), возлѣ Таганрога (въ 1868 г. при проведеніи Курско-Харьк. Азов. жел. дор.), затѣмъ возлѣ Нѣжина Черниговской губ. и, наконецъ, въ окрестностяхъ Кіева (двѣ послѣднія фибулы хранятся въ Эрмитажѣ и описаны въ *Русскихъ Древностяхъ* гг. Толстого и Кондакова). Этотъ рядъ находокъ и ихъ географическое распредѣленіе указываетъ, по мнѣнію автора, на постепенное передвиженіе *ofevregie cloisonnée* съ Востока на Западъ и на его чисто готскій характеръ.

Брошюра барона де Бая объ открытіяхъ г. Савенкова въ Восточной Сибири представляетъ собою докладъ, сдѣланный объ этихъ дѣйствительно чрезвычайно важныхъ находкахъ французской Академіи Наукъ. Въ ней онъ съжато и съ большою ясностью сообщаетъ сущность и значеніе этихъ открытій, указывающихъ на существованіе въ Сибири челоуѣка въ диллювіальный періодъ, что до сихъ поръ подвергалось очень большимъ сомнѣніямъ. Нахожденіе характерныхъ каменныхъ орудій очень древняго типа вмѣстѣ съ расколотыми костями мамонта и другихъ животныхъ послѣ-третичной эпохи доказываетъ несомнѣнно это существованіе. Сообщая затѣмъ объ открытіи очень интересныхъ скульптурныхъ изображеній лося возлѣ дер. Базаихи, авторъ путемъ очень удачнаго сопоставленія съ пермскими бронзовыми фигурками объясняетъ значеніе найденной вмѣстѣ съ изображеніями лося тоже костяной статуэтки съ птичьей головой. Но мы не знаемъ, не слишкомъ ли далеко заходитъ авторъ въ этомъ сравненіи, не только предполагая, что эта статуэтка служила идоломъ, но находя возможнымъ видѣть въ этомъ произведеніи каменнаго вѣка «выраженіе той религіозной концепціи, которую обыкновенно считаютъ относящейся только къ эпохѣ появленія металловъ»? Во всякомъ случаѣ брошюра даетъ очень полное понятіе объ упомянутыхъ сибирскихъ находкахъ и ихъ значеніи, чему много помогаютъ кромѣ ясности изложенія и четыре превосходно исполненныя фототипическія таблицы, изображающія найденныя г. Савенковымъ каменные орудія и костяныя статуэтки.

Paul Sébillot. Les travaux publics et les mines dans les traditions et les superstitions de tous les pays. Paris, 1894 (623 стр.—434 рис.)

Извѣстные обряды при началѣ построекъ и легенды объ участіи сверхъестественныхъ силъ въ созданіи разныхъ сооружений, поражающихъ воображеніе примитивныхъ народовъ, не составляютъ, какъ извѣстно, особенности какой-нибудь націи, а распространены повсюду. Очень объемистая и чрезвычайно роскошно изданная книга извѣстнаго французскаго фольклориста Поля Себилло имѣетъ поэтому общій интересъ, представляя собою, сколько намъ извѣстно, первую попытку по возможности полного и систематическаго сборника легендъ, повѣрій и предрасудковъ, относящихся къ дорогамъ, мостамъ, желѣзнымъ путямъ, каналамъ, шахтамъ и горнымъ работамъ. Пользуясь цѣлой массой свѣдѣній, до сихъ поръ неизданныхъ или помѣщавшихся въ видѣ отдѣльныхъ замѣтокъ въ *Revue des Traditions populaires*, а также и обширнымъ литературнымъ матеріаломъ, ученый авторъ достигъ не только замѣчательной полноты своего труда, но и далъ ему извѣстный культурно-историческій характеръ. Относительно дорогъ и мостовъ онъ приводитъ цѣлый рядъ обрядовъ при постройкѣ, предавій и легендъ объ сооруженіи, существовавшихъ и теперь существующихъ къ нимъ загадки пословицы и поговорки. Въ главахъ, относящихся къ водянымъ путямъ сообщенія, онъ сообщаетъ также большое количество легендъ объ участіи при постройкѣ ихъ добрыхъ и злыхъ духовъ и т. п. Во второй части книги, посвященной рудникамъ и горному дѣлу, очень тщательно разработаны главы объ открытіи минеральныхъ залежей при помощи извѣстной палочки, о происхожденіи металловъ по народнымъ представленіямъ и т. п. Въ каждой главѣ этого обстоятельнаго сочиненія читатель найдетъ кромѣ фактовъ и попытки объясненія приводимыхъ авторомъ легендъ и предрасудковъ, изслѣдованія о началѣ и развитіи извѣстныхъ вѣрованій, ихъ миграціяхъ и переживаніяхъ.

Занимая высокое положеніе Начальника Канцеляріи и персонала Министерства публичныхъ работъ, почти соотвѣтствующаго нашему Министерству Путей Сообщенія, г. Себилло воспользовался этимъ, чтобъ собрать въ бібліотекахъ и архивахъ разныхъ учреждений большое количество чрезвычайно рѣдкихъ и очень интересныхъ гравюръ, рисунковъ, моделей и т. п., которые, дополняя текстъ, дѣлаютъ его книгу очень важнымъ пособіемъ для всѣхъ, занимающихся этнологіей и исторіей культуры вообще. Для насъ въ частности эта

книга имѣеть еще и тотъ интересъ, что авторъ ея довольно широко и добросовѣстно воспользовался между прочимъ и малорусскими источниками. Въ каждой главѣ можно встрѣтить ссылки на этнографическіе сборники Чубинскаго, Номиса, Драгоманова, Манжуры (въ Сборникѣ Харьковскаго Историко-Филологич. Общества), Харьковскій Сборникъ изд. Статист. Комитетомъ и пр. Къ сожалѣнію, большое количество рисунковъ и роскошь изданія сдѣлали цѣну этой книги (40 фр.) не вполне доступной.

Ф. В.

Историческая и статистическая записка о дворянскомъ сословіи и дворянскихъ имуществвахъ Черниговской губерніи. Составлена Черниговскимъ Губернскимъ Предводителемъ дворянства А. М. Марковичемъ въ 1838 г. Издана Черниговскимъ Губернскимъ Предводителемъ дворянства Графомъ Гр. А. Милорадовичемъ. Черниговъ. 1894. 16 д. л. 56 страницъ.

Настоящая «Записка» напечатана въ первый разъ въ 1841 г. въ «Материалахъ для статистики Россійской Имперіи, изд. при статистическомъ отдѣленіи Министерства Внутреннихъ дѣлъ» (т. II, отд. IV, 25 стр.) и по чрезвычайной рѣдкости этой книги (сгорѣвшей при пожарѣ 1862 г., вмѣстѣ съ многими другими изданіями министерства внутреннихъ дѣлъ) перепечатана гр. Гр. А. Милорадовичемъ въ Черниговск. Губ. Вѣд. за настоящій годъ и въ отдѣльныхъ оттискахъ ¹⁾. Переизданная «Записка» представляетъ собою замѣчательную работу для своего времени. Авторъ ея А. М. Марковичъ (1790—1865), занимая два трехлѣтія (1832—1838) должность Черниговскаго губернскаго предводителя, добросовѣстно изучалъ за это время архивъ Черниговскаго дворянскаго собранія и находящіеся въ немъ матеріалы для исторіи малорусскаго дворянства, при чемъ плодомъ этого изученія и явилась настоящая «Записка». Исторію малорусскаго дворянства авторъ хотя и ведетъ съ отдаленнаго времени, но старается основываться только на достовѣрныхъ фактахъ.—«Почти всѣ дворянскіе роды Черниговской губерніи ведутъ свое начало или со времени присоединенія Малороссіи къ Польшѣ или со времени возвра-

¹⁾ Кромѣ того «Записка» перепечатана и въ Черниговскомъ Календарѣ на настоящій годъ, озаглавленномъ—«Черниговская памятка. Справочная книжка на 1894—95 годъ», стр. 59—114.

ценія первой къ Россіи, а это еще не доказываетъ, чтобы нѣкоторые изъ нихъ не были древнѣе.... Доказательствомъ, что нѣкоторые дворянскіе нынѣ существующіе роды ведутъ свое начало отъ временъ, предшествовавшихъ завоеванію, (польскому?), служатъ находящіеся въ дѣлахъ (хотя и немногихъ) подтвердительные на имѣнія польскіе акты, въ которыхъ говорится, что при отдачѣ или размежеваніи тѣхъ имѣній владѣльцы представляли польскимъ комиссарамъ грамоты отъ великихъ князей русскихъ предкамъ на ихъ добра наданныя. При разборѣ правъ на дворянство были представляемы и другія свидѣтельства о древности происхожденія, *но строгая историческая критика не можетъ признать ихъ основательными.....* Далѣе авторъ, между прочимъ, обстоятельно рассказываетъ о дѣятельности тѣхъ «комиссій дворянскихъ» которымъ послѣ открытія намѣстничествъ порученъ былъ «разборъ дворянства». Всѣ свѣдѣнія о любопытной дѣятельности этихъ комиссій авторъ извлекъ изъ архивныхъ дѣлъ, и мы, видѣвъ всю массу подготовительныхъ работъ А. М. Марковича для «Записки о дворянскомъ сословіи» въ черновыхъ его бумагахъ, можемъ только лишній разъ свидѣтельствовать о той замѣчательной добросовѣстности, съ которою этотъ человекъ относился ко всякому интересовавшему его дѣлу. Пользуясь оставшимися послѣ А. М. Марковича бумагами, мы намѣрены въ другомъ мѣстѣ подробнѣе поговорить какъ о «запискѣ», такъ и о другихъ его учено-литературныхъ работахъ, дающихъ Марковичу довольно видное мѣсто среди прежнихъ изыскателей малорусской старины.

А. Л.

Гончарный промыселъ въ Полтавской губерніи. Изслѣдованіе И. А. Зарѣцкаго. Изданіе Полтавскаго Губернскаго Земства. Полтава. 1894.
8 д. л. 126 стр. съ таблицами и рисунками.

Изслѣдованіе г. Зарѣцкаго, произведенное и написанное по порученію Полтавскаго губернскаго земства, представляетъ собою почтенную работу, указывающую на жизненность поставленныхъ полтавскимъ земствомъ задачъ по изслѣдованію трудового народнаго быта. «Моя собственная цѣль и интересъ изслѣдованія», говоритъ г. Зарѣцкій, заключалась въ томъ, чтобы «прослѣдить, главнымъ образомъ, возможную генетическую связь нынѣшняго гончарства съ гончарствомъ доисторическихъ временъ путемъ изученія современной техники, инструментовъ и орудій, употребляемыхъ гончарами, формъ и орнамен-

тики гончарныхъ произведеній и сохранившихсяъ обычаевъ и преданій, относящихся къ гончарству...» Если эта задача изслѣдователемъ и не совсѣмъ выполнена, то во всякомъ случаѣ имъ собрано много матеріала для продолжателей хорошо начатой работы. Книжка г. Зарѣцкаго состоитъ изъ трехъ главъ: 1) Матеріаль, приспособленія, орудія и инструменты гончарнаго производства; 2) Техника по изготовленію и орнаментациі издѣлій, матеріалы и готовые издѣлія и 3) Экономическія и прочія условія гончарства.

Село Зуевцы, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Историко-этнографическій очеркъ Т. М. Устименка. (Приложеніе къ отчету Миргородской Уѣздной Земской Управы за 1893 г.) Полтава. 1894. 8 д. л. 131 стр.

Книжка г. Устименка вызвана на свѣтъ Божій, какъ видно, то же дѣятельностью одного изъ полтавскихъ земствъ... Посвящена она главнымъ образомъ изслѣдованію экономической жизни народа, при чемъ авторъ, будучи близко знакомъ съ этою жизнью, сообщаетъ массу цѣнныхъ свѣдѣній изъ видовзмѣненій народнаго труда; особенно интересны въ книжкѣ г. Устименка свѣдѣнія о «щетивникахъ», представляющихъ собою малороссійскихъ коробейниковъ или офеней. Отдавая полную справедливость труду г. Устименка, намъ кажется, что такіе очерки, какой представленъ въ настоящей книжкѣ, полезнѣе было бы составлять не по отдѣльнымъ селамъ, а по отдѣльнымъ мѣстностямъ уѣзда, представляющихъ общность условій экономической жизни. Такіе очерки были бы и полнѣе и интереснѣе, касаясь не одного села, а цѣлой ихъ группы.

Новый отечественный курортъ. (По р. Днѣстру.—Историческое «Побережье» Подольи.—Мѣстечко Каменко). Одесса, 1894. 16 д. л. 16 стр.

Настоящая брошюра г. Модеста Боровиковскаго первоначально была напечатана въ «Одесскихъ Новостяхъ», а затѣмъ отпечатана отдѣльно съ дополненіями. Въ брошюркѣ этой заключается довольно любопытный очеркъ по-Днѣстровья, начиная отъ Дубоссаръ до Могилева-Подольскаго, и затѣмъ—м. Каменки, принадлежащей кн. Витгенштейну.

Родословная Князей Святополкъ на Четвертнѣ Четвертинскихъ. Житомиръ. 1892. 8 д. л. 36 стр. и генеалогическая таблица.

Этой книжки мы не видали и ни въ какихъ библіографическихъ указателяхъ извѣстія о ней не встрѣчали; заглавіе ея сообщено намъ однимъ библіофиломъ и мы заносимъ голое свѣдѣніе объ этой брошюрѣ на страницы нашего журнала до полученія о ней болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній.

Старинные документы на владѣнныя землями г. Кіева, доставленные кіевскимъ городскимъ землемѣромъ И. Д. Таировымъ и напечатанные по резолюціи, положенной 20 іюля 1894 г. кіевскимъ городскимъ головою д. с. с. С. М. Сольскимъ. К. 1894 (стр. 88).

Названная брошюра издана по распоряженію кіевского городского головы, если не ошибаемся, для доказательства правъ города на нѣкоторые спорныя земли; но, помимо этого практическаго значенія, она представляетъ интересъ, какъ собраніе историческихъ матеріаловъ. Въ ней помѣщено всего три документа: 1) ограниченіе земель кіевского магистрата съ землями кирилловскаго монастыря 1767 г. (стр. 3—30); 2) описаніе выгоннаго плана г. Кіева 1788 г. (стр. 31—75) и 3) переписка, вызванная указомъ Пр. Сената о надѣленіи Кіева выгонною землею 1834 г. (стр. 77—88).

Наибольшій интересъ представляетъ первый документъ. Въ немъ изложена по современнымъ актамъ исторія земельныхъ споровъ между кіевскимъ магистратомъ и кирилловскимъ монастыремъ, споровъ, тянувшихся около 80 лѣтъ—съ 1689 по 1767 г. Два документа, относящіеся къ этому дѣлу, напечатаны въ «Сборникѣ матеріаловъ для историческ. топографіи г. Кіева»; изъ настоящаго изданія мы узнаемъ весь ходъ дѣла. Предметомъ спора служили сѣновосы и другія уголья въ окрестностяхъ Кіева (на Сырцѣ, Оболони, Щекавицѣ, Юрковицѣ). Дѣло началось въ 17197 (1689) г. по взаимнымъ жалобамъ кіевского войта Ивана Быковскаго и игумена кирилловскаго монастыря Иннокентія (Монастырскаго). Въ слѣдующемъ году кіевскій воевода кн. Ромодановскій, исполняя высочайшій указъ, поручилъ дьяку Алферьеву произвести размежеваніе спорныхъ земель. Но магистратъ остался недоволенъ «дуктомъ» Алферьева, и вслѣдствіе его протеста въ 1700 г. кіевскому губернатору Фамендину и гетману Мазепѣ, предписано было произвести новое размежеваніе. Въ

1701 назначена была комиссія изъ генеральной старшины подъ предсѣдательствомъ ген. судьи В. Л. Кочубея съ участіемъ командированнаго Фамендинымъ подп. Балабанова; комиссія эта уничтожила алферьевскій дуктъ и произвела новое размежеваніе¹⁾. Не смотря на новыя жалобы кирилловскаго монастыря, рѣшеніе комиссії было подтверждено въ 1715 гетм. Скоропадскимъ²⁾. Но монастырь продолжалъ добиваться обладанія спорными землями. Назначено было еще двѣ комиссіи (время въ документѣ не указано); одна изъ нихъ (киевскій эсаулъ Матвѣй Шумъ съ товарищи) рѣшила дѣло въ пользу монастыря; другая (перееславскій полковой писарь Якимъ Коневскій и сотникъ Концевичъ) даже не явилась въ Кіевъ. Наконецъ, въ 1767 г. по распоряженію малороссійской коллегіи и киевскаго генералъ-губернатора Воейкова дѣло передано было въ козелецкій подкоморскій судъ. Подкоморій Солонина въ присутствіи командированнаго Воейковымъ подп. Панина и представителей тяжущихся сторонъ, кирилловскаго эконома іером. Наѳанаила и киевскаго райцы Герасима Кувичинскаго, разсмотрѣвъ представленные сторонами документы, пришелъ къ тому заключенію, что «хотя по тѣмъ крѣпостямъ... тѣмъ спорнымъ землямъ граничныя земли и урочища значатся, но какъ объ нихъ за многопрошедшимъ временемъ и давностію совершенно признать, паче-жъ всего ведлугъ права... ведающихъ совершенно про оныя старожилыхъ людей представить невозможно», то удобнѣе произвести новое размежеваніе по взаимному соглашенію, что и было исполнено. Такую уступчивость кирилловскаго монастыря можно объяснить тогдашними обстоятельствами — готовившимся отобраніемъ монастырскихъ имуществъ. Впрочемъ Закревскій, пользовавшійся архивомъ киев. дух. консисторіи, говоритъ, что тяжба продолжалась до самаго уничтоженія монастыря (1787)³⁾.

Кромѣ самаго процесса, представляютъ интересъ самыя акты, приводимыя въ документѣ въ сокращенномъ изложеніи или *in extenso* Таковы: «описаніе границъ и грунту монастыря св. Кирила киевскаго», учиненное 2 декабря 1539 Собестіаномъ Яблонскимъ, маршалкомъ воеводства киевскаго, Иваномъ Волковичемъ, намесникомъ киевскимъ, и Василюемъ Панковичемъ земениномъ господарскимъ по-

¹⁾ Рѣшеніе этой комиссії напечатано въ „Об. матер. для ист. топогр. Кіева“ III, 125—133.

²⁾ Листъ Скоропадскаго къ генер. хорунжему Сулимѣ см. тамъ же III, 151—153.

³⁾ Описаніе Кіе ва I, 356.

вѣту кievскаго (стр. 6—7); «привилей Жигимонта Ш» 1619 февр. 15, которымъ онъ надаеъ мѣщанамъ кievскимъ «грунтикъ его королевскій, то естъ гору Щековицу» (15); два листа свѣдочныхъ, данныхъ въ королевскій монастырь отъ войта кievскаго Якова Балыки съ 42 чел. и отъ 30 чел. обывателей 1617 г. октября 9 (7); дукъ Алферьева 21 сент. 1691 съ подробнымъ описаніемъ границъ (10—15); универсалъ гетм. Мазепы 1700 іюля 19 мѣщанамъ кievскимъ на с. Преварку, острова Осотщину, Трухановъ, Муромецъ, Шковицу и земли къ ней належныя (18); наконецъ, послѣднее разграниченіе¹⁾ 1767 г. (21—30).

Въ приводимыхъ актахъ встрѣчаются названія многихъ урочищъ, могущія нѣсколько пополнить свѣдѣнія о топографіи стариннаго Кіева: такъ упоминается два взвоза съ Подола на гору—Чвекрдинъ по горамъ Шковицѣ и Лисой къ Бѣлгородѣ и Никольскій Старинный, повидимому у кирил. монастыря (23), Чортова долина у Кудрявца (11), тамъ же долина Хвощева, Поганья лозы, Святожицкій боръ (11), Рогатинская земля на Сырцѣ, урочища Пупище—«болото багнистое» у устья Сырца, «смуговина Турецъ» у Иорданскаго озера (12, 13, 22) и др.

Два другіе документа представляютъ меньшій интересъ. Описание выгоннаго плана²⁾ заключаетъ точное исчисленіе городской земли удобной и неудобной при надѣленіи города выгонною землею на основаніи межевой инструкціи. Здѣсь же приведены интересныя цифры населенія города съ распредѣленіемъ жителей по сословіямъ (32—33 и вторично 71—72) и населенія нѣкоторыхъ подгородныхъ селеній (65—68). Третій документъ заключаетъ исторію надѣленія Кіева въ 20 и 30 годахъ выгонною землею, взятою отъ окрестныхъ селеній. При этомъ пришлось жителей д. Шулявщины переселить въ Бѣлгородку, а жителей другихъ семи селеній вознаграждать за отходящую землю изъ другихъ казенныхъ земель; жители Звѣринца и Деміевки не получили никакого вознагражденія какъ по недостатку свободныхъ земель, такъ и потому, что они занимаются городскими промыслами, почему имъ и разрѣшено приписываться въ мѣщане. Рѣшеніе это долго не могло быть приведено въ исполненіе за не-

¹⁾ При послѣднемъ разграниченіи было насыпано въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько кургановъ, въ которые положено *уголье*, а въ нѣкоторые *скло и жуужелица*— обстоятельству, которое можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ при раскопкѣ.

²⁾ Это тотъ самый документъ, о которомъ упоминаютъ въ замѣткѣ О. А. въ предыдущей книгѣ „К. Ст.“

имѣніемъ Высочайше утвержденнаго плана Кіева, который былъ утвержденъ только въ 1833 г.

Таково содержаніе сборника. Не смотря на небольшой объемъ, онъ заключаетъ много интереснаго матеріала для мѣстной исторіи. Можно пожелать, чтобы городское управленіе не ограничилось однимъ выпускомъ и издало и другіе имѣющіеся у него старинные документы и, въ особенности, старые планы города, если они сохранились.

В. Щербина.

Обозрѣніе журналовъ за 1894 годъ.

Восходъ. 1894 г., №№ 1—11.

№ 3. *Статья А. Гаркави «Историческая справка о синагогахъ и еврейскихъ молитвенныхъ домахъ въ Россіи до царствованія императора Александра II», стр. 54—76.* Здѣсь помѣщены свѣдѣнія: о луцкихъ синагогахъ въ 1505 году и о разрушеніи синагогъ въ разныхъ мѣстностяхъ Литвы во время возстанія Хмельницкаго, при чемъ число разрушенныхъ и сожженныхъ синагогъ, по памятникамъ того времени, простиралось до 1800.

№ 4. *Статья С. Дубнова «Областные казальные сеймы въ воеводство Волынскомъ и въ Бѣлоруссіи (1666—1764)», стр. 25—44.* Свѣдѣнія «о Волынскомъ Кагалномъ Сеймѣ или Волынской Синагогѣ» заимствованы большею частью изъ статьи Бершадскаго «Матеріалы для исторіи евреевъ въ юго-западной Россіи и Литвѣ», помѣщенной въ «Еврейской Библіотекѣ», томъ VIII.

— *Статья И. Блюменфельда «Письма изъ еврейскихъ Колоній Херсонской губерніи», стр. 1—12,* заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о хозяйствѣ въ еврейскихъ колоніяхъ Херсонскаго и Елисаветградскаго уѣздовъ, за 1892 г.

— Библиографическая статья Критикуса о книгѣ С. Л. Сулимъ — *Historia Franca i frankistow*, изданной въ 1893 г. въ Краковѣ.

№ 8. *Статья М. П. «Къ вопросу объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Западныхъ губерніяхъ», стр. 1—20.* Цѣль настоящаго очерка заключается въ томъ, чтобы провѣрить на основаніи новыхъ данныхъ, что измѣнилось за истекшія 25 лѣтъ въ экономическомъ положеніи русскихъ евреевъ».

№ 10. *Статья С. Дубнова «Еврейская старина въ г. Острогѣ (Волынской губерніи), 1532—1792 г.»*, стр. 1—21. Возникновеніе еврейской общины въ г. Острогѣ авторъ относитъ къ концу XIV в., «когда центромъ еврейскихъ поселеній на Волыни сталъ г. Луцкъ, къ повѣту котораго

Острогъ въслѣдствіи причислялся. Въ опубликованныхъ актахъ свѣдѣнія объ острожскихъ евреяхъ встрѣчаются впервые, на сколько намъ извѣстно, подъ 1539 годомъ; главнымъ промысломъ ихъ, а равно и сосѣднихъ Дубенскихъ и винницкихъ евреевъ, была тогда торговля рогатымъ скотомъ, который доставлялся ими въ большихъ количествахъ изъ Валахіи... Интересны свѣдѣнія о разореніи Острога во время козацкаго возстанія, 1648—50 г., когда изъ многихъ сотенъ еврейскихъ домовъ въ Острогѣ осталось только пять.

Русскій Архивъ 1894 г., № 1—11.

№ 1. *Статья М. Ф. Шурова «Исторія евреевъ въ Россіи»*, при чемъ въ предисловіи приложена краткая біографія автора, «изъ дворянъ Черпаговской губерніи», умершаго въ апрѣлѣ 1891 года. Въ статьѣ заключаются свѣдѣнія о евреяхъ, жившихъ въ Малороссіи въ XVII и XVIII в.

№ 6. *Письмо архимандрита (позднѣ архіепископа Херсонскаго) Иннокентія Борисова къ М. А. Максимовичу*, стр. 297—298..... «Жалкая участь крестьянъ въ Малой Россіи неудивительно, что возбуждаетъ въ васъ слезы и желчь; я очень хорошо знаю и быть крестьянъ, которые помѣщиками считаются за простую вещь, насколько онъ тяжелъ, и пылкость и чувствительность вашего великодушнаго и филантропическаго характера. Зло это тяжелое и совершенно несогласное съ нашимъ временемъ... И потому всѣ добрые и великодушные люди должны скорбѣть а немъ, тѣмъ болѣе, что не существуетъ надежды въ скорости уврачевать это зло»...

№ 8. Изъ бумагъ В. М. Лазаревскаго: I. «Мое знакомство съ Далемъ. II. Переписка съ Далемъ. Стр. 537—580. Изъ краткаго біографическаго очерка В. М. Л—аго (1817+1890) и перечисленія его литературныхъ трудовъ видно, что Л—ій занимался также и составленіемъ Малороссійско-русскаго Словаря и собранные имъ матеріалы для этого труда находятся въ порядкѣ, въ оставшихся послѣ него бумагахъ».

№ 10. *Статья М. Плохинскаго «Поселеніе Грузинъ въ Малороссіи. (Историческій очеркъ)»*, стр. 225—237. Статья написана по архивнымъ источникамъ (Харьковскаго историческаго архива, бывш. архива Малорос. Генер. Канцеляріи) и составляетъ собою перепечатку статьи, напечатанной въ 1893 г., въ Сборникѣ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, (т. V, стр. 1—22), съ приложеніями, которыхъ въ русскомъ Архивѣ нѣтъ.

Труды Кіевской Духовной Академіи 1894 г. №№ 1—11.

№№ 1—2. *Статья Ф. И. Титова, Теокисты Мочульскій, архіепископъ Курскій стр. 53—93 и 217—241.* Теокисты М—ій (1732+1818 г.) былъ послѣдовательно настоятелемъ монастырей: Глуховскаго, Петропавловскаго, Гамалѣвскаго Харлампіева, Кіевскаго Михайловскаго, Ростовскаго Яковлевскаго, Полтавскаго Крестоводвиженскаго и Тверскаго Колязина, а затѣмъ, епископомъ

Сѣвскимъ и Брянскимъ (1784—1787) и Бѣлгородско-Обоянскимъ и Бѣлгородско-Курскимъ (1787—1818). Статья г. Титова представляетъ собою компиляцію, въ которой заключаются извлеченныя изъ печатныхъ источниковъ свѣдѣнія о Харьковскомъ Коллегіумѣ, о Бѣлгородской Семинаріи и о духоборческой сектѣ, возникшей въ пол. XVIII в., въ с. Охочемъ Харьковской губ.

№ 1. *Статья Л. Мацуревича «Неизданныя стихотворенія архіепископа Георгія Конисскаго», стр. 127—143.* Стихотворенія состоятъ изъ надписей къ иконамъ, находящимся въ церкви загородной дачи Могилевскаго архіерейскаго дома, называемой *Печерскъ*. Авторъ статьи между прочимъ напоминаетъ, что въ февралѣ 1895 г. наступитъ столѣтіе со дня кончины Георгія Конисскаго и находитъ, что полное изданіе его сочиненій «въ ихъ подлинномъ, а не подновленномъ текстѣ, было бы особенно кстати теперь».

№№ 2, 3 и 4, *статья Н. И. Петрова «Западно-русскія полемическія сочиненія», стр. 154—186, 343—383 и 510—535.* Подробное перечисленіе Западно-русскихъ полемическихъ сочиненій XVI в., найденныхъ въ одномъ изъ сборниковъ Кіевскаго Михайловскаго монастыря, списаннаго съ сборника Супрасльскаго монастыря XVI в. Здѣсь же заключеніе о значеніи скромныхъ заслугъ для православія со стороны Супрасльскаго монастыря, который имѣлъ посредствующее значеніе между древне-русской полемикой съ латинянами и между южно-русской ученой полемикой, начавшейся съ конца XVI вѣка. Пользуясь нерѣдко въ своихъ сочиненіяхъ древне-русскою полемикою противъ латинянъ, полемисты Супрасльскаго монастыря въ тоже время впервые обратили свое вниманіе на изученіе католичества по католическимъ же источникамъ и тѣмъ проложили пути слѣдовавшей за нею южно-русской ученой полемической литературѣ съ латинянами.

№№ 6 и 7, *статья Ѳ. И. Титова «Митрополитъ Макарій Булаковъ», стр. 217—256 и 384—425.* Статья Ѳ. И. Титова заключаетъ въ себѣ полную біографію ученаго митрополита, причемъ въ указанныхъ двухъ номерахъ помѣщены двѣ главы, относящіяся къ пребыванію М. Макарія въ Кіевской Духовной Академіи, сначала — «въ годы академическаго образованія», а затѣмъ — «въ должности бакалавра Кіевской духовной академіи и ректора Кіево-подольскихъ духовныхъ училищъ.» Г. Титовъ для своего труда пользовался, кромѣ печатныхъ источниковъ, и архивомъ Кіевской духовной академіи.

№№ 6, 7 и 10, *статья прот. П. Орловскаго «Матеріалы для біографіи Кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго» стр. 280—323, 479—485 и 301—322.* М. Арсеній Могилянскій (р. 1704+1770) «двѣнадцатилѣтнее управленіе Кіевской Епархіей (1758—1770) ознаменовалъ (1 заботливостью о защитѣ отъ расхищенія земельныхъ угодій, которыя принадлежали православнымъ монастырямъ и церквамъ, находившимся въ бывшемъ

Слудкомъ княжествѣ; 2) содѣйствіемъ Бѣлорусскому епископу Георгію Ковискому въ защитѣ православія, преслѣдуемаго въ Польшѣ; 3) учрежденіемъ въ Кіевской Епархіи особливаго кошельковаго сбора для вспомошествованія заграничнымъ благочестивымъ монастырямъ и церквямъ; 4) распоряженіемъ о составленіи описанія этихъ монастырей, ихъ фундушей и средствъ къ содержанію, а также вѣдомостей о монашествующемъ и бѣломъ духовествѣ; 5) распредѣленіемъ между Кіевскими и Заднѣпровскими монастырями налога для содержанія чиновниковъ Кіевской консисторіи и митрополичьей канцеляріи; 6) заботливостью о благосостояніи Кіевской академіи; 7) изысканіемъ средствъ къ благоустройству Кіево-Софійскаго кафедральнаго монастыря; 8) учрежденіемъ особыхъ проповѣдниковъ въ г. Кіевѣ и 9) составленіемъ проекта о правахъ и преимуществахъ малороссійскихъ монастырей и малороссійскаго духовенства. По всѣмъ этимъ девяти отдѣламъ въ трудѣ прот. Орловскаго представленны болѣе или менѣе интересныя свѣдѣнія, извлеченныя изъ архива Кіевской консисторіи. Особенно интересенъ 7-й отдѣлъ, «о приведеніи храма Кіево-Софійскаго кафедральнаго монастыря въ благолѣпный видъ»; здѣсь приведены свѣдѣнія объ участіи Запорожья въ пожертвованіяхъ на обновленіе Кіевской Св. Софіи. — «Весьма многіе изъ Запорожскихъ козаковъ въ мирное время, а особенно среди зимы, предъ наступленіемъ великаго поста, отправлялись въ украинскіе монастыри, а по преимуществу въ Кіево-Печерскую лавру и монастыри Кіево-Софійскій, Кіево-Братскій, Кіево-Михайловскій и Межигорскій, чтобы «замолить свои грѣхи». Зимю 1759 г. съ февраля до конца марта съ почетнѣйшими изъ своихъ товарищей Запорожцевъ правилъ въ Кіевѣ и кошвой атаманъ Петръ Ивановичъ Кальнишевскій. Въ это время онъ довольно часто посѣщаль преосв. Арсенія, какъ архипастыря Запорожской сѣчи, и вошелъ съ нимъ въ дружественныя сношенія. Пользуясь такимъ благопріятнымъ случаемъ митрополитъ Арсеній испросилъ у Кальнишевскаго дозволеніе производить въ Сѣчи постоянный ежегодный сборъ на приведеніе своей кафедральной церкви въ окончательному благолѣпію... «Въ 9-мъ отдѣлѣ любопытны свѣдѣнія о содержаніи того «проекта о правахъ и выгодахъ малороссійскаго духовенства», который былъ составленъ по указу св. Синода въ 1767 г. для отсылки въ Московскую комиссію, о составленіи новаго уложенія. Копія сего проекта хранится въ архивѣ Кіевской консисторіи, говоритъ авторъ. Нельзя не пожелать обнародованія этого любопытнаго труда, заключающаго въ себѣ, судя по его содержанію, драгоцѣнный матеріалъ для исторіи малорусскаго духовенства.

№ 7 и 8, статья Н. Стеллецкаго «Странствующій украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода», стр. 449—478 и 608—629. Довольно обстоятельная компіляція, написанная по поводу столѣтняго юбілея,

съ цѣлью познакомить читателей съ загадочною, но несомнѣнно высокочаровитою и чрезвычайно своеобразною личностью».

ЛѠ 10 и 11, статья Г. О. Булашева «Изъ исторіи церковно-приходскихъ школъ въ Кіевской Епархіи», стр. 205—247 и 365—444. Статья г. Булашева заключаетъ въ себѣ обстоятельный очеркъ развитія вопроса о народномъ образованіи вообще и въ частности свѣдѣнія по этому вопросу въ предѣлахъ Кіевской губерніи, съ начала настоящаго столѣтія до настоящаго времени, ... причемъ въ свѣдѣніяхъ о церковно-приходскихъ и министерскихъ школахъ, сообщается большею частью еще неизвѣстный матеріаль для исторіи вообще нашего народнаго образованія во второй половинѣ настоящаго столѣтія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на издаваемый въ С.-Петербургѣ ежемѣсячный историко-литературный и политическій журналъ

„ГАЛИЦКО - РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

посвященный знакомству съ событіями въ Прикарпатской Руси и съ бытомъ Русскихъ Галичанъ и другихъ славянскихъ народовъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА.

1) Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся событіямъ въ Россіи и за границей, въ особенности же, въ Прикарпатской Руси. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія. 3) Церковный отдѣлъ, имѣющій цѣлью знакомить читателей съ важнѣйшими событіями церковной жизни Русскихъ Галичанъ и другихъ славянскихъ народовъ. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. Монографіи, романы, повѣсти, стихотворенія, народныя пѣсни, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера, составленныя при содѣйствіи выдающихся русскихъ и галицкихъ поэтовъ, писателей и ученыхъ. 5) Правительственныя распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 6) Внутренняя и вѣшняя хроника разныхъ событій, корреспонденціи внутреннія и заграничныя. 7) Выдержки изъ газетныхъ статей и журнальныхъ обзорѣй. 8) Библіографія и критика. 9) Мелкія извѣстія и послѣднія новости. 10) Иллюстраціи, соотвѣтствующія содержанію статей. 11) Справочный отдѣлъ. 12) Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ пересылкою и доставкою во всѣ города Россіи и за границу на годъ 5 рублей, на полгода 3 рубля. Безъ пересылки и доставки (въ С.-Петербургѣ) на годъ 4 рубля, на полгода 2 рубля.

Подписка принимается: въ Редакціи „ГАЛИЦКО-РУССКАГО ВѢСТНИКА“, С.-П.-бургъ, Гороховая № 15; въ Славянскомъ Обществѣ, площадь Александринскаго

театра № 9; въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

Редакторъ-издатель; В. Драгомирецкій.

3—3

1895 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ“

СЪ БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

„Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассационныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената“ и „Собранія узаконеній и распоряженій Правительства“.

Выходитъ два раза въ недѣлю: по четвергамъ и воскресеньямъ безъ предварительной цензуры.

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою СЕМЬ руб.

Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—4 руб. и къ 1-му апрѣля—остальные—3 рубля.

(С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59, кв. № 1).

Программа: Передовыя статьи.—Законодательная хроника въ Россіи.—Обзоръ постановленій отечественнаго и иностраннаго законодательства.—Статьи и замѣтки по вопросамъ, возникающимъ въ судебной и административной практикѣ.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи изъ Россіи и заграницы.—Выдающіеся процессы и рѣчи.—Фельетонъ.—Движеніе по государственной службѣ (приказы министерствъ).—Дѣйствія правительства (собранія узак. и распор. прав.).—Рѣшенія Правительств. Сената и циркуляры подлежащихъ министерствъ.—Списки дѣлъ назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, призванныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія).—Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору редакціи „Юридической Газеты“ за справками по дѣламъ, какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти контора редакціи принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщение справокъ о резолюціяхъ Кассационныхъ департаментовъ и Общаго Собранія Правительств. Сената производится въ „Юридической Газетѣ“ въ отдѣлѣ „Почтоваго ящика“ и притомъ не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе года. Лица или учрежденія, желающія получать по дѣламъ Кассационныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому

отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу, прилагаютъ кромѣ того и стоимость отвѣтной телеграммы. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 2. Всѣ другія справки и порученія по всѣмъ вообще правительственнымъ, административнымъ и судебнымъ (центральнымъ и мѣстнымъ), общественнымъ, словеснымъ и частнымъ учрежденіямъ производятся не иначе, какъ на условіяхъ предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Лица и учрежденія, обращающіяся къ намъ за справками, обязаны сообщить: а) бандероль, за которую получаютъ „Юридическую Газету“; б) когда и къмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностнаго лица, и г) когда и какими присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отравлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 5. Контора редакціи „Юридической Газеты“ также принимаетъ на себя и указаніе повѣренныхъ для веденія дѣла.

Ученыя Записки

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

НА 1895 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученныя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертатціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтонисъ: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнью коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учреждений при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко въ Казанскому Университету, обзорнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскія курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературныя съ научными комментаріями и памятники имѣющіе научное значеніе и еще не обнаруженные.

Ученныя Записки выходятъ періодически шесть рѣ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложений.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложениями 6 руб., съ пересыкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 коп. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *Ө. Мищенко.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ
НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ЮВОШЕСТВА И САМООБРАЗОВАНІЯ

IV-й
годъ
ИЗДАНІЯ

МІРЪ БОЖІЙ.

IV-й
годъ
ИЗДАНІЯ

ВЫХОДИТЬ 1-го ЧИСЛА КАЖДАГО МѢСЯЦА.

въ размѣрѣ 18—20 печатныхъ листовъ.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журна «Мірѣ Божій» — давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе, въ видѣ—1) оригинальныхъ и переводныхъ беллетристическихъ произведеній, какъ новѣйшихъ, такъ и классическихъ; 2) научныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія; 3) критическихъ и библиографическихъ отзывовъ о важнѣйшихъ явленіяхъ современной литературы и 4) извѣстій о выдающихся событіяхъ текущей русской и заграничной жизни, литературы и науки Имѣя въ виду не только юношество (подъ которымъ редакція разумѣетъ, конечно, не подростковъ 13—14 лѣтъ), не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о тщательномъ подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность съ одной стороны слѣдить за движеніемъ современной мысли, а съ другой—пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, общественнымъ и историческимъ.

Въ 1895-мъ году журналъ будетъ издаваться съ тѣми же сотрудниками и по той же програмѣ, при чемъ для напечатанія препролагается, между прочимъ, слѣдующее:

«По новому пути», романъ Д. Мамина Сибиряка; «Исторія одной жизни», повѣсть К. Станюковича; «Изъ прошлаго», повѣсть А. Лугового; «Князь и кметы», историческій романъ Крашевскаго; «Таинственная исторія», романъ Оноре Бальзака; «Процессы оплодотворенія въ растительномъ царствѣ» (съ рисунками), проф. И. Бородина; «Окраска животныхъ» (съ рисунками), проф. Н. Холодковскаго; «Мозгъ и мысль», проф.

Челпанова; «Неорганический міръ» (съ рисунками), очерки В. Агафонова; «Основы психологін» съ франц. подъ ред. проф. Г. Челпанова; «Исторія» новизаціи до среднихъ вѣковъ» (съ рисунками), Дюкдрэ, перев. подъ ред. Д. Коропчевскаго; «Очерки русской культуры» проф. Н. Милюкова; «Биографія Ив. Серг. Тургенева» (съ иѣск. портрет.), Ив. Иванова; «Изъ исторіи прессы» А. Слѣпцова; «Маркъ-Аврелій», очеркъ И. Красноперова; «Добрые обычаи и нравы» (изъ воспоминаній изслѣдователя), Ф. Щербини; «Очерки народнаго труда», Н. Мурашкинцевъ.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой—7 р., безъ доставки—6 руб., за границу—10 руб. Подписка принимается въ С.-Петербурѣ: въ главной конторѣ и редакціи—Литовка, 25, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Разсрочка черезъ казначеевъ и по соглашенію съ редакціей. Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 5% съ каждаго экземпляра.

Изд. А. Давыдова.

Ред. В. Острогорскій.

Имѣются годовыя экземпляры 1894 и 1893 года, за 1892 годъ всѣ экземпляры израсходованы.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“.

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная безъ предвѣрительной цензуры.

Знамя газеты: Люди — братья; ихъ долгъ—жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи ко благу общему.

Основная задача газеты—изученіе нуждъ родной земли. Работы, начинанія, провѣтки, ошибки и успѣхи общественныхъ дѣятелей различныхъ мѣстностей нашего обширнаго и все еще мало изслѣдованнаго отечества—вотъ тотъ матеріалъ, которымъ мы преимущественно стремимся дѣлиться съ тружениками-участниками общественной работы

Освѣщая нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской земли, всѣхъ слоевъ нашего народа—мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребляемъ всѣ усилія, чтобы «Русская Жизнь» по вопросамъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики, была органомъ, цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Съ переводомъ печатанія «Русской Жизни» въ устраиваемую нынѣ свою типографію разиѣръ газеты будетъ увеличенъ безъ увеличенія подписной платы.

Подписная цѣна съ пересылкой для иногороднихъ: На годъ—9 р., полгода—5 р., 3 мѣсяца—3 р., одинъ мѣсяць—1 р., для городскихъ—8 р., 4 р. 50 к., 2 р. 60 к., 90 к.; за границу: на годъ 17 р., полгода 9 р.

Разсрочка допускается со взносомъ не меньше 1 рубля ежемесячно вперёдъ

Новымъ подписчикамъ, оплатившимъ годовую подписку, газета высылается бесплатно по 1 января 1895 года со дня полученія въ Главной Конторѣ подписныхъ денегъ; оплатившимъ полугодовую подписку ранѣе 1 декабря газета высылается бесплатно за декабрь сего года.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 23.

Отдѣленія Конторы:

С.-Петербургъ: 1) при книжномъ магазинѣ Н. Фену и Комп. Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора; 2) при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Литейной, 46.

Москва: Моховая, противъ университета, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Никольской, въ Славянскомъ Базарѣ, при книжномъ магазинѣ И. Д. Сытина и въ Конторѣ Печковской.

Варшава: Новый свѣтъ, 67, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Томскъ—при книжн. магазинѣ П. И. Макушина.

Редакторъ-Издатель А. Пороховщиковъ

2—3

„КІЕВСКОЕ СЛОВО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ЛИТЕРАТУРНО ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

ГАЗЕТА

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1895 ГОДУ НА ПРЕЖНИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

- 1) Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, хозяйственнымъ, педагогическимъ, законодательнымъ, судебнымъ, земскимъ и т. п. Особенное вниманіе будетъ обращено на сельское хозяйство, свеклосахарную промышленность, лѣсоводство и пр.

- 2) Телеграммы внутреннія и заграничныя, причѣмъ будетъ обращено особое вниманіе на коммерческія извѣстія.
- 3) Корреспонденція внутреннія и заграничная.
- 4) Извѣстія изъ славянскихъ земель.
- 5) Повѣсти, рассказы и романы.
- 6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (Фельетонъ).
- 7) Обзорніе русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ.
- 8) Критика литературная, художественная и театральная.
- 9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія Правительства. Мѣстная хроника г. Кіева. Краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ юго-западнаго края.
- 10) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и ѡцін. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, парьходы, лѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

Подписная цѣна на «Кіевское Слово» съ доставкой и пересылкой на годъ 10 р., на 6 м.—6 р., на 3 м.—4 р., на 1 м.—1 р. 50 к.; безъ доставки и пересылки—на годъ—8 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ 5 р. и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые 5 р., безъ доставки въ тѣ-же сроки по 4 р. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяць. За перемѣну иногороднаго адреса—20 к.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ редакціи, на Большой Владимірской, д. № 35, А. Я. Антоновича, 2) На Крещатицѣ, въ магазинахъ: Л. Идзиковскаго. Б. В. Корейво и Н. Оглоблина.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ Главную Контору «Кіевского Слова», Большая Владимірская домъ № 35.

Редакторъ-издатель *В. М. Богдановъ*

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Выходитъ въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, 1-го числа каждого мѣсяца, книжками до 30 печатныхъ листовъ по той же программѣ и при участіи тѣхъ же ближайшихъ сотрудниковъ, что и въ прежніе годы.

Постоянные отдѣлы журнала слѣдующіе: 1) Изыщная словесность (Оригинальные и переводные романы, повѣсти рассказы, очерки, стихотворенія и т. д.) 2) Наука (философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч.) 3) Искусство (обозрѣнія театральныя, музыкальныя, художественныя и др.) 4) Воспоминанія 5) Путешествія. 6) Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей. 7) Критика и библіографія (отзывы о сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ литературы, новости иностранной журналистики и обозрѣнія духовныхъ журналовъ.) 8) Вопросы церковной жизни. 9) Современные вопросы. 10) Лѣтопись печати. 11) Внутреннее обозрѣніе. 12) Иностранное обозрѣніе. 13) Иностранныя корреспонденціи. 14) Экономическія замѣтки. 15) Областной отдѣлъ (письма и сообщенія изъ провинціи.) 16) Объявленія.

Содержаніе книгъ 1895 г. будетъ отличаться богатствомъ, разнообразіемъ и полнотой. Приобрѣтено, между прочимъ, для напечатанія неизданное произведеніе И. А. Гончарова и богатый запасъ писемъ Аксаковыхъ, Ю. О. Самарина, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевскаго, М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева, К. Н. Леонтьева, А. О. Писемскаго, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, М. Е. Салтыкова, (Щедрина). В. М. Гаршина и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (въ предѣлахъ Имперіи) съ пересылкой и доставкой: на годъ—15 руб., на полгода—7 руб. 50 коп., на 3 мѣс.—3 руб., 75 коп., на 1 мѣс.—1 р. 25 коп. Съ пересылкой за границу—18 руб.

Для лицъ духовнаго званія, для гг. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—12 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 руб.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя бібліотеки, военныя собранія, а равно и лица состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ журнала и во всѣхъ лучшихъ книжн. магазинахъ.

Магазинамъ уступки—50 коп. съ экз.; доставившимъ подписки на 10 экз. и болѣе—уст. 10% съ экз. Подписку съ разсрочкой платежа просятъ адресовать исключительно въ контору редакціи. Книги журнала 1890—1891 г. г. продаются въ конт. ред. по 7 руб. за годъ, 1892—1894 и. г. по 5 руб. за годъ. Пересылка доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ пять лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

- 1) Сборникъ конкурсныхъ программъ и докладовъ о трудахъ на пользу народнаго образованія, увѣчаныхъ преміями Комитета Грамотности 50 »
- 2) Указанія о бесплатныхъ народныхъ библіотекахъ (читальняхъ) 2-е изданіе 10 »
- Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

1—1

НАСТОЛЬНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Изд. съ 44-го выт. Т-ва А. Гранатъ и К^о, бывш. Т-ва А. Гарбель и К^о.

Изданіе имѣетъ цѣлю въ общедоступномъ и сжатомъ изложеніи дать точныя и достаточно полныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія и болѣе важнымъ явленіямъ жизни и тѣмъ содѣйствовать разностороннему гармоническому развитію.

Въ изданіи принимаютъ участіе: проф. Д. Н. Анучинъ, проф. П. Г. Виноградовъ, проф. Ю. С. Гамбаровъ, М. Я. Герценштейнъ, прив.-доц. Г. М. Герценштейнъ, В. А. Гольцевъ, В. Н. Григорьевъ, пр.-доц. А. Г. Гусаковъ, Діонео, маг. А. И. Каминка, Я. Н. Колубовскій, проф. В. Ф. Левитскій, прив.-доц. И. Л. Лось, проф. И. В. Лучицкій, проф. И. Н. Мивлашевскій, пр.-доц. П. Н. Милуковъ, С. А. Муромцевъ, проф. В. А. Мякотинъ, проф. П. А. Некрасовъ, проф. В. М. Нечаевъ, В. П. Острогорскій, М. Л. Песковскій, проф. Э. Ю. Петри, проф. Э. Л. Радловъ, М. Н. Ремезовъ, прив.-доц. А. Р. Свирщевскій, А. П. Суботинъ, проф. А. С. Тауберъ, проф. Н. А. Умовъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, проф. А. И. Чупровъ и др.

Все изданіе составитъ всего 8 томовъ (108—115 выпусковъ). Вышло 94 выпуска (составляющихъ 6 томовъ и 7 вып. 7-го тома) до слова Саліась; въ нихъ помѣщены 64,618 статей въ замѣтокъ, 1,311 портретовъ и рисунковъ, 18 географическихъ картъ, хромо- и олеографіи, таблицы рисунковъ, 2 серіи «Снимковъ картинъ классическихъ художниковъ».

Цѣна тому (14 вып.) на обыкновенной бумагѣ 4 р. 20 к., на лучш. бум. 5 р. 50 к., тому въ перепл. 4 р. 50 к. и 6 р. За пересылку приплачивается 10% цѣны. По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена. Допускается Разрочка на слѣд. условіяхъ: при подпискѣ вносится 5 руб.; послѣ чего высылаются первые 6 том. съ наложеннымъ платежомъ въ 5 р.; остальные деньги выплачиваются трехмѣсячными взвсами по 5 руб.

Подробные проспекты съ отзывами печати и выдержками изъ текста высылаются по требованію бесплатно.

Главная контора: Москва, Долгоруковскій, 8.

Годъ тридцать третій (XXXIII).

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
РУССКІЙ АРХИВЪ
1895 годъ.**

*Русскій Архивъ въ 1895 году будетъ издаваться по прежнему
ДВѢНАДЦАТЬЮ ТЕТРАДЯМИ.*

Въ «Русскомъ Архивѣ» за 1894 годъ были напечатаны, между прочимъ: Клушинская битва Д. И. Иловайскаго, памятные записи XV вѣка Арх. Леонида, новооткрытыя челобитныя Патріарху Пикону, бумаги относящіяся къ Булавинскому бунту, мученическая кончина іеромонаха Константина, взятіе Берлина русскими войсками (1760), семейныя бумаги А. Н. Корсакова, указы Павла Перваго, переписка гр. П. С. Потемкина съ гр. Самойловымъ, бумаги А. Г. Троицкаго, записки Н. Н. Муравьева-Карскаго (1828—1835), письма братьевъ Кирѣевскихъ изъ за границы, исторія Евреевъ въ Россіи М. Ѡ. Шугурова, памятные тетради С. М. Сухотина, письма и бумаги Пальмера, письма м. Иннокентія, м. Филарета, Иннокентія Борисова, пр. Антонія, арх. Гурія, митр. Леонтія, Платона, Исидора, біографія И. В. Кирѣевскаго, А. К. Казембека, статьи К. П. Побѣдоносцева, гр. М. В. Толстого, Д. М. Иловайскаго, академика Л. Н. Майкова, И. У. Полямпсестова, А. А. Чумикова, Л. М. Савелова, Л. Ѡ. Змѣева, проф. И. В. Помяловскаго, воспоминанія князя Д. Д. Оболенскаго и др., стихотворенія С. А. Соболевскаго, графа В. А. Соллогуба, С. П. Шевырева, Ѡ. М. Дмитріева. Приложены портреты И. В. Кирѣевскаго, А. К. Казембека, М. Н. Аксаковой, Рейтерна. Предметная Роспись содержанію «Русскаго Архива» за первыя тридцать лѣтъ (1863—1892).

*
**

Въ 1895 году будутъ напечатаны новыя показанія объ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и ея царствованіи изъ Французскаго государственнаго архива, письма и бумаги Екатерины Великой, письма и рескрипты Александра Благословеннаго, Записки сенатора К. Н. Лебедева, новыя выдержки изъ Записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго, Записки академика Ступина, воспоминанія князя Д. Д. Оболенскаго, бумаги Ф. Ф. Вигеля, судебные процессы изъ бумагъ сенатора К. Н. Лебедева, переписка Петербургскаго митрополита Гавріила, письма Пальмера, бумаги В. А. Жуковскаго и пр.

Подписка на «Русскій Архивъ» принимается.

1) въ *Москвѣ*, въ конторѣ «Русскаго Архива» близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175.

2) въ *Петербургѣ*, въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени».

3) въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Саратовѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и Одессѣ

Годовая цѣна съ пересылкою и доставкою—*девять* рублей. Для чужихъ краевъ—*двѣнадцать* рублей.

Подписчикамъ на 1895 годъ предоставляется пріобрѣтать по уменьшенной цѣнѣ первыя 26 томовъ «Архива Князя Воронцова», содержаніе которыхъ помѣщено на обложкѣ XI выпуска «Русскаго Архива» 1894 г.

Петръ Бартеневъ.

Юрій Бартеневъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLVII, 1894 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

СТР.

I. ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО. (<i>Продолженіе</i>) 1—19, 190—206	333—348
II. ЛЕГЕНДА О БЛАГОЧЕСТИВОМЪ ЖИВОПИСЦѢ. Н. Ѳ. Сум- цова.	20—24
III. БОГУСЛАВСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ. (По школьнымъ воспоминаніямъ). П. Клебановскаго. (<i>Окончаніе</i>). 25—37,	271—278
IV. БАТУРИНЪ. (Изъ путевыхъ впечатлѣній). Н. Ш—ва. . . .	38—47
V. ДѢТСКІЙ ЭДЕМЪ ДО ВКУШЕНІЯ ПЛОДА ОТЪ ДРЕВА ПОЗНАНІЯ ДОБРА И ЗЛА. (Изъ дѣтскаго міра деревен- скаго мальчика). М. Щ. (<i>Продолженіе</i>) 48—61, 279—295,	388—401
VI. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ. По I. Ролле. А. Ефименко. (<i>Продолженіе</i>) 62—89	167—189
VII. ЧЕРНИГОВСКАЯ ГИМНАЗІЯ НАЧАЛА 40-хъ ГОДОВЪ. Л. Рудановскаго.	90—110
VIII. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ГРИГОРІЯ АНДРЕЕВИЧА ПО- ЛЕТКИ.	111—135
IX. КУДОЯРОВА ПЕЩЕРА. (Разсказъ-преданіе). Сергѣя Бра- иловскаго	207—241
X. КЪ ИСТОРИИ МАЛУРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФІИ И МАЛО- РУССКАГО ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ. Николая Василенна. 242—270	402—424
XI. ПРЕЖНІЕ ИЗЫСКАТЕЛИ МАЛУРУССКОЙ СТАРИНЫ. Ал. Лазаревскаго.	348—387
XII. КЪ ИСТОРИИ ЮЖНО-РУССКИХЪ АПОКРИФИЧЕСКИХЪ СКАЗАНІЙ	425—444

- XIII. ПОСОЛЬСТВО ЯКОВА СМЯРОВСКАГО КЪ БОГДАНУ ХМЕЛЬНИЦКОМУ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ЗАМОСТЬЯ ВЪ 1648 ГОДУ. (По рукописнымъ источникамъ). 445—460
- XIV. ЮБИЛЕЙНОЕ ЧЕСТВОВАНИЕ ПАМЯТИ ГРИГОРІЯ САВВИЧА СКОВОРОДЫ ВЪ ХАРЬКОВѢ. 461—474
- XV. ОМЕЛЬЯНЪ ОГОНОВСКІЙ. (Некрологъ). 475—479
- XVI. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Посылка Малороссіянъ въ ледяной домъ. **Е. К.** б) Нѣсколько данныхъ о Боровиковскомъ. **В. Горленка.** в) Изъ литературной полемики **В. И. Аскоченскаго.** Сообщ. **А. Лотоцкій.** г) Іеремія Вишневецкій и козацкое землевладѣніе. Сообщилъ **В. Щербина.** д) Грамота Богдана Хмельницкаго относительно частнаго землевладѣнія. **В. Щербины.** е) Къ вопросу объ источникѣ водевила Котляревскаго: «Москаль-Чаривныкъ». Сообщ. **Вл. Боцяновскій.** ж) Изъ прошлой жизни Печерской Лавры. **А. Л.** з) Къ поминкамъ о Сковородѣ. **А. Л.** и) Опущенная въ печати страница изъ лѣтописи Грабянки. **А. Л.** і) Дневникъ гетманича Апостола **А. Л.** к) Первые шаги администраціи по открытіи намѣстничествъ. Сообщилъ **А. Ковалевскій.** л) Историко-статистическіе матеріалы, своевременно переданные въ Кіевскій Центральный Архивъ. **О. Л.** м) Къ біографіи гетмана Павла Тетери. **О. Л.** н) Полтавскій земскій музей. **З.** о) Фабрика фарфора Миклашевскаго. **З.** п) **В. Я. Ломиновскій.** р) Риторика двадцатыхъ годовъ въ Волинской семинаріи. **Ө. Кудринскаго.** с) Деревенская оргія. **В. М.** т) Къ воспоминаніямъ Іосифа Самчевскаго. **Өеодора Уманца.** у) Какъ баба замирала. **В. Ястребова.** ф) Нѣсколько заговоровъ. Сообщ. **Сав. Линденбергъ.** х) Разсказъ о вовкулакахъ. Сообщилъ **Ив. Бѣньковскій.** 136—155 296—311. 481—497
- XVII. БИБЛИОГРАФІЯ. а) Одесскія юбилейныя изданія. **В. Я.** б) **Д. И. Эварницкій.** Иванъ Дмитріевичъ Сирко, славный кошевой атаманъ войска запорожскихъ низовыхъ козаковъ **А. С—а.** в) Отчетъ Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за 1893 г. **В. Я.** г) О разрѣшительныхъ грамотахъ восточныхъ патріарховъ. **Н. П. Лихачова.** **В. Б.** д) Учебный атласъ русской исторіи. Составилъ баронъ **Н. Н. Торнау.** **W.** е) Тридцатилѣтіе Керченской Александровской гимназіи. Краткая историческая записка, составленная преподавателемъ исторіи **Хр. Хр. Зенкевичемъ.** **А. С.** ж) Журнальное Обо-

зрѣніе за 1-ую половину 1894 года. з) Опытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ). Т. I (1802—1815 г.). Д. И. Багалъя. С. Р. и) Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣлы. Томъ второй. Дневники раскопокъ 1887—1889 г.г. гр. Алексѣя Бобринскаго и о курганахъ звенигородскаго и роменскаго уѣздовъ. и) Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества. Томъ 93-й. В. Ястребова. к) Ab. Novelacque et. G. Hervé. Recherches ethno logiques sur le Morvan. (Extrait des Memoires de la Société d'Anthropologie de Paris). О. В. л) Алексѣй Веселовскій, Этюды и Характеристики А. Степовича. м) Отчетъ о состояніи Коллеги Павла Галагана съ 1 октября 1890 г. по 1 октября 1894 г. В. Щербины. н) Обзорѣніе журналовъ за 1-ую половину 1894 г. о) Разборъ этнографическихъ трудовъ Е. Р. Романова, составленный проф. Харьковскаго университета Н. О. Сумцовымъ. В. Я. п) Извѣстія Импер. Общ. Любит. естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Томъ LXXXIII. Труды Географическаго Отдѣленія. Выпускъ I. А. Н. Красновъ. Травяныя степи сѣвернаго полушарія. В. Я. р) Baron de Bay. Rapport sur le Congrès international d'Anthropologie de Moscou. P. 1893. 2. Souvenir du congrès international d'Anthropologie de Moscou. P. 1893 3. La bijouterie des goths en Russie. P. 1892. 4. Rapport sur les découvertes faites par M. Savenkov dans la Sibirie orientale. P. 1894. О. В. с) Paul Sébillot. Les travaux publics et les mines dans les traditions et les superstitions de tous les pays. Paris, 1894. О. В. т) Историческая и статистическая записка о дворянскомъ сословіи и дворянскихъ имуществахъ Черниговской губерніи. Составлена Черниговскимъ Губернскимъ Предводителемъ дворянства А. М. Марковичемъ въ 1838 г. Издана Черниговскимъ Губернскимъ Предводителемъ дворянства Графомъ Гр. А. Милорадовичемъ. А. Л. у) Гончарный промыселъ въ Полтавской губерніи. Изслѣдованіе И. А. Зарѣцкаго. Изданіе Полтавскаго Губернскаго Земства. ф) Село Зуевцы, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Историко-этнографическій очеркъ Т. М. Устименка. (приложеніе къ отчету Миргородской Уѣздной Земской Управы за 1893 г.) х) Новый отечественный курортъ. (По р. Днѣстру.—Историческое «По-

бережье» Подолія.—Мѣстечко Каменко). п) Родословная Князей Святополкъ на Четвертѣ Четвертинскихъ. ч) Старинные документы на владѣніе землями г. Кіева, доставленные кievскимъ городскимъ землеброръ И. Д. Таировымъ и напечатанные по резолюціи, положенной 20 іюля 1894 г. кievскимъ городскимъ головою д. с. с. С. М. Сольскимъ. В. Щербины.	498—515
ш) Обзорѣніе журналовъ за 1894 г. 156—166, 312—332	
XVI. ПРИЛОЖЕНІЯ: Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича Часть третья. (337—342) (1—16)	17—32
ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1—4 1—16	1—42

Среда. 25. Сей день былъ теплій, толкожь вѣтеръ былъ зъ дождемъ малимъ, а въ ночь морозъ. Мякинину заплатилемъ 22 р. зъ полтиною за анталъ вина венгерского. Лиштви зъ пузаменту золотого за 5 р. до кунтуша вишневого. Гроту за Платона 2 р. дадемъ, что его видѣчьиль.

Четвер. 26. Сей день былъ зъ ранку холоденъ зъ морозомъ, въ день отлигло, въ ночь ясно и морозъ. Жена моя ездила на настовникъ до сестри и оттуду привезли род. кортикъ и притупей. 8 р. доктору Вокъ за панюю заплатилъ, а еще 12 р. домагается.

Пятокъ. 27. Сей день былъ холодний и велми вѣтраний, и ночь.

Субота. 28. Сей день былъ холодний же, однакожь вѣтеръ утихъ и ночь такова жъ. Коммуниковаля святимъ Тайнамъ.

Воскресеніе X-во. Неделя. 29. Сей день былъ холодний и къ вечеру снѣгъ проривался, и ночь холодна и нахмурна. Ездилисмо до п. гетмановой, а по обѣдѣ до сестри, на настовникъ.

Понеделокъ. 30. Сей день былъ свѣтлий и холодний, и ночь. Обѣдалисмо у гетмановой и подіяхомъ. Манѣфестъ объявлялъ Новоторжцовъ, что коронацѣя ея величества будетъ въ априлѣ м-цѣ. Въ Бѣлагородъ Вибииковъ губернаторомъ, а князь Юрій Трубецкой въ сенатъ, на мѣсто князя Ромодановского, сего 17-го марта. Указъ присланъ полку Писарева въ Дербентъ ити.

Вовтор. 31. Сей день былъ холодний и похмурний мало, а потомъ ясный, ночь свѣтла и холодна. Обѣдалисмо партикулярно зъ сестрою у п. гетмановой. Били у Мякиннина и Количева, и оттуду позно въ домъ пріехали.

Априль. Среда. 1. Сей день былъ свѣтлий и теплій, ночь ясна и холодна. Обѣдалемъ у еестри, билемъ у обозного енер. и у Сухарева рано, а по обѣдѣ у п. Михайла, где и долго игралемъ въ карти.

Четвер. 2. Сей день былъ свѣтлий и теплій, а ночь и ранокъ холодни. Принималемъ t-га emeticum gran jii и имѣлемъ во мѣсторіумъ 4. По обѣдѣ пріехалимо ко мнѣ п. Михайло и Лука, зъ которими ездили до сестри.

Пятокъ. 3. Сей день былъ свѣтлый и отъ другихъ еще теплѣйшій, ночь свѣтла и поступеная. Обѣдали въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ въ городъ и игралемъ въ карты у п. Михайла. Потомъ ездилемъ до сестри, гдѣ и вечералемъ.

Субота. 4. Сей день еще билъ погоднѣйшій отъ другихъ, такъже и ночь тепла и пахмурна. Обѣдалисмо у брегадира, а по обѣдѣ приѣхала къ намъ сестра и протчіе, п. Михайло такожъ. и передъ вечеромъ отехала. Приѣхали подводчики Сварковскіе зъ Москви, а привезли 10 тысячъ гвоздей желѣзныхъ, да два пуда муки крупичатой. Молодикъ п. Кондзеровского застрелилъ хлопця его Данилца на смерть.

Неделя. 5. Сей день былъ похмурный и къ вечеру дожчикъ накраплялъ, такова жъ и ночь. Обѣдалисмо у сестри на поставнику и п. гетманова, братъ п. Михайло и проч. Атаманъ Глуховскій приѣхалъ съ Москви и объявилъ о Мануйловичеви, паралъжемъ зараженномъ.

Понедѣлокъ. 6. Сей день былъ пахмурный, однакъ мало студений, и ночь такъже. Обѣдалемъ въ дому, по обѣдѣ ездилемъ до сестри, которая подарила... (?)

Вовтор. 7. Сей день такъже билъ похмурный и ночь, и холодновати. Обѣдалисмо у п. Стефана Миклашевского и по обѣдѣ заездилемъ до Потемкина и съ нимъ въ карты игралемъ. У Миклашевского инспекторъ зъ дѣтми виправляли комедію.

Середа. 8. Сей день былъ свѣтлый и къ вечера похмурный, такъже и ночь зъ вѣтромъ. Обѣдалемъ у сестри и приѣхалемъ оттуду у вечеру. У Вѣжевского шинковихъ грошей всѣхъ 100 р. зъ лишнимъ, принятихъ отъ начала его вѣдѣнія, и записалемъ въ реестрѣ его.

Четвер. 9. Сей день былъ вѣтряный, холодный зъ дожчемъ, такъже и ночь. Обѣдалисмо у Стефана Миклашевского, ми зъ род., брегадиръ и проч. Заехалемъ до брата п. Михайла на Бѣлополовку и оттуду приѣхалемъ домой позно.

Пятокъ. 10. Сей день зъ ранку хмурный и дожчевать, потомъ свѣтель ночь сперва темна зъ дожчемъ. Явились мужики Брисковскіе на попа, которіе отправлени зъ писмомъ моимъ до его

писаннымъ и зъ писомъ до господара и 10 р., о покущѣ плитовъ 2-хъ, дровъ и присилцѣ сюда гор. оковитой писанномъ.

Субота. 11. Сей день свѣтель почасты и почасты хмаренъ, холодноватъ. Правителствующій сенатъ составленъ въ 21 персонахъ. *(Слѣдуетъ перечень ихъ, а за тѣмъ манифестъ объ учрежденіи сената. См. въ изд. 1859 г., I, 349).*

Неделя. 12. Сей день былъ сперва холодный и вѣтранный и похмурный, потомъ теплъ и ночь. Обѣдалимо у обозного енералного, а потомъ игралемъ въ карти у п. Михайла.

Понедѣлокъ. 13. Сей день былъ вѣтранъ зъ ранку, послѣ полдня теплъ, такъ же и ночь тепла. П. Михайлу родился сынъ Яковъ, по полудни. Ездилемъ до сестри Уляни Ивановни, а потомъ повернулемся. Далемъ женѣ на расходъ 20 р. Гор. тутъ въ імбарѣ 16 куоъ великихъ.

Вовтор. 14. Сей день былъ волми вѣтранный, а у вечеру стало тихо и ночь тиха. Обѣдали у насъ брегадиръ съ товарищи и подшіхомъ.

Среда. 15. Сей день былъ пахмурный однакожь теплій, дождь перерывцемъ ишолъ, ночь свѣтла. Приехалъ зъ Ромна Романъ зъ объявленіемъ о болѣзни матки моеи. По обѣдѣ приѣздила сестра, зъ которою до п. гетмановой ездилисмо. Получилемъ писмо отъ п. Павловой Кролевецкой Огіевской за гор. и медъ упоминающееся, до которой отписалемъ, что за гор. уже расплатилисмося, а за медъ мѣлъ Новѣцкій тогда якъ бралъ расплатится; однакожь послалъ теперъ черезъ еи слугу 10 р.

Четвер. 16. Сей день былъ теплій, а у вечеру былъ громъ и дождь великий до полночи. Обѣдалемъ у сестри и вечералемъ, куда приехалъ отецъ Мойсей и отецъ Ісаія. Родитель рано поехалъ въ Роменъ. Декокть началемъ пить.

Пятокъ. 17. Сей день былъ хмуренъ, маловѣтранъ, однакожь теплъ, и ночь тепла и свѣтла. Составилемъ опредѣленіе на церковь Анастасіевскую именовъ сестри Толстой, тоестъ 6 коморъ, а 7-мий при коморокъ, дворъ шинковый у рядахъ, а другій близъ церкви Анастасіевской, а третій пустий плецъ Іванцевскій опредѣлени. зъ

котирихъ зъ приходу въ годъ денежного жалованья отцу Мойсею 30 р., вѣкарію 10 р., на школу совсѣмъ 20 р., на свѣчи, ладанъ и воскъ 15 р., паламареви 6 р., стряпчему 10 р. Заездилиемъ до сестри; оттуду поехалиемъ въ путь свой до Тулиг., але когда спалня у дрого зломилась, переложился у спалню и. Кондзеровского и приехалиемъ у Тулиг. на ночь. У Тулиг. засталиемъ гор. оковитой 4 кувхи великихъ, пчолы 24.

Субота. 18. Сей день былъ теплій и ясный, а передъ вечеромъ хмарно и холодне стало, такъ и въ ночь. Сегодня рано въ Тулиголовахъ откушавши, поехалиемъ въ Мутинь, где перемѣнивши конѣ гнѣдіе, явіе стар. Каменскому отдалиемъ и денги ему жъ даль на овесь, а взявши вороніе, поехалиемъ и переехавши черезъ Сеймъ, приехалиемъ въ Грузскую, где и заночовалиемъ. До сестри Чарнишевой, судійной, писалиемъ зъ поздоровленнемъ праздника и что описъ ей дому у мене имѣтся.

Неделя. 19. Сей день былъ зъ ранку холодній и похмурний, а потомъ теплій, а у вечеру и черезъ всю ночь дождь ишолъ. Поехалиемъ зъ Грузской и па дорозѣ получилиемъ листъ отъ род. о томъ, что родителька въ добромъ здоровю, а не такъ якъ донесено, обрѣтається, а приехалиемъ въ Смѣлое, где у Якова Дуброви обѣдалиемъ; по обѣдѣ спочивши, приехалиемъ въ Роменъ и засталиемъ обоихъ родителей въ добромъ здоровю. У намѣстника Роменского, отца Іоанна, актъ веселний отправляется синови его, посягающему себѣ въ невѣсту зъ Гадячого.

Понедѣлокъ. 20. Сей день былъ зъ ранку похмурний, а до полудня дождовать, потомъ маловато годилось, къ вечеру и въ ночь тепло ясно и тихо. Обѣдалисмо всѣ въ род. дому, а у вечеру били у отца Іоанна, на веселю, куда приехалъ сынъ его зъ невѣстою зъ Гадячого. Писалиемъ въ Глуховъ, черезъ козака глух., до жени, до сестри и до Люки; до жени въ нѣсколькихъ пунктахъ, о нуждахъ домашнихъ.

Вовтор. 21. Сей донь былъ холодний, ясный, але вѣтряний, таковажъ и ночь. Родитель рано поехалъ въ Андрѣвку и Токарѣ, а ты здѣ обѣдали сами, отецъ Савѣцкій, Свѣтъ и Несторовичъ.

По обѣдѣ же пріѣхалъ братъ п. Марко и подалъ ревизію Якова Дуброва, чиненную въ футорахъ степныхъ сего весенного времени. Слуга брата п. Семена пріѣхалъ зъ Ахтирки зъ тимъ, что братова вая болна.

Среда. 22. Сей день былъ зъ ранку вѣтрянъ и холоденъ, вечеръ теплѣйшій, ночь холодновата жъ. Ездилемъ зъ родителкою въ пасѣку на Засулле, где видѣлемъ моей пчолы 18, а родителка подарила 10, протопопъ 2.

Четвер. 23. Сей день былъ сперва тихъ, потомъ мокръ и дожчевать зъ громомъ, ночь похмурна. Уговорилемъ козаковъ Засулскихъ Мая, Демка и Матвѣя Гнѣдаша съ товарищи до Царицина, на 30 куѣ гор., отъ всякой куѣи по 4 р., прикладъ тютюну довести по 4 пуда и задатку далемъ имъ 10 р., а они дали мнѣ росписку, въ свѣдителяхъ—Федоръ Яновскій. Денги лѣчилъ имъ въ пятницу уже Яковъ Дуброва. Родитель повернулся зъ Андрѣвки на Засулле, куда и мы зъ родителкою ездили и отвѣчавши, повернулись назадъ ночью.

Пятокъ. 24. Сей день былъ холодний и весь дожчевать, ночь похмурна и холодновата жъ. П. Несторовичу на воли далемъ 100 р. а за прежніе денги воловъ 34. Братъ Марко поехалъ въ Глуховъ, черезъ котораго писалемъ до жени о домашнихъ нуждахъ и лилѣи, 7 кущъ пивонѣи да рожи новіе послалемъ, а писалемъ о нанятыхъ зде подъ гор. до Царицина фурманахъ, о приуготованню гор. 20 куѣ простой, а 10 оковитой, объ Архипу, чтобъ былъ готовъ въ дорогу низовую. Писалемъ до сестри поздравленіе и до Люки, до господара въ Криски о присилцѣ гор. оковитой въ Глуховъ куѣ вел. и улей. До Камѣнского о покупцѣ 2-хъ картузовъ мѣнговъ, 12 бутилокъ понтаку, чаю и проч.

Субота. 25. Сей день былъ холодновать зъ вѣтромъ и дождь часами малъ проривался, ночь ясна и мразна. Далемъ дядьови на покупку пшона 2 р. Данило Савоско просилъ родителей и мене къ себѣ на веселле въ домъ, что дочь свою отдаетъ за меншого Яновского. Первый зъ жителей роменскихъ въ сихъ часѣхъ показался къ намъ. Обѣдалисмо въ себе, а по обѣдѣ поехалимо и прі-

ехавши въ Лехвицю у вечеру, тутъ у гаю ночовалемъ, у п. Павловой, которая зъ мѣста такожь ко мнѣ пріехала.

Неделя. 26. Сей день былъ вѣтряный и холодный, а по полуднѣ дождь ишолъ и черезъ ночь. Поехалемъ рано зъ гаю и пріехалемъ въ Сухоносовку на службу, где и увесь день пробавилемъ. Шаповала стараго да Миценка, мужиковъ Сухоносовскихъ, посладемъ въ Роменъ покупать воловъ и грошей далемъ имъ 60 р., а въ Несторовича 100 р., до которого о семь и писалемъ черезъ нихъ же.

Понеделокъ. 27. Сей день былъ вѣтренъ и холодноватъ, ночь ясна, однакожь зъ морозомъ. Обѣдалемъ тутъ въ Сухоносовцѣ, а по обѣдѣ по порядку здешнему опредѣленіе учинивши, отехалемъ и пріехалемъ до Курѣнки, въ 2-хъ миляхъ отстоящей, и тамъ черезъ греблю переехавши и такъ Удой рѣчку перебувши, пріехалемъ, первой доброю, а потомъ худою дорогою, въ село Гонцѣ, где и заночовалемъ. Опредѣленіе о Сухоносовскомъ порядку учинено: 1) данъ приказъ дворникови Василеви въ дополненіе прежнего, въ якомъ положено исполнять прежній приказъ. Отъ винницѣ ключъ данъ пасѣчникови въ такой силѣ, чтобъ одному безъ другого неходить въ імбаръ и не отсипать гор. безъ другого и безъ винника, для чего имъ данъ тройній карбъ, а другій двойний карбъ въ раздачѣ гор. долженъ мати дворникъ зъ пасѣчникомъ. Емужъ дворнику, чтобъ остановка у винницѣ не была, покупать жито дано 5 р. Да на соль въ Багмутъ послать даломъ же 12 р., 2) пасѣчникови особливый данъ приказъ о пчолѣ и о ключництвѣ; 3) трерій приказъ данъ Андрушцѣ, что онъ имѣеть запровадитъ въ Роменъ. Емужъ Андрушцѣ далемъ 3 р. и велѣлемъ дать полносатки гор. для того, что онъ въ дорогу низовую опредѣленъ. Приказалемъ по моемъ отездѣ заразъ вислатъ дворнику въ Роменъ тютюнь, 150 попушъ, да куеу дулевой гор. на 3-хъ подводахъ, якіе тамъ перевезти мѣють пчолу.

Вовтор. 28. Сей день зранку билъ холодный и велми вѣтряный, ночь свѣтла, тиха. Рано вставши, поехалемъ зъ Гонцовъ и пріехалемъ до Лазурокъ села Троцкой, яке отстоитъ отъ Гонцовъ у поль 2 миль, где черезъ рѣчку Слѣпородъ переехавши, пріеха-

лемъ въ Яблуневъ, куда отъ Лазурокъ миль 2, тутъ черезъ Ся-рюю Оржицю переехавши, приехали до футорця сотника Пѣра-тинского, где Сухая Оржица течетъ, тутъ переехавши, приехали въ Перервинцѣ, отстоящіе за 2 милѣ отъ Яблунева,

Среда. 29. Сей день былъ теплій и ясный, также и ночь до половины, а потомъ нахмурна и мокра. Проучовали зде молодыхъ коней, карого тарановатого, да карихъ же пару. Ездилемъ рано зъ Перервинецъ къ Сухой Оржицѣ, степомъ, где нашъ яръ зъ гребел-кою, оттуду повернулъ въ лѣво и проехавши стѣнки Пилипенковъ и Жилину, повернулись назадъ ку дворови. Перечисляли овцы, такъ бранки яко и протчіе криворудскіе, а по ищисленію показалось на лице: бранокъ овецъ 180, барановъ 9, ягнятъ теперешнихъ 62, а простихъ Криворудскихъ овецъ дойнихъ 383, яловнику 303, ба-рановъ 61, бѣлихъ валашковъ 71, чернихъ валашковъ 55, ба-ранціовъ бѣлихъ 16, баранціовъ чернихъ 10, ягниць бѣлихъ 95, ягниць чернихъ 58, сумма всѣхъ овецъ простихъ 1052, козъ всѣхъ 26, козенятъ 6. Якову Дубровѣ даровалемъ коня буланого своего верхового, старого. Вилучили конѣ послать въ Ромень гнѣ-дихъ 5, карихъ 2, каштановий лисий вер. да п. Павловой лох-вицею пару рижострокатихъ, а вмѣсто тихъ Алексѣви ездить, во-ронострокатихъ 2, а криворудскихъ 4, да молод. 2, да молодыхъ виученихъ 20, да неуконъ 17, всѣхъ 54. Стаднина: дриггантовъ 8, кобилъ жеребнихъ 42, яловихъ 20, лошиць третякъ 8, лоша-ковъ третяковъ 5, стрижаковъ 14, стрижокъ 15, всѣхъ 112. Опрочъ сего лѣтнихъ лошаць, якіе еще ожеребляются.

Четвер. 30. Сей день былъ мокрій, а передъ вечеромъ пох-мурний, таковажь и ночь была. Рано поехали зъ Перервинецъ и переехавши Бѣлоусовку, въ милю легкую отстоящую, приехали до Денисовки, миль у 2 отъ Бѣлоусовки разстояніемъ ишѣючойся, от-туду, пообѣдавши, тамъ у Костантія, зятя п. Ивановой Лубенской, поехали и приехали къ перевозу Горошинскому за 3 милѣ от-стоящому отъ Денисовки, где перевозились, приехали до Горошина въ 8 верстахъ отстоящего, а оттуду у футоръ свой Криворудскій, у полтори милѣ отъ Горошина обрѣтаючися.

М-ць май. Пятковъ. 1. Сей день зъ ранку былъ похмурный, а потомъ до вечера ясный и теплій, ночь была похмурна и мало холодновата. Коровъ въ хуторъ Криворудскомъ доитя 35, а недавно стала доить; воловъ рабочихъ имѣется 10.

Субота. 2. Сей день былъ теплій и зъ ранку похмурный, а потомъ, трома переимѣнами, ясный и дожчеватий зъ громомъ, ночь свѣтла и тепла по мѣрѣ. Алексѣви Полудонскому оставилемъ приказъ въ 16 пунктахъ, такъже и о Сухоносовскомъ. Поехалемъ рано зъ Бривой Руди степомъ Хоролскимъ и уехавши миль 3, приехали до шляху болшого Ромадановского, где при лѣсахъ и водѣ обѣдалемъ, а по обѣдѣ поехавши, уехали миль зъ 4 и приехали до корчми п. Павла (Апостола), мѣргород. полковника, где постояли болшь часа, а оттуду поехавши, уехали миль болше двоухъ и стали на ночь при футорѣ хоружого пол. луб. Корсуна, недалеко отъ шляху стоячомъ.

Неделя. 3. Сей день былъ ясный и теплій сполдня, по сторонамъ дождъ и хмары малѣе, ночь свѣтла и тепла. Сегодня рано поехавши отъ ночлѣга, приехали до рѣчки Бодакви, якъ бы миль у 2 отстоящей отъ ночлѣга, где оную перебувши, поехали стороною отъ шляху Ромадановского въ правую сторону и приехали у футоръ Якубовичевъ, якъ бы миль у 2 отстоящего отъ Бодакви, где и обѣдалемъ. А по обѣдѣ приехалъ ко мнѣ Несторовичъ и Тарасъ, съ которыми обехавши футоръ тотъ вкругъ, приехали позно у Гамалѣвскій мой новоустроенный футоръ где и ночовалемъ. 15-го апр. писанный листъ отъ Якубовича ко мнѣ, подалъ мнѣ отъ Тараса, въ якомъ пишетъ, слагаяся увесь въ волю мою, а обѣщаючи прислать для торговлѣ футорной чоловѣка своего.

Понедѣлокъ. 4. Сей день былъ ясный и теплій, таковажъ и ночь. Поехалемъ рано съ футора зъ Несторовичемъ, попомъ Андрѣвскимъ, отцемъ Ивановъ, также зъ старостою и войтомъ Андрѣвскими и притомъ билъ слуга Тарасъ а обездилесмо между по загонамъ къ футору Гамалѣвскому учиненнымъ за шляхъ Ромадановскій именуемій, чимъ Розбишовскій прикажчикъ и селяне тамошніе завладѣли, а обехавши такъ приехали до Андрѣвки, где и

обѣдалисмо. По обѣдѣ жо пріехали въ Роменъ, предѣ заходомъ слонца. Получилемъ вѣдомости зъ Глухова, а въ томъ числѣ печатный указъ зъ Москви 14-го априля, въ якомъ показано, чтобъ князь Алексѣю Грирор. Долгорукову зъ синомъ его князь Ивановъ велено за показаніе вини жить ему зъ женою и зъ всѣми дѣтми, такожъ князь Сергію брату его, въ далнихъ ихъ деревняхъ безиздно, а другимъ браттямъ, князь Ивану и князь Александру, битъ въ оддаленнихъ городахъ воеводами, а князь Василию Лукич. Долгорукову жъ, посланному въ дальнюю его деревню, жить безиздно, за крѣпкимъ карауломъ.

Вовтор. 5. Сев день былъ вѣтряный и временемъ дожчевать, ночь вѣтряна жъ зъ дожчемъ. Сухоносовцѣ Шаповаль зъ Маценкомъ купили воловъ мѣ 8 за 40 р. Да имъ же впредѣ покупать воли далемъ 80 р. и отпустилемъ ихъ домой, а казано имъ запровадитъ воли въ футоръ Гамалѣвскій, где теперъ зъ сими волами будетъ 42 воли, а Кучарскимъ купленихъ на Кривой Рудѣ 5, итого всѣхъ теперъ наѣтся 47. Купилемъ воня тарана до моего за 16 р., у Бѣловодского Стеценка. Милемся у ланѣ и кровь банками пускалемъ. Сторговалемъ мѣди пудъ по 8 р. и по 4 гривни.

Середа. 6. Сей день былъ мокрый зъ великимъ дожчемъ, ночь свѣтла а съ полночи хмурна. Мѣди купилемъ полъ 4 пуда, пудъ по 8 р., якая теперъ у Несторовича, и денги ему отдадемъ. Получили писмо отъ брата п. Семена о болной женѣ его, близъ смерти сущой. Ілля Васил. Ржевскій, капитанъ Володимерского полку, пріехалъ и ночоваль со мною въ дому род. Жена брата моего Семена и дочь полковника Ахтирского Лесевицкаго Парасковей въ Ахтирцѣ умра, 4-го часа по полудни.

Четвер. 7. Сей день былъ сперва вѣтрянъ, а потомъ погодній и теплій, ночь ясна. Ржевскій сегодня простился съ нами, а едетъ въ Москву. Черезъ Остапа Козорѣза, Перервинского, писалемъ до Алексѣя въ Сухоносовку о нанятию 4-хъ человекъ въ дорогу Гданскую гайдаевъ и приспособленне харчи на возъ воловий о 4-хъ волахъ, на що и денегъ 10 р. послалемъ. Черезъ Якова Дуброву визичилемъ у Воротяяка 40 р., а 20 чер. заложилемъ, и оніе за

5 пуд. мѣди, якая поспѣеть по ярмарку п. Несторовичу отложи-
земь, якіе п. Несторовичъ отдавши купчимови, мѣдь тогда озметь.
До 3-го пункта и сіе надлежитъ, что до Алексѣя писалемъ о це-
регнатію овецъ до фютора Гамалѣвскаго и о присилкѣ воловъ,
когда оніе куплены будутъ, на которіе далемъ Шаповалу 80 р.
Писалемъ до Костенецкаго, сотника Конотопскаго, о приѣмѣ Якова
Дуброви зъ моими волами въ Гданскую дорогу, и листъ ему Дуб-
ровѣ отдадемъ ¹⁾. Далемъ приказъ Романови, чтобъ онъ когда при-
детъ виправа зъ Сухоносовки со всѣмъ тимъ и зъ протчіими рѣ-
чами, въ Ромнѣ оставшимися, сложившись на фурманъ Засулскихъ,
ехалъ въ Глуховъ. Далемъ приказъ, въ 9 пунктахъ, Тарасу объ
устроєніи фютора Гамалѣвскаго и въ ономъ гребелки зъ спустомъ,
пасѣки и тютюну зъ пасѣчникомъ и тютюнникомъ, шинку, хать 7
населить. Мѣдь всю, тоестъ уже заплаченную полъ 9 пуда, завезти
въ Глинскъ, чтобъ зъ оной казани винничніе роблени били, о чомъ
и листъ до сотника Глинскаго данъ емужъ. П. Несторовичу пред-
ложиземъ, чтобъ онъ зехалъ въ Смѣлое воловъ осмотрѣть продаж-
нихъ, о якихъ Яковъ предлагалъ. О преставленіи братовой моеи
п. Семеновои получивши вѣдомость, виехалиемъ зъ Ромна къ Ахтирцѣ
и ночовалемъ за 16 верстъ.

Пятокъ. 8. Сей день былъ теплій, свѣтлій, однакожъ вѣт-
ряний, ночь свѣтла и тиха. Вставши рано отъ ночлега, переехали
село Липовое, полку Гадацкаго, отстоящее отъ Ромна въ 26 вер-
стахъ, а оттуду поехавши, уехали миль 3 и приехали въ село Хитцѣ,
повисше Гадечого, въ лѣвой рудѣ лежачое, где черезъ рѣчку Грунку
греблею переехавши, уехали съ полъ миль и приехали до рѣки Псла,
черезъ которой поромами перевозились, становиско имѣли. Оттуду
уехавши верстъ зъ 3, зближились къ мѣстечку Веприку, откуда
уехавши миль 3, уехали въ село Комиши, а оттоль поехавши зъ
милю, опочивали, а послѣ рушивши, уехали болшъ 2 миль и при-

¹⁾ Сотники Конотопскіе Костенецкіе вели большую заграничную торговлю
быками; М—чъ проситъ тогдашняго сотника Осипа Костенецкаго — позволить гнать
воловъ вибѣстѣ, въ Давцигъ. См. Опис. Стар. Малоросс., II, 198.

ехали въ селце полковника ахтирскаго Злодѣевку чили Добрословле именуемое, около полночи; тутъ заночовали. Сегодня въ Ахтирскомъ монастырѣ было погребеніе братовой моеи Семеновой, на которое незаспѣлешъ.

Суббота 9. Сей день былъ ясный и теплій, такова жъ и ночь. Рано вставши въ Добрословуцѣ, маѣности полковничей, поехали до монастыра Ахтирскаго, у ворету оттуду либо у полтори отстоящаго, где службы Божой и панахиди по умершей братовой вислухавши, приехали въ Ахтирку въ домъ полковничий, где и обѣдаемъ купно съ гостми тамъ бывшими, и послѣ обѣда весь день тутъ пробавилешъ.

Недѣля 10. Сей день былъ свѣтлій и теплій, однако жъ часами хмарки переходили и дождь надходилъ малій, а почъ свѣтла и тиха. Тутъ въ Ахтирцѣ обѣдалисмо и Данило Ивацовичъ Перекрестовъ, и весь донъ пробавили.

Понедѣлокъ 11. Сей день былъ теплій, свѣтлій, такъ же и ночь. Писалешъ съ Ахтирки въ Роменъ до родителя о евоемъ въ Глуховѣ вьездѣ, а до Несторовича о виправѣ фурманъ съ Романомъ и о. Семену Бардаку, чтобъ увѣдомилъ мене похочеть ли пойти запровадить онихъ на низъ. Рано поехалисмо съ полковникомъ и полковницею и братомъ съ Ахтирки и приехавши въ монастыръ ахтирскій, службы Божой вислухали и панахиду отправивши, гробъ братовой загребли, а мы обѣдали у Добрословуцѣ, откуду по обѣдѣ проотившись съ полковницею и братомъ, поехали съ полковникомъ и уехали верстъ съ 7, приехали до его селца Ивановскаго, а оттуду простившись я съ нимъ, поехали въ путь свой и приехали въ село Тростянецъ, отстоящее отъ Ахтирки около 20 верстъ, где въ дворѣ покойнаго духовника и заночавалешъ. Увѣдомилеша отъ полков. Ахтир., что князю Михайлу Мих. Голѣцину ея в-во подарила 3 волости въ Можайскомъ уѣздѣ, въ которыхъ дунѣ близъ 6000 да съ вещей нѣкоторыхъ княгини и княжнѣ Маріи.

Вовтор. 12. Сей день былъ теплій и свѣтлій, днемъ почасті билъ вѣтеръ, а ночь свѣтла и тиха. Вставши рано съ Тростянця поехали и въ дорогѣ переехалешъ село Черцовку, якъ бы отъ

Тростянця верстѣ у 5, а оттуду уехавши вурстѣ зъ 10, пріехали въ городокъ Буромлу, Ахтирскаго полку, где и сталимъ квартирою въ дому Іосифа Гречаного. По обѣдѣ же, которій имѣлемъ отъ сотника тамошняго наказ., поехавши, уехали болшъ милѣ до селця Гребениковки, Антоновой Гамалѣиной, а оттуду такъ-же зъ милю до селця Сировотки, Сумскаго полку, а оттуду зъ добрую милю до Сумѣ, где черезъ мостъ на Пслу устроенной переехавши, сталимъ квартирою на другой сторонѣ города, на холодной горѣ, въ загородномъ дворѣ Івана Кондратіева.

Среда. 13. Сей день былъ теплій и свѣтлій, а къ вечеру похмурный, въ ночь ветѣръ и дождь. Обѣдалимъ въ Сумахъ, по обѣдѣ пріехала въ Суми жена Івана Кондратіева, до которой ездилемъ въ городъ и поговора съ нею о заплатѣ служителямъ братнимъ и о пожиткахъ братнѣхъ, отехалимъ зъ Сумѣ и уехали зъ полтори милѣ, сталимъ на ночь у хуторѣ его-жѣ Кондратіева, прозвасомъ Степу.

Четвер. 14. Сей день спорва похмурный и дождеватый, потомъ свѣтлій и теплій зъ ночью хорошою. Поехавши рано зъ фutora, уехалимъ милѣ 2 и пріехалимъ въ село Вири, маетность Івана Кондратіева, где и обѣдалимъ, а по обѣдѣ уехавши верстѣ зъ 17, пріехалимъ къ мѣстечку Кризѣ, которое вправо оставивши, пріехалимъ верстѣ зъ 6 и пріехалимъ въ село Ворожбу, где отпочивши поехалимъ и уехавши милѣ зъ 2 пріехалъ до села Клепаль, оттуду уехавши зъ милю, недожджаючи перевозу Сеймоваго, заночевалимъ.

Пятокъ. 15. Сей день свѣтлій и теплій, такова жѣ и ночь. Рано перевозились черезъ поромъ, черезъ Сеймъ, уехалимъ милю до Путивля города, оттуду тако жѣ уехавши милю, пріехалимъ до Вязюнки, селця монастыра Петропавловскаго Глух., гдѣ черсзъ Клевевъ греблю переехавши, въ дворцѣ монастырскомъ отдохнулемъ; поехавши оттуду, пріехалимъ въ Кочерги, за милю отъ Вязюнки, а оттолъ въ Уздню, такъ-же зъ милю, где—у насѣцѣ своей былемъ. У насѣцѣ видѣлемъ пчолы своей стоячей 264. Поехавши оттуду, ве-

чоромъ приехали у футоръ свой Калужновскій, где перемѣнивши коней, приехали въ Сварковъ и тутъ жену свою застали.

Субота. 16. Петра, кухара, приехавшаго зъ Москви, видѣли и отъ онаго получили письмо Камѣнскаго, который пишетъ, что посылаетъ полфунта чаю, цукру 25 фунт., рукавицъ и обранныя лосиніе. Сей день былъ свѣтлій и теплій, однако-жъ по сторонамъ хмари, ночь свѣтла и тепла. Приехали у вечеру въ Глуховъ, где застали матку приехавшую.

Неделя. 17. Сей день былъ свѣтлій и теплій, и ночь такова-жъ. Сегодня обѣдали у Потемкина, где били бригадиръ и проч., и подпіяхомъ.

Понедѣлокъ. 18. Сей день былъ свѣтлій и теплій, и ночь такова жъ. Сегодня обѣдали у сестри Уляни Ивановни, куда потомъ братъ п. Михайло приехалъ; оттоль поехали все трое до жени его, где въ карты играли. Отобрали у Демьяна принятыхъ грошей отъ Уляни 64 р., еще виновать 26 р. Отобрали у Михайла Гавриленка принятыхъ грошей у должниковъ Черныг. полку 70 р. Писали до господара о приездѣ его сюда.

Вовтор. 19. Сей день былъ свѣтлій и теплій, и ночь такова жъ. Сегодня обѣдали зъ родителкою и женою у панни гетмановой, а потомъ зъ братомъ п. Михайломъ ездили до сестри, гдѣ все обще, зъ маткою и женою, вечерали. Машталѣрь Федорець захорывалъ и въ шалонство прійшолъ.

Среда. 20. Сей день былъ вѣтряный, однако жъ свѣтлій и теплій, ночь тиха и ясна, а передъ свѣтомъ была похмурна зъ малимъ дождикомъ. Обѣдали зъ женою у сестри, которая поехала въ поліовіе свои маестности и оную опроважаючи, заехали до Тулиголовъ, где и ночовали. Конь мой цуговий гнѣдй, у цигана Михайла купленный здохъ.

Четвер. 21. Сей день былъ свѣтлій и теплій и ночь такова жъ. Обѣдали у насъ панъ гетманова, дочери ея: Кулябича и Горленкова, Стефанъ Миклашев., для того, что жена моя и сестра именниницъ. По обѣдѣ били у обозного енер., оттоль заехали до Потіомкина. Петръ Жураковскій, сынъ Василя Жу-

раковского, бывшего есаула енер., умре. Яковъ Дуброва пріехалъ зъ Борзинскаго ярмарку и объявилъ, что сторговалъ на мою потребу воловъ 13 у Смѣланскаго человѣка по 5 р. зъ 20 копѣйками, которому тутъ и отдаемъ сегодня денги, а именно 70 р. зъ малимъ чимъ.

Пятокъ. 22. Сей день былъ свѣтлый и теплый, и ночь такова жъ. Погребеніе Петру Жураковскому отправлено сегодня у церкви Михаила. Обѣдалисмо у Мануйловичей, а по обѣдѣ посѣщалъ мене братъ п. Михайло, Дорошенко и Якубовичъ. Писалемъ черезъ почту до Камѣнскаго о карпузахъ (?) о шафѣ, о винѣ, о табаку, о присылкѣ человѣка Сварковскаго, коли не нуженъ.

Субота, 23. Сей день свѣтлый и теплый, и ночь такова жъ. Принималемъ лѣкарство проносное com. laxativa композиціи Бидлова капель 130, и имѣлемъ довольное дѣйствіе. Демянъ отправленъ на Ічанскій ярмарокъ для покупки воловъ, на что далемъ ему 150 р., да черезъ его до Тараса посылаемъ на футорное строеніе 10 р. и приказъ далемъ Демяну, въ 10 пунктахъ, о виправѣ въ Гданскую дорогу и припровоженню такъ воловъ, яко и воза волового до Куренъ, и о Смоленѣцкаго вещахъ. Черезъ его жъ барма сукномъ послани Алексѣю и Тарасу. Ему жъ черезъ его жъ вручимъ обмѣковъ 6 для виправки грошей, а въ нихъ сумы 50 р. Петръ Воротелякъ приносъ закладніе червонніе 20, а отобралъ у меня 40 р. Куріеръ..... (?) переехалъ и сказивалъ о скоромъ гетманскомъ пріездѣ и что Андрей Кандиба умре въ Москвѣ.

Недѣля. 24, Сей день былъ свѣтлый и теплый и ночь такова жъ. Вылемъ рано у паней гетмановой и на службѣ у Бѣлогонковской церквѣ, а обѣдаломъ у себе зъ род.—ми и Якубовичемъ. По обѣдѣ ездилемъ до брегадира. Вечералисмо обще всѣ, и съ нами Кендзеровская Гапка, Александръ зъ женою. Черезъ цедулку объявляетъ п. Григоріева (жена Журавки) зъ Новгородка, что купила на нашу потребу дерева 88 коловъ четверосаженныхъ, а тросаженныхъ 100, брусомъ четверосаженныхъ 100 и одинъ за 30 р. безъ талара.

Понедѣлокъ. 25. Сей день былъ сперва свѣтлѣй, а въ день похмурный, а въ вечеру дождевать, и чрезъ всю ночь зъ громомъ блисканіемъ и великимъ дождя пролітїемъ. Сегодня приставлялъ я павици и геморгоиди отворялъ. Получилемъ писма зъ Москви отъ Курбатова и приложенныхъ медаллей золотихъ 3, а серебряныхъ 6. Покроилъ себѣ шляфрокъ зъ пугвицами, зъ полъ 13 локтя атласу.

Вовтор. Сей день былъ свѣтлѣй и теплѣй, такъ же и ночь. Рано зъ п. Михайломъ ездилисмо до Новоторжцова просить о дѣлѣ сестринемъ, чтобъ для изслѣдованія сюда сискать старосту и войта Кучеровского, а не туда оберъ офѣцора посылать. У вечеру посѣщали мене Ширай и п. Федоръ Савичъ. Отправляемъ козака Глуховскаго до сестри Улани Ивановни и приложилемъ писмо Курбатова и медали золотой и серебряныхъ 2, и другіе писма. Купилемъ полъ 12 арш. 6ѣ (?) по 7 гривенъ.

Среда. 27. Сей день билъ теплѣй и свѣтлѣй и ночь такова жъ. Сегодня игралисмо у насъ съ прїехавшими п. Михайломъ и панею его, и Люкою, у кадрилѣи, въ карти. Ездилемъ до брегадира и до Новоторжцова просить же о дѣлѣ сестри. Жѣнѣ отдадемъ 30 р. на расходъ.

Четвер. 28. Сей день былъ свѣтлѣй и теплѣй, ночь похмура. Обѣдалисмо у себе, по обѣдѣ п. Михайло, братъ, прїехалъ и Чуйкевичъ Федоръ. Зъ Ромна прїехали воловики фермане. У вечеру билемъ у брегадира.

Пятокъ. 29. Сей день былъ свѣтлѣй, однакожъ вѣтрянїй, ночь тиха. Рублювиковъ дополнилъ до 10 сотце. Родителка отехала въ Овдоколе и Стародубъ.

Субота. 30. Сей день былъ свѣтлѣй и теплѣй и ночь такова жъ. Жѣна поехала зъ родителкою въ тотъ же путь. Обѣдалисмо у Сухарева, именинника, и подпїяхомъ. Черезъ Александра далемъ Шлюкову, канцеляристѣ, за дѣло сестри 2 р. Василь Уманецъ за доводячіея денги прислалъ гор. 109 вѣдеръ, по полтнини.

Недѣля. 31. Сей день былъ погодный, однако жъ мало холодноватїй, а къ вечеру похмурный и отчасти вѣтрянїй. Вѣжев-

скому ни расходъ дадемъ 10 р. и запишемъ. Полукунтушь бѣло-
косовой пошить мѣ, въ которомъ будемъ ходить.

М-ць іюнь. Понедѣлокъ 1. Сей день былъ дожчеватъ увесь,
ночь мало вняснилась. Уманецъ особливо прислалъ гор. вѣдеръ 107
по 10 а. ведро, за что заплатилемъ посланному его 34 р. и 2
гривни. Ездилемъ до бригадира, который объявилъ, что допраши-
ванъ староста Кучеровскій о пожиткахъ покойной тѣтки, у Куче-
ровку увезеннахъ, и имѣеть сфѣцерь послатись туда, о выдачѣ онихъ
пожитковъ, а именно 5 куф. гор., 3-хъ казановъ винничныхъ,
одного броварного, 20 скотинъ. 20 р. зъ шинкарей и другой по-
дробицъ, да жита 37 четвериковъ Глух. мѣри. Послалисмо до сестри
солдата о выдачѣ зъ Савиновки и Липовицъ 47 р. да 86 скотинъ.
розданныхъ тамъ мужикамъ на прокормъ.

Вовтор. 2. Сей день былъ вѣтряний, холодний и дожчеватий,
о полуднѣ ясенъ, потомъ знову мокрый, а ночь была тиха и за-
погодилась. Послани воловики сестрини и мои въ Кучеровку, для
забрання вещей чили пожитковъ нѣкоторыхъ покойной тѣтки, туда
увезенныхъ. П. Петръ Апостолъ, полковникъ новоустроенный Лубен-
скій, приехалъ въ Глуховъ. Гетману господину Апостолу ея импе-
раторское величество мая 15-го указала владѣть ключемъ Гадяц-
кимъ на булаву опредѣленнымъ, со всѣми доходи, такъ что ника-
кихъ доходовъ зъ онихъ маестностей въ войсковий скарбъ подскарбѣямъ
не брать. Также на урядъ гетманскій даются ему маестности; Ропская
волость, Евминка и Рудьковка, Биковская волость (кромѣ Мокѣвки
Танскому данной), а въ нихъ дворовъ 1317, село Кучеровка съ при-
селки Сопичемъ и Потаповкою, 152 двора, да Шептаковская во-
лость, 2698 дворовъ, и онихъ маестностей ему гетману никому не
отдавать, что оніе даются на урядъ гетманскій. Да давать зъ скарбу
войскового на доктора лекара и аптеку по 600 р.

Середа. 3. Сей день былъ похмурний, холодний и дожчеватий,
ночь холоднажъ, хочай и погодилась. Былемъ рано у п. Петра
Апостола и у п. Михайла брата. Люцъ дадемъ 6 р. по его картъ,
Омельяну Горошинскому дадемъ ~~1 р.~~ позикку, да черезъ егожъ